

СВЕТЛАНА ГЕБЕЛЕВА

Долгий путь к заветной улице

Минск
Издатель Логвинов И. П.
2010

УДК 94(=411.16)(476)
ББК 63.3(4Бел)
Г27

Моей любимой маме
Хасе Беньяминовне Гебелевой

Моему замечательному другу
Анне Павловне Купревой

Гебелева, С. М.

Г27 Долгий путь к заветной улице / Светлана Гебелева. —
Минск : И. П. Логвинов, 2010. — 162 с.

ISBN: 978-985-6901-78-5.

УДК 94(=411.16)(476)
ББК 63.3(4Бел)

ISBN 978-985-6901-78-5

© Гебелева С. М., 2010
© Оформление. Издатель ИП Логвинов И. П., 2010

Содержание

<i>От автора</i>	5
<i>Три пары баумачков на пепелище...</i>	7
- ГЛАВА ПЕРВАЯ - Под грифом «секретно».....	10
- ГЛАВА ВТОРАЯ - На пути к подвигу	14
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ - Бесстрашный Герман	17
- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ - Выполняю завет... ..	41
- ГЛАВА ПЯТАЯ - Признание	46
- ГЛАВА ШЕСТАЯ - Дети подпольщиков	52
- ГЛАВА СЕДЬМАЯ - Подвиг Анны Купреевой	64
- ГЛАВА ВОСЬМАЯ - Через все круги ада	74
- ГЛАВА ДЕВЯТАЯ - В Узлянах	79
- ГЛАВА ДЕСЯТАЯ - В творчестве художника... ..	82
- ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ- Еще одна страница борьбы	87
- ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ - Посланники родного края	92
- ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ - Лицом к справедливости	96
- ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ- Учительница-партизанка	99
- ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ - День Победы в Миннесоте	104
- ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ- Посол своего поколения	111
- ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ - Привет от отца	115
- ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ - Пока еще память жива	126
- ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ - Сын Вася	130
Послесловие	136

От автора

Дорогие читатели! Перед вами книга о войне. Но вы не услышите в ней залпов орудий, звуков канонады. Вы не побываете на передовой, не увидите фронтовых баталей, где противники сходятся лицом к лицу. Вы не попадёте к партизанам, которые были грозой для оккупантов. Те бойцы, о которых я рассказываю в своей книге, из Минского гетто, где смерть для всех была неотвратимой, встали перед выбором: гибнуть покорно, без сопротивления, или дать отпор врагу?!.. 317 подпольщиков Минского гетто во главе со своим руководителем Михаилом Гебелевым выбрали путь борьбы. Об их подвиге стало известно много лет спустя после Великой Отечественной...

Эта книга — итог многолетних поисков истины, правды о героизме Михаила Гебелева и его сподвижников. Всю свою сознательную жизнь я посвятила восстановлению имени отца... Поиск обрастал всё новыми и новыми фактами, воспоминаниями и свидетельствами многих людей, архивными документами, публикациями о нём в книгах, газетах, журналах, изданных в разных странах... Он привёл к торжеству Справедливости. В Минске появилась улица Михаила Гебелева. Простые люди — наши соотечественники и американцы — сделали для этого всё, что могли. В этом их поддержало руководство Республики Беларусь. Моя книга и о том, как долог был путь к моей Заветной улице... Я постаралась как можно ярче, доходчивее рассказать о моём отце, о моём папе не только как о борце, герое, но и как о человеке в окружении семьи, друзей, соратников. Я стремилась показать истоки его благородства, любви к людям, мужества и героизма.

Всё, о чём написано в этой книге, подтверждено документально. В моём домашнем музее отца собрано множество материалов о Минском гетто и его подполье. Здесь историческая справка и монография Анны Павловны Купреевой, книги Гирша Смоляра

«Мстители гетто», Валентина Скобло «На уцелевшем челне», «Чёрная книга» под редакцией Ильи Эренбурга и Василия Гроссмана, «Жёлтые звёзды на Белой Руси» профессора-историка Давида Мельцера, «Чёрная книга с красными страницами» Давида Мельцера и Владимира Левина, «Война и судьбы» под редакцией Абрама Сагаловича, «Дети Минского гетто» Григория Розинского, книги о евреях Беларуси и Минском гетто профессора Эммануила Иоффе из Минска, книга Константина Доморада о партизанском и подпольном движении в Беларуси в годы войны и другие... В отдельных папках — собранные мной в разных городах и весях воспоминания об отце, газеты, журналы и книги с моими публикациями о нём.

К сожалению, невозможно назвать всех, кто помог мне за многие годы воссоздать образ отца, и кто принял участие в создании улицы Михаила Гебелева. Их очень много. Низкий поклон вам от дочерей Михаила Гебелева. О каждом из вас мы помним, каждому признательны.

За эти годы я узнала, подружилась с людьми моего поколения, их детьми, для которых память о борцах за свободу родной страны священна. Один из них, мой друг — поэт и журналист Александр Шапиро — посвятил пронзительные стихи подпольщикам гетто — тем героям, что:

Гибли не на плахе,
А в бою,
Те борцы,
Кто жизнь свою так рано,
Отдал за мою и за твою!

Я хочу, чтобы моя книга стала памятником Михаилу Гебелеву и всем подпольщикам Минского гетто.

Светлана Гебелева

Три пары башмачков на пепелище...

Когда на митинге в нью-йоркском центре «Шорфронт» я встретила с Цилей Ботвинник-Лупьян и Славой Гебелевой-Осташинской, сподвижницами моего отца, руководителя подполья Минского гетто Михаила Гебелева, они мне рассказали о своих сыновьях. Но когда я увидела Гилела Осташинского, Семёна и Яна Лупьянов, то не узнала. Мы расстались много лет назад в Минске. Я помнила их мальчишками. А здесь передо мной были уже солидные преуспевающие мужчины, отцы семейств: Гилел — бизнесмен, Ян и Семён — врачи. Уже и дети их достигли высот в науке.

Но успех, благополучие не закрыли их сердца для памяти о страшной войне, о трагедии соплеменников и о героизме их отцов и матерей. Эта память нас сблизила. Она повела нас в Минское гетто к Яме, куда были сброшены 5 тысяч жертв мартовского погрома 1942-го. Она повела нас к тому месту, где стоял когда-то дом Авсея Лупьяна — отца Семёна и Яна.

Были у Авсея до войны жена и трое детей. Пришла война, и стал Лупьян бойцом, воевал за свою страну на фронте. Воевал Авсей в составе 100-ой мотострелковой дивизии под командованием Русиянова, которая обороняла город Минск от нашествия врага. В честь этой дивизии установлен танк возле Острошицкого Городка. Когда подъезжаешь к Минску, этот танк виден издали. Впервые в истории войны этой дивизии было присвоено звание «гвардейской».

С наградами возвращался Авсей осенью 1945-го в Минск к семье. Но... Помните разрывающую душу песню «Враги сожгли родную хату», которую пел когда-то Марк Бернес: «Враги сожгли родную хату, сгубили всю его семью. Куда теперь пойти солдату, кому нести печаль свою? Пошёл солдат в глубоком горе на перекрёсток двух дорог, нашёл солдат в широком поле травой заросший бугорок...» Она — эта песня об Авсее Лупьяне...

Войдя в Минск, он увидел лежащий в руинах город. Авсей поспешил на свою улицу. Он не знал ещё, что эта улица оказалась в черте еврейского гетто близ страшного места — Ямы. С гулко бьющимся сердцем подошёл Авсей Лупьян к родному дому. И тут смелого, отважного на поле боя воина, оставили силы. На месте дома лежало пепелище... Когда он пришёл в себя, то решил отыскать хоть какой-то след. И тут увидел, что-то лежит под сломом пепла. Нагнулся — поднял *детский башмак*. Чуть в стороне — *ещё один*, а затем *ещё и ещё*... Три пары детских башмачков на пепелище... Авсей поднял их и со слезами прижал к сердцу, как прижал бы к сердцу доченьку Раю, сынишек Фиму, Лёничку и погибшую жену. Рае было восемь лет, Фиме — пять, а самому младшему Лёничке — два с половиной годика...

Не расстался Авсей Лупьян с этими башмачками. Он хранил их всю жизнь, как память о семье, погибшей в Минской Яме. Когда выросли его сыновья Семён и Ян, их родители рассказали, почему эта старая детская обувь так дорога отцу... Авсей Лупьян завещал сыновьям беречь три пары башмачков с пепелища как память о злодеяниях гитлеровцев, не щадивших ни взрослых, ни детей, ни стариков.

Семён и Ян помнили, что в их детстве разговоры о погибших в Яме, о трагедии Минского гетто, о Холокосте были под запретом... Но родители не скрывали правду от детей. Когда семья Лупьян уезжала на постоянное место жительства в США, Семён не забыл упаковать те святые башмачки. На Брестской таможне в те времена был очень жёсткий контроль. Проверяли каждую вещь, вывозимую за границу. Так было и с Лупьянами. Когда Семён стал осторожно распаковывать заветную коробку, таможенник застыл в напряжении. Он ожидал увидеть золото, антиквариат, а увидел... старую обувь.

«Почему вы не выбросите это? — с удивлением спросил он. — Разве в США нет обуви?»

Семён рассказал о погибших в Яме сестричке и братиках, которых они никогда не видели, но память о которых будет жить. История эта так взволновала таможенника, что глаза его повлажнели.

Когда они покидали родные края, ещё не звучало здесь громко слово Холокост, ещё не говорили правды о трагедии Минско-

го гетто, не называли имён героев-подпольщиков, среди которых были матери Семёна и Яна, Гилела Осташинского. И был Михаил Гебелев, под руководством которого подпольщики спасали еврейских детей. Увы, всех спасти не удалось. Но о них помнят. До сих пор хранит Семён Лупьян семейную святыню, которую передаст своей дочери Любе как эстафету памяти о Холокосте.

«Мы хотим передать своим детям и память о Михаиле Гебелеве, которого называли Бесстрашным Германом, — уверенно говорит Семён. — Наши мамы рассказывали нам о том, как зверски пытали его в гестапо. Как стойко он держался, не выдав ни имён, ни явок... Он спас жизнь многих подпольщиков, в том числе Цили Ботвинник и Славы Гебелевой, благодаря чему появились на свет мы...»

- ГЛАВА ПЕРВАЯ -

Под грифом «секретно»...

На моём столе портрет молодого красивого человека с открытым лицом, выразительными глазами. Это мой отец — Михаил Гебелев. Портрет его сделан с маленькой фотографии из личного дела Михаила Гебелева, с которым я ознакомилась в 1993-ем году в Национальном архиве Республики Беларусь — бывшем архиве ЦК КПБ и КГБ. В тот бывший архив простым смертным доступа не было. Да и в Национальном архиве мне не сразу дали личное дело отца. На нём был гриф «секретно».

У меня дрожали руки и сердце, когда я открыла эту заветную папку. До того времени в течение десятилетий я встречалась со многими людьми. С теми, кто знал Михаила Гебелева по совместной работе до войны. И с теми, кто под его руководством боролся с гитлеровскими захватчиками в Минском подполье. А вот здесь, в архиве, я впервые встретила с самим отцом, которого я никогда не видела. Я родилась 4 июня 1941-го. Единственное, что успел сделать для меня отец, это дать мне имя и фамилию, которые я с гордостью ношу.

...В личном деле отца его автобиография, листок по учёту кадров, другие документы... Наш отец родом из местечка Узляны, что близ Минска, с 15 лет начал работать столяром-краснодеревщиком. Профессия эта у Гебелевых переходила из поколения в поколение от отца к сыну. Даже фамилия их исходит из профессии. Побелорусски «гебель», «геблик» — значит рубанок, которым строгают дерево — один из главных инструментов столяра.

И вот я читаю автобиографию отца, написанную его рукой. Его малая родина — местечко Узляны, Руденского района осталось на карте Минской области только в названии деревни. Но у меня есть отдельная папка, открыв которую можно попасть в довоенное местечко, каких было много в Беларуси. После войны ни одного из них не осталось. Гитлеровцы стёрли их все с лица земли вместе с жителями. 8 октября 1941 такая страшная участь постигла 375 евреев местечка Узляны...

Но остановим время. Откроем папку воспоминаний тех узлянцев, кто пережил войну. Я встречалась с ними... Передо мной воспоминания Фани Соломоновны Каплан, бывшего экономиста Кировского завода (г. Ленинград):

«Родом я из Узлян. Младше Михаила Гебелева на три года. Но это не мешало нам дружить. Я хорошо знала семью Гебелевых. В семье было 8 детей: четыре брата и четыре сестры. Все очень красивые. И сами родители отличались необыкновенно привлекательной внешностью. Мать Михаила, её звали тётя Рися, была блондинкой с голубыми глазами, правильными чертами лица. Скорее всего, на неё он был похож и внешностью, и огромной добротой, отзывчивостью, сердцем, открытым людям.

К сожалению, тётя Рися умерла очень молодой от тифа в 1919 году, оставив детей на мужа. Дядя Лёва — отец Михаила тоже был очень красив. Волосы у него были чёрные, а глаза серые, прямой нос, яркие губы, которые скрывала густая борода. Характер у него был в противоположность жене несколько жестковат. Но вот руки у него были золотые. Он и дома строил, и мебель прекрасную мастерил. С детства обучал он тонкостям своего мастерства сыновей. Миша тоже был очень хороший столяр-краснодеревщик. Помню, когда я покинула Узляны, то увезла с собой шкаф, который сделали Гебелевы».

Из воспоминаний пенсионерки Дарьи Новосельской:

«В Узляны мы переехали из Минска в 1922 году. В городе тогда было голодно. И мама приняла такое решение. Узляны было местечко в 110 дворов. Мы поселились неподалёку от Гебелевых. Мне сразу понравилась эта дружная, незаурядная семья, где каждый был индивидуальностью. Сёстры и братья были хороши собой, как в сказке один другого лучше. Неудивительно, что во дворе у них всегда было шумно и весело. От поклонниц и поклонников отбоя не было. Из сестёр особенно хороша была Сарра. Привлекала она к себе и душевными качествами. Любила петь и пела замечательно. Петь любил и Михаил. Вожак молодёжи, он был весёлый и энергичный. Вокруг него жизнь кипела. Дома с отцом сыновья изготавливали столы, парты, наглядные пособия для местной школы-четырёхлетки.

В 1924 году меня, Фаню Каплан и других ребят и девочек приняли в комсомол. Принимал Михаил Гебелев. Ведь он был нашим секретарём. Среди активистов был и Ансон Новосельский. После того, как мы с ним поженились, переехали в Минск».

У меня до сих пор хранятся две фотографии, которые подарил мне папин односельчанин Аба Львович Русинов, с которым, как и с Фаней Соломоновной Каплан, я встретила в Ленинграде. В этом помог мне мой замечательный дядя, младший брат моей мамы Иосиф Кацнельсон. По примеру нашего папы дядя Иосиф много учился. Институт окончил в Ленинграде. Учился он, кстати, вместе с Фаней Каплан. Работать его направили на Север. От рядового инженера вырос Иосиф Кацнельсон до заместителя директора по экономике крупного завода подлодок. Обзавёлся семьёй — чудесной женой Раечкой, сыном Валерием и дочерью Лилей. Спустя годы, в 1978 году, он вернулся с семьёй в Ленинград. Дядя Иосиф помог мне найти Абу Русинова, бывшего работника «Ленэнерго». Фотографии, подаренные мне Абой Львовичем, мы с мамой никогда до того не видели. На одной из них отец в возрасте 16 лет. На другой... Дадим слово самому Русинову. И тогда мы снова попадём в местечко Узляны.

«Передо мной фотография. На ней восемь парней в кожаных куртках, кожаных фуражках. Восемь первых комсомольцев Узлян. Среди них вижу себя, Петра Бегуна, Ансона Новосельского, Михаила Гебелева... В 1923 году мы вместе вступили в комсомол в деревне Дудичи, что в четырёх километрах от Узлян. Секретарём комсомольской организации мы избрали Михаила Гебелева. Из нас он был самый рассудительный, самый спокойный, с трезвым умом и горячим сердцем.

Наша комсомольская организация объединяла молодёжь села Поляны и местечка Узляны, которые вместе составляли как бы букву «Т». Головой этой буквы были Узляны. А покоилась она на длинной улице Полян. У нас был единый сельсовет. Меня избрали его председателем. Михаил Гебелев был депутатом сельсовета. Кроме того, мы создали и добровольное пожарное общество. Дел, как говорится, было по горло. А ведь у нас была и основная работа. Михаил вместе с отцом и братьями столярничал, а с

отцом клал печи, Ансон Новосельский заготавливал кожи, Пётр Бегун сапожничал, Берл Розенгауз занимался сельским хозяйством, Израиль Левин мастерил обувь.

А вот в пятницу вечером мы собирались вместе, решали текущие общественные дела. Посвящали этому выходные дни. У нас были очень бурные, задорные комсомольские собрания. И пусть лил дождь, мела пурга — это никого не останавливало. У Михаила Гебелева был талант проводить собрания интересно, увлекательно. Он умел так поставить дело, сказать так, чтобы взять человека за живое. Поэтому за ним шла и молодёжь, и люди, уже умудрённые жизнью... Он пользовался таким авторитетом, что когда его видели издали, то никогда не говорили «Вот идёт Миша», или «Вот идёт Гебелев», а только «Вот идёт Миша Гебелев».

Несмотря на это, мой друг был исключительно скромным человеком... Мы с Мишей очень дружили. Я частенько заглядывал к Гебелевым. Отец Михаила после смерти любимой жены растил детей один. И хотя в доме не было хозяйки, всегда там был порядок и чистота. Я ни разу не слышал, чтобы в этой семье кто-то сказал хоть одно грубое слово. Книги были принадлежностью этого дома. Особенно много читал Михаил, его сестра Сарра, ставшая потом учительницей, брат Борис — будущий инженер. Своей библиотеки у Гебелевых не было. Книги брали то у нашего фельдшера Крутицкого, то у учителя Судакина, то у местного раввина. До 1925 года советской школы у нас не было. Образование мы получили смешанное: сначала в двухгодичной еврейской школе в Узлянах, потом в церковно-приходской школе в Полянах. Основные же знания были получены путём самообразования. Михаил отдавал учёбе особенно много времени. К нему постоянно обращались за советом. И он считал, что должен знать больше кого бы-то ни было.

Когда в 1927 году Мишу призвали в армию, нам его очень не доставало. После этого мы виделись несколько раз. В одну из таких встреч он подарил мне свою фотографию, которую я храню и поныне... Я покинул Узляны в 1929-ом, уехал в Ленинград и навсегда связал свою жизнь с этим городом. Что стало дальше с Мишей, с семьёй Гебелевых не знаю...»

- ГЛАВА ВТОРАЯ -

На пути к подвигу

Что же стало с Гебелевыми? Стремясь к знаниям, поступили в институт Борис и Сарра. Борис стал главным инженером одного из заводов в Минске, Сарра — учительницей. С мужем — врачом Алексеем Маскаликком уехали в Нежин на Украину. Для той поры такая интеллигентная семья была редкостью.

Михаил был призван для службы в армии в Бобруйск. Служил в 10-ом стрелковом полку 4-ой дивизии имени Германского пролетариата под командованием Колпакчи. Там он окончил полковую школу, стал командиром отделения, вступил в партию. Неподалёку от Бобруйской крепости, где служил Михаил, было местечко Любоничи. Здесь жила семья сельского парикмахера Бунима Кацнельсона. В ней тоже было 8 детей. С одной из дочерей Бунима, привлекательной и звонкоголосой Хасей, свела судьба Михаила. В 1929 году они поженились. Кончился срок службы у Михаила, и молодая семья переехала в Минск. Мама вела хозяйство, растила детей. Отец работал столяром-краснодеревщиком на заводе имени Молотова. Грамотный, рассудительный, справедливый, он всегда защищал интересы товарищей, и его избрали председателем профкома. Вечерами учился на рабфаке, в Комвузе. В 1937-ом поступил в республиканскую школу пропагандистов. Окончил её в июне 1939-го года.

...И вот я вижу в личном деле отца протоколы заседаний бюро Минского горкома и обкома партии, на которых он был утверждён инструктором-пропагандистом Сталинского райкома партии города Минска. Затем читаю документы военного времени, где значится, что Гебелев Михаил Лейбович назначен уполномоченным подпольного Минского горкома в гетто и секретарём подпольного Тельмановского райкома (в гетто).

Мне удалось привезти копии этих документов с собой в город Баффало, у Ниагарского водопада в США, куда в своё время переехали с семьями мои сёстры. А прекрасный портрет отца, как

и копии документов из его личного дела, сделал по моей просьбе с той маленькой фотографии очень хороший человек Франц Фомич Лютаревич, фотокорреспондент газеты, в которой я работала в Минске.

С этим портретом в октябре 2003 года я шла впереди колонны бывших партизан и узников Минского гетто. «Марш живых» — так называлось это шествие в одной из синагог Нью-Йорка по программе мемориального митинга-реквиема, посвящённого 60-летию гибели Минского гетто, трагедии и героизма белорусского еврейства. Евгений Геллер, президент Белорусского землячества Объединённой Ассоциации восточно-европейских евреев, организовавший со своими активистами этот митинг, пригласил для участия в нём и меня с моим мужем Юрисом Томсом.

Шествуя с волнением впереди колонны ветеранов, тех немногих, которые на нашу радость ещё живы, ещё помнят ужасы войны, я как бы представляла Михаила Гебелева — «Бесстрашного Германа», как называли его подпольщики, который возглавлял подпольную организацию Минского гетто.

Минское гетто было одним из крупнейших в Европе, а на оккупированной территории СССР по числу узников занимало второе место после Львовского. В нём находилось сначала 80 тысяч, а потом более 100 тысяч узников. Помимо белорусских евреев сюда были вывезены евреи из Германии, их называли «гамбургские», и других стран Европы... Условия жизни в гетто были невыносимыми. Погром следовал за погромом. В октябре 1943 года гетто было ликвидировано. 100 тысяч узников было уничтожено только за то, что они были евреями. Но эти люди не шли покорно на гибель. Узники гетто сражались с гитлеровскими палачами, не жалея жизни. В невероятно трудных условиях они вступили в неравную схватку с врагом, понимая, что смерть ждёт их на каждом шагу и каждую минуту...

Долгое время в Советском Союзе замалчивалась правда о Минском городском подполье. И только двадцать лет спустя после Второй мировой войны мир узнал правду. Но ещё много лет советская пресса, особенно белорусская, скрывала за семью печатями правду о подпольной организации в Минском гетто... А ведь именно здесь, в гетто, зародилась борьба против гитлеровских захватчиков. Подполье города и подпольная организация в гетто

были неразрывно связаны между собой. Гетто в Минске было образовано в июле 1941-го. А уже в августе на квартире связной Сони Певцовой-Ривкиной был создан оргцентр подпольной боевой организации гетто в составе Гирша Смоляра, Натана Вайнгауза и Якова Киркаешты. Включился в работу актив Мейер Фельдман, Наум Фельдман, Зяма Окунь, Надя Шуссер, Елена Майзельс, Роза Липская, Вульф Лосик, Григорий Рубин, Эмма Родова, Нина Лис. С подпольем гетто был тесно связан секретарь Минского подпольного горкома партии Исай Казинец. Связь с подпольным горкомом осуществлял отважный подпольщик, которого в подполье называли «Бесстрашный Герман». Это наш отец Михаил Гебелев.

- ГЛАВА ТРЕТЬЯ -

Бесстрашный Герман

Я с детства знала, что наш отец — герой. Десятки людей знавших его: родные, друзья, соратники, помогли мне воссоздать образ этого светлого человека. Десятки лет ушло на это. И даже переехав в США, далеко от родных мест, я открыла новые страницы из жизни отца. В этом мне помогли соотечественники — ветераны войны, бывшие узники гетто и концлагерей, писатели, журналисты. Среди них бывший минский журналист и писатель Евгений Мазо, который живёт сейчас в городе Миннеаполисе, штат Миннесота. Он прислал мне интервью своей минской одноклассницы Татьяны Бойко сотруднику института Яд Вашем. Она была связной и выводила боеспособных людей из гетто в партизанские отряды. В интервью Бойко также рассказала, что она и другие молодые подпольщики собирали зимнюю одежду для партизан, распространяли листовки Совинформбюро, выполняли другие задания. На вопрос сотрудника Яд Вашема:

«Кто давал вам задания?»

Бойко отвечала: «Гебелев».

«Гебелев лично?»

«Да, лично. Он был руководителем, он был душой подполья».

В этом интервью 42 страницы и на многих из них имя — Гебелев. Я позвонила в Израиль, где живёт Татьяна Бойко и попросила рассказать, что она помнит об отце. Вот что она рассказала:

«Хорошо помню Вашего отца. Я была членом молодёжной организации гетто. Часто к нам от подпольного руководства приходил Михаил Гебелев. Это он был организатором комсомольско-молодёжной группы в гетто. Гебелев беседовал с нами, давал нам задания. Для нас, молодых, он был как бог: красивый, умный, честный, смелый. Было ему всего-то 36 лет, но нам 17-летним возраст этот казался почтенным. Когда я пришла в подполье, реши-

ли, что я буду связной, потому что не была похожа на еврейку. Мне выдали паспорт на имя Александры Мацкевич. Но им я пользовалась редко. Мне давали пароль. И я вела людей в Старосельский лес. Так я вывела в партизаны 80 военнопленных и узников гетто... Наш молодёжный штаб находился в полуразрушенном доме на Заславской. Попастъ туда было непросто. Мы соблюдали конспирацию. Это, увы, не спасло ребят. Я осталась жива благодаря случайности. Ушла в партизаны».

Спустя время я говорила с Татьяной Аркадьевной лично. Мы с мужем побывали в Израиле по приглашению заместителя председателя Всеизраильской ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто» Давида Таубкина, бывшего малолетнего узника Минского гетто. Он живёт в Петах-Тикве там же, где и Татьяна Бойко. В 2006 он пригласил нас с мужем в Израиль, чтобы вручить израильские награды героя-подпольщика Михаила Гебелева. Здесь произошло много волнующих встреч. Встретились мы в Петах-Тикве и ещё с одним бывшим малолетним узником Минского гетто, журналистом, писателем и издателем Григорием Розинским. Задолго до этой встречи я прочитала опубликованный в нью-йоркской газете «Форвертс» очерк Григория Розинского о ребятах гетто, оставшихся в живых, как и Давид Таубкин, и многие другие дети благодаря Михаилу Гебелеву и замечательному человеку Василию Орлову, русскому, определявшему еврейских детей в минские детские дома. И вот совпадение: через короткое время я получила письмо от Григория Розинского. Он обратился с просьбой помочь в сборе материалов о таких же, как он, чудом уцелевших в гетто еврейских детях. Я отправила Розинскому ряд материалов о подполье Минского гетто, фотографию Василия Орлова, а также адрес, телефон и воспоминания Валентина Скобло, проживающего в Канаде, в городе Торонто. И вот среди моих книг об отце вскоре появилась книга Розинского «Дети Минского гетто», в которую вошли и воспоминания В. Скобло.

...Валька Скобло в 12 лет остался круглым сиротой. Его отец, известный минский адвокат Аркадий Скобло, мать Евгения, брат Фридик погибли в гетто. Понимая обречённость людей в гетто,

мама Валика незадолго до своей смерти отправила старшего сынишку в городскую управу. Она слышала, что есть там надёжный человек Орлов. Он устраивает еврейских детей в белорусские детские дома.

Идея спасения детей в русских районах возникла у Михаила Гебелева после зверского уничтожения гитлеровцами детского дома в гетто. Подпольщица Хася Пруслина подсказала ему:

«Я узнала, что в отделе просвещения городской управы работает Василий Орлов. Возможно, Миша, и ты его знаешь. Мы с Василием окончили до войны исторический факультет пединститута. Орлов — исключительно порядочный человек. На него можно рассчитывать».

Когда они встретились, Орлов сразу согласился помочь подпольщикам. Они с Гебелевым обговорили детали. Детей в управу должны приводить русские женщины или подпольщицы из гетто, похожие на русских. Это не привлечёт внимания немцев. Хася Пруслина с чисто арийской внешностью первой привела к Орлову свою дочь Зину. После войны она с большим трудом нашла девочку.

Гебелеву устраивать в детский дом было некого. Он расстался с семьёй на второй день войны в бомбоубежище. Больше он их не видел. Он думал, что жена Хася и дочери погибли (а мы в это время находились в эвакуации, нас вывезла младшая мамина сестра Блюма; отец этого не знал). Он переживал, но никому этого не показывал. Он переживал за сотни, тысячи людей, которых убивали в гетто фашисты. Надо было спасти боеспособных мужчин и женщин, а детей в первую очередь. И по заданию Гебелева пошли подпольщицы с детьми из гетто в детские дома с направлениями Орлова, в которые были вписаны русские или белорусские имена. Руководители подполья создали специальную группу, в которую со стороны гетто вошли Геня Пастернак, Ривка Норман, Гита Сукеник, Слава Гебелева — жена папиного младшего брата, погибшего в гетто, Лена Гинзбург, Геня Султан, с белорусской стороны Татьяна Герасименко, Мария Ивановская, Лёля Ревинская...

Иные еврейские ребята, такие как Валька, к примеру, приходили в управу сами. Орлов брал под покровительство всех

детишек, независимо от национальности. К примеру, только в детский дом по Спортивному переулку он направил 30 еврейских детей. А детских домов в Минске было 15. Валя Скобло под фамилией Прокопович прибыл в детский дом на улице Красивой. И хотя на его детские плечи в войну легло ещё немало испытаний, Скобло считает, что остался жив благодаря Гебелеву и Орлову. Валентин Аркадьевич вспоминает:

«Личность Михаила Гебелева, самого активного участника подполья Минского гетто, всегда занимала мои мысли. Не давали покоя ушедшие в небытие родные... В сердце зрела мысль написать книгу о них».

Спустя многие годы после войны звукорежиссер Всесоюзной студии грамзаписи Валентин Аркадьевич Скобло приехал из Москвы в Минск, чтобы разыскать семью Гебелева и бывших подпольщиков города и гетто. Несколько лет он вёл поиск... Он начал работу в 50-ых. Его автобиографическая повесть «На уцелевшем челне» увидела свет в 1992-ом. Она была издана в Торонто, куда переехала семья Скобло. Еврейская тема была под запретом в бывшем СССР, особенно произведения, показывающие евреев, как борцов, героев. Рукопись книги Скобло была изъята КГБ. Хорошо, что автор предусмотрительно переснял её на микроплёнку и смог переправить в Канаду.

Почти такая же участь постигла книгу организатора и первого руководителя подполья в Минском гетто Григория Смоляра «Мстители гетто». Она была написана по свежим следам страшных событий и издана в Москве издательством «Дер эмес» в 1946 году, но почти сразу запрещена. Однако тираж разошёлся по стране. В моём домашнем музее отца здесь в Баффало, где собрано много книг, журналов и газет с публикациями о нём, архивных документов, воспоминаний, бережно хранится книга «Мстители гетто», подаренная автором нашей маме Хасе Беньяминовне... Немало её страниц посвящено Михаилу Гебелеву.

«Ноябрь 1941-го. ...В эти дни, исполненные лихорадочных поисков выхода и спасения от очередного избиения, «Женька» (юный подпольщик Давид Герцик) принёс нам записочку: «По адресу, который будет указан устно, и с паролем, который вам передадут, пришлите вашего делегата на совещание. Подпись —

«Славек». Мы уполномочили Михаила Гебелева пойти на это совещание. Он не очень похож на еврея по внешности. Это даст ему возможность свободного передвижения вне гетто. Кроме того, он давний партийный работник. И сразу увидит, с кем имеет дело. На всякий случай даём ему директиву: надо немедленно получить помощь, чтобы вывести из гетто боеспособных людей, бывших командиров и бойцов Красной Армии. С совещания Михель вернулся сияющий. Совещание решило создать нелегальную городскую организацию, широкую сеть партийных групп, включая и гетто, выделить руководящий центр. Решено послать людей для связи с партизанскими отрядами, организовать подпольную редакцию и типографию. Гебелев с жаром включился в эту работу».

Я знаю, что в призывных документах отца на случай военных действий было записано: «Политрук пулемётной части». Почему же он не попал на фронт? Его товарищ Давид Бельник, с которым они вместе служили в армии, вспоминал:

«На второй день войны мы с Михаилом Гебелевым отправились на призывной пункт в Уручье под Минском. Дорогой говорили о наших близких, о вероломстве немцев. Судя по Мишиным высказываниям, он знал, что война будет, но надеялся, что это случится позже.

Меня это не удивило. Миша был умным, начитанным человеком. И даже отправляясь воевать, он взял с собой чемодан, в котором были книги и краюха хлеба. Прошагав несколько километров, мы проголодались.

«Перекусим», — предложил Михаил.

Он достал хлеб, разломил пополам. Мы поели. Затем, взяв подмышку книги, Миша отбросил чемодан в сторону. К чему теперь? В Уручье прибыли к вечеру. На сборном пункте не было порядка. Вновь прибывших не кормили, не одевали. Ночью в ряды новобранцев проникли гитлеровские десантники в красноармейских гимнастёрках. Поднялась паника. В этой неразберихе Миша сказал мне:

«Я возвращаюсь в Минск, Давид. Так надо».

Отец вернулся в город не прятаться и отсиживаться, а бороться с врагом. В повести Валентина Скобло «На уцелевшем челне»,

где Михаил Гебелев является одним из главных героев, реальным действующим лицом, показано, как, вернувшись в Минск, отец разыскивал подпольщиков. Он был уверен, что в городе остались руководящие партийные работники, но их не было. Партийная верхушка унесла ноги из города в первые дни войны, бросив жителей Минска на произвол судьбы, а еврейское население на закление. Это уже потом, когда в городе было создано подполье рядовыми коммунистами, партийное руководство заявило о своей руководящей роли.

Гебелев всё же не был рядовым. Как инструктор райкома, он курировал многие организации. В городе его знали и уважали. Это подтверждают воспоминания людей, которые знали и работали с Михаилом Гебелевым до войны, и мне удалось собрать их воспоминания. Благодаря этому отец вышел на подполье. Было это на похоронах отважного подпольщика Якова Киркаешты, одного из трёх организаторов подполья в Минском гетто. Он погиб в одной из облав в гетто. На похоронах состоялось знакомство Гебелева с Григорием Смоляром, партийным работником и журналистом из Белостока. Смоляр предложил ему занять место Киркаешты в руководящей тройке. Он понимал как нужен в подполье такой человек, как Гебелев. Сам Смоляр, и погибший Киркаешта, и даже секретарь подпольного горкома Минска Исая Казинец — «Славка», «Победит» (его настоящее имя стало известно после войны, и он был удостоен звания Героя Советского Союза) не были минчанами. А вот Гебелев хорошо знает город, знает людей в гетто и русских районах. Он просто неопценим для подпольной работы, для связи с русскими районами города.

Гебелев пришёл в подполье не один. Он привёл и рекомендовал довоенного друга Матвея Пруслина, с которым вместе работал в Сталинском райкоме партии. Пруслин был заведующим отделом. В подпольной организации гетто и города активно работала и сестра Матвея — Хася Пруслина. В своих послевоенных воспоминаниях, хранящихся в Национальном архиве Республики Беларусь, она писала:

«...В ноябре 1941 г. на одной из нелегальных квартир состоялось общегородское собрание коммунистов города. От коммунистов гетто представителем был т. Гебелев. Он и рассказал моему брату о работе этого совещания и о том, что на этом совещании

была создана общегородская подпольная партийная организация — городской партийный комитет. ...Гебелев был активным работником всей городской подпольной партийной организации. Он также руководил «десяткой» в городе».

В подпольных организациях гетто и города работа сначала была организована по принципу «десяток». В гетто их, например, было двадцать две. Они объединяли 317 подпольщиков. В конце 1941 года в гетто был создан единый подпольный центр. Его возглавили Михаил Гебелев, Гирш Смоляр и Матвей Пруслин. Обязанности распределялись так: Гирш Смоляр отвечал за работу подпольных групп в гетто и отправку людей в партизанские отряды, Матвей Пруслин — за пропагандистскую работу, Михаил Гебелев обязан был налаживать связи подпольщиков гетто с городским подпольем. На деле Гебелев не только налаживал связи вне гетто. Он был одним из организаторов первой подпольной типографии Минского подпольного горкома, налаживал прием и распространение сводок Совинформбюро, руководил выводом узников гетто в партизанские отряды. В городе и гетто было несколько конспиративных квартир, где Гебелев проводил совещания... К примеру, встречи с городскими подпольщиками Гебелев организовывал в центре подполья гетто — здании инфекционной больницы. Здесь активно действовала подпольная группа медиков, которую возглавлял главный врач больницы, бесстрашный подпольщик Лев Кулик. В больнице под видом тифозных больных не раз скрывались подпольщики города и гетто. Гирш Смоляр был устроен туда кочегаром. На встречах в больнице обсуждались вопросы о положении в гетто, о подготовке людей к отправке в партизанские отряды, сборе оружия, одежды, медикаментов...

О руководстве геттовским подпольем рассказывает Слава Гебелева-Осташинская — подпольщица и партизанка:

«С первых дней организации Минского гетто фашисты огородили этот район колючей проволокой в пять рядов. Они систематически истребляли население гетто. В августе 1941-го года немцы организовали облавы на молодых мужчин и женщин. Таких облав в течение месяца было три: 14, 26 и 31 августа. В этих акциях погибло 10 тысяч человек. В одной из облав — 14 августа — погиб мой муж. Мы с матерью перебрались в Столпецкий пере-

улок, дом 5, где жили родные мужа, их отец Лейба. Жил здесь и брат мужа, Михаил Гебелев — один из руководителей подполья Минского гетто. Эта квартира была конспиративной. Сюда приходили Гирш Смоляр, Владимир Кравчинский, Арон Фитерсон, Роза Липская, Циля Ботвинник, Эмма Родова, Лена Майзельс, Евель Рольбин и другие. Большинство из них Гебелев знал до войны. Войдя в состав руководящей тройки подпольной организации Минского гетто, Михаил Гебелев отвечал за связь с городским подпольем. В помощь Гебелеву выделили связных — Хасю Пруслину, Берту Либо, Эмму Родову, Давида Герцика, Клару Железняк-Горелик, Нину Лис. В эту группу включили и меня.

Михаил Гебелев давал нам конкретные задания. Он часто приносил из русского района газеты, листовки, сводки Совинформбюро. Я, Катя Цирлина, Соня Фитерсон, Рахиль Кублина переписывали материалы и распространяли их среди населения. Гебелев и сам писал листовки и воззвания. Вот одно из них: «Гетто означает смерть! Прорывайтесь сквозь ограждения гетто! Из гетто на волю! На вооружённую борьбу против убийц!».

По заданию Михаила Гебелева я ходила на улицу Республиканскую, где жили Матвей Пруслин и его сёстры Хася и Белла. Они с первых дней организации гетто включились в активную борьбу против оккупантов. Матвей Пруслин по рекомендации Гебелева вошёл в состав руководящей тройки подполья Минского гетто после того, как погиб Натан Вайнгауз. Михаил Гебелев очень ценил Розу Липскую, которая не щадя ни себя, ни маленького сынишку Феликса, выполняла ответственные задания, возглавляя одну из «десяток» подполья...».

Открываю страницы «Чёрной книги», написанной после войны Василием Гроссманом и Ильёй Эренбургом о Минском гетто. Вот что они пишут о Михаиле Гебелеве:

«Гитлеровцы старались посеять национальную рознь, а еврей Гебелев для того, чтобы спасти русских коммунистов от немецкой тюрьмы, ходил в русский район и, рискуя жизнью, находил квартиры и скрывал в них товарищей. Некоторых из них он прятал в «малинах» гетто. Вблизи гетто в русском районе были созданы резервные квартиры, где проводили работу подпольщики русского района и гетто».

Такие квартиры были и в самом гетто. Как использовали их подпольщики, рассказала подпольщица Дора Кравчинская. Помню, мы с мамой бывали у Кравчинских. Владимир Иосифович Кравчинский в те времена был заведующим продовольственным магазином, его жена Дора Тевелевна — домохозяйка. Им было о чём вспомнить. Передо мной записки Доры Кравчинской:

«Мой муж Владимир Кравчинский принимал активное участие в деятельности подполья Минского гетто с момента его создания. В августе 1941-го года, когда подпольным комитетом гетто была подготовлена явочная квартира по улице Замковой, дом 10, кв. 2, Михаил Гебелев предложил мне и мужу перейти туда. У меня было двое маленьких детей (младший сынишка Кравчинских погиб в гетто. *Прим. автора*), я была освобождена от работы у немцев и не привлекала к себе их внимания. Это было удобно для подпольщиков. В квартире по улице Замковой имелась скрытая комната, где размножались листовки, готовились пропуска, паспорта и где часто скрывался Гебелев. Листовки размножались на ротаторе, а также переписывались от руки Михаилом Гебелевым и другими подпольщиками. Я распространяла их среди населения гетто. По поручению Гебелева я собирала тёплую одежду и медикаменты для партизан и передавала их подпольщику Рубину».

В целях конспирации в конце февраля 1942 года по просьбе тов. Гебелева я перешла на новую подпольную квартиру по улице Ново-Мясницкой, которую он также подготовил. В эти явочные квартиры приходили для встреч с Гебелевым подпольщики Г. Смоляр, Г. Рубин, Н. Фельдман, Р. Липская, М. Пруслин, Г. Каплан, С. Каждан, Н. Шуссер, Г. Опенгейм, Ц. Ботвинник, С. Гебелева-Осташинская, Капилов.

В конце апреля 1942 года решением подпольного комитета группа коммунистов, в том числе и мой муж, была направлена в Дзержинский район для организации партизанского отряда. Я осталась с детьми в той же явочной квартире. На месте я могла принести больше пользы. Ко мне приходили проводники из отряда имени Будённого, и я их связывала с Гебелевым и Рубиным. Часто приходили В. Фельдман, Яша Бенинсон, проводник по имени Володька, Таня Мацкевич (по мужу Бойко), которые выводили военнопленных и людей из гетто в партизанский отряд. При-

ходили ко мне также и проводники из Слуцких лесов. Когда они появлялись, я сразу сообщала тов. Гебелеву или Рубину и организовывала им встречи. До конца июля 1942 года ко мне приходили проводники, пока существовала явка на улице Ново-Мясницкой».

Одна из конспиративных квартир по улице Разинской принадлежала подпольщице Антонине Андреевне Мелентович, которая до войны работала начальником отдела Наркомлеса БССР. Когда в 1980-ом я пришла в большой дом на набережной Свислочи, где она жила, мне открыла дверь пожилая симпатичная женщина с добрым лицом. Она ждала меня. И сразу приняла, как родную.

«Я хорошо знала твоего отца. Он курировал нашу партийную организацию от райкома партии. Гебелев приходил к нам на партийные собрания. Читал лекции, живо интересовался нашей жизнью. Общительный, приветливый, обладающий светлым умом, этот человек был для нас образцом руководителя... Знаю, что он пользовался большим авторитетом в партийных кругах города. А в годы войны мы работали вместе с Гебелевым в Минском подполье.

Однажды в ноябре 1941-го у здания гастронома напротив Дома правительства я увидела Гебелева. Под мышкой у него был набор столярных инструментов. Гебелев сказал, что занимается столярными работами в магазине. Спросил, где я живу. Через несколько дней он пришёл к нам на улицу Разинскую, 25, где я жила с мамой. Рассказал, что в городе действует подполье. Нужна конспиративная квартира для связи с подпольщиками. Я согласилась. Гебелев стал бывать у меня, и на моей квартире дважды в месяц встречался со «Славкой» (Исаем Казинцом) и подпольщицей Лёлей Ревинской. Михаил Гебелев получал задания непосредственно от «Славки». Если приходилось встречаться в неустановленное время, Лёля передавала через меня Гебелеву записку от «Славки». А я примерно знала, где в городе должен столярничать Гебелев. Гебелев и «Славка» приносили с собой сводки Совинформбюро и призывы к населению бить фашистов. Я их распространяла».

Эти радиосводки передавал подпольщик Абрам Туник. Он рассказал:

«Осенью 1941-го я познакомился с Михаилом Гебелевым. Мы встретились на одной из квартир на Юбилейной площади. Гебелев был немногословен, сдержан. Я понимал — не всё можно говорить. И вместе с тем он вызывал к себе доверие. Встреча была короткой. Гебелев просил установить приёмник в подпольной радиостанции. Я сказал ему, что выполняю поручение. И в дальнейшем передавал сводки через Ханана Гусинова».

Сражаться с врагом в Минском гетто было намного тяжелее, чем в других. Как отмечает минский историк Эммануил Иоффе, «...оккупанты ввели в Минском гетто круговую поруку. Кроме постоянных опознавательных знаков каждому жителю были присвоены индивидуальные номера, которые требовалось носить ниже жёлтой латы. Если кто-то исчезал, уничтожались все жители дома или квартиры. Это налагало особую ответственность на каждый шаг, каждое действие подпольщиков». А ещё доносы, предательство, когда порой свои же евреи-полицаи и предатели убивали своих.

Но это не останавливало жажду борьбы. Руководству подполья необходимо было всегда быть в центре событий, знать, что делается в «юденрате» — еврейском комитете, на бирже труда, узнавать, когда ожидаются фашистские акции в гетто, чтобы своевременно предупредить население. Эти задания выполняли Зяма Серебрянский, Гирш Рудицер, Зяма Окунь. Подпольщики Арон Фитерсон и Самуил Каждан были прикреплены к мастерским гетто. Они старались выносить оттуда всё, что может пригодиться партизанам, особенно боеприпасы, одежду.

Арон Фитерсон вспоминал:

«Как-то ко мне пришёл Михаил Гебелев и сказал: «Вам, Арон, надо достать для русского района пишущую машинку». Сказал, что придёт человек, с которым мне предстоит встретиться и передать машинку. Описал его внешность: усатый, носит синие очки, во рту держит трубку. Я ответил, что постараюсь. Встреча была около ворот на Погорелище по Ратомской улице. В полдень у ворот появился человек. Он спросил: «Вы Арон Герцевич?» Я уже

заранее подготовил машинку. Она лежала в мешке. Я уворовал эту машинку на складе «юденрата». Об этом знал только Рубенчик. Он и помог мне в этом. Подтащил мешок с машинкой к погорелищу и оставил. Человек взял мешок и унёс. Тогда я не знал кто это. Выяснил позже, что это Василий Сайчик — отважный подпольщик из городской организации, который работал в тесной связи с Гебелевым. После освобождения Минска мы с Сайчиком стали большими друзьями».

Слава Гебелева-Осташинская рассказывала как выполняла задания Михаила Гебелева, Гирша Смоляра, Матвея Пруслина группа Розы Липской, в которой активно работали сама Слава, Циля Ботвинник, Соня Дуберштейн, Лена Певзнер, Катя Цирлина, Рахиль Кублина, Бася Черняк, Роза Канторович, Фаня Грингауз. В маленьких мастерских, устроенных руководством подполья гетто в нелегальных квартирах, женщины шили маскировочные халаты, рукавицы и другую одежду, необходимую для людей, уходящих в партизаны... Слава работала на складе швейных мастерских немецкой военной части в Слепянке. В этих мастерских шили меховые телогрейки, рукавицы и тёплые брюки для вражеских сил. При упаковке полушубков подпольщицы старались их разрезать, в пальцы меховых перчаток вкладывали иголки. Кроме того, они ухитрялись воровать выкроенные детали, а в гетто шили из них телогрейки, ушанки, рукавицы и передавали партизанам. Циля Ботвинник и Катя Цирлина, работая в немецких оружейных мастерских, выносили оттуда затворы с подающими механизмами и магазинные коробки. Для этого использовались банки для супа с двойным дном. Они обували просторные резиновые сапоги, в которые прятали части от винтовок... Слава и Арон Фитерсон к приходу рабочих колонн встречали у ворот гетто Цилю и Катю, чтобы забрать их опасный груз. Принесённое ими оружие прятали в «малинах», а затем вооружали им товарищей, уходящих в лес.

Каждый такой шаг был сопряжён с опасностью для жизни. Но выбора не было. В Минском гетто в силу многих причин не было вооружённого восстания. Но сотни людей, выведенных из гетто в партизаны... Но диверсии и саботажи на заводе «Большевик», на радиозаводе, фабрике «Октябрь», войлочной фабрике, на

спиртзаводе, в различных мастерских и тыловых частях вермахта — всё это на боевом счету подпольщиков гетто, каждый из которых — герой. Гебелев — один из них. Давая задания подпольщикам, самые сложные из них он брал на себя.

«...Мы снова отправили в город Михеля Гебелева — «Бесстрашного Германа» — как называли его в подполье, — писал в своей книге Смоляр, — он умел несколько раз в день пробираться в город, хотя враг подстерегал на каждом шагу. На всякий случай активистам было приказано быть настороже. Особенно это относилось к Михелю Гебелеву, который за время своей работы в городе приобрёл много знакомых вне гетто. Мы просили его быть осторожным, но это не помогало. Его можно было увидеть везде: и в подполье у молодёжи, готовящейся к отправке в лес, и на нашей радиостанции, и на улице во время ухода групп в партизанские отряды».

О смелости и отваге нашего отца рассказывал мне его односельчанин Петр Маркович Чарно, который жив и поныне и проживает в Санкт-Петербурге:

«Михаил Гебелев был у нас в Узлянах организатором и заводилой: он и комсомольский секретарь, и член сельсовета, и активист пожарного общества. У него был замечательный талант организатора. И главное — прекрасный характер. Очень простой, отзывчивый, внимательный к людям, Миша в любой момент приходил на помощь. Вежлив и тактичен был до утончённости. А ведь хорошим манерам его никто не обучал. Он рос в семье столяра. Интеллигентность у него была врождённая. И при всей своей вежливости и скромности, даже мягкости, отличался бесстрашием и отвагой. В 1920-ом, когда под Узлянами стояли белополяки, нужно было разузнать, каковы силы противника. Помочь в этом красноармейцам вызвался Миша Гебелев, тогда 15-летний паренёк. Он один проник в расположение белополюских войск и раздобыл очень важные сведения...»

Дарья Новосельская из местечка Узляны дополнила рассказ Чарно:

«Миша вовлёк меня в комсомольскую работу. Вместе с ним мы ходили по деревням, агитировали ребят вступить в комсомол.

А смею вас уверить, что это было далеко небезопасно. Кругом действовали кулацкие банды. Но Миша был не из робкого десятка. И его уверенность, убеждённость в правоте своего дела передавалась и нам, его помощникам».

Такие качества, как отвага, твёрдость, уверенность Михаил Гебелев унаследовал от своего отца. Представьте себе, когда гитлеровцы заняли Узляны, в дом 80-летнего Лейбы явились на постой два немецких солдата. Они вели себя нагло и развязно. Наш дед их хорошенько напоил, а потом зарубил и закопал в сарае. Сам он пробрался в Минск, на Столпецкий переулочек, где жил в это время наш папа, и другие дети Лейбы. Увы, дед погиб во время страшного погрома 2 марта 1942, погибли сестра и брат отца, их семьи — 16 человек. В этом погроме погибли тысячи узников гетто. Их приняла «Яма» — братская могила, ставшая символом чудовищного геноцида евреев Беларуси... На этом месте создан мемориальный комплекс. На Украине в Нежинском гетто погибла с двумя детьми сестра папы Сарра Маскалик. Муж её Алексей, став жертвой сталинских репрессий, в 1938-ом был сослан в ГУЛАГ.

Мог ли отец спасти своих родных из Минского гетто? Думаю, мог. Ведь это он отправлял военнопленных и других боеспособных людей из гетто в партизанские отряды. Это он через городских подпольщиков Василия Сайчика и Захара Гало добывал для них документы. Поддельные документы для подпольщиков изготавливались и в самом гетто. Художник Моисей Левин, печатники Каплан, Прессман, Рапопорт имели печати и бланки различных немецких учреждений. Работала и хорошо законспирированная фотография. Ею руководил бывший работник печати Соловейчик (факты из документального очерка А. П. Купреевой).

Бывая с мамой после войны в семьях подпольщиков, знавших отца, запомнила их рассказы о том, что некоторые активисты подполья, имевшие доступ к документам, продавали их за золото в гетто и городе с целью спасения или обогащения. Михаил Гебелев относился к таким людям с презрением. Он старался спасти многих людей, вовлекая их в борьбу с врагом. Путь, который вёл к спасению от неизбежной гибели в гетто — партизанский отряд. Отец был очень осторожен при подборе людей для от-

правки в партизаны. Он говорил им: «Чтобы сражаться в партизанах — это нужно заслужить». Об этом рассказала подпольщица Елена Гинзбург, с которой нас познакомил Валентин Скобло. В своей книге «На уцелевшем челне» Скобло написал как получила Елена Гинзбург «путёвку» в партизаны.

«В гетто Лена и её мама жили на улице Шорной. Они приютили в своём доме папиного брата Бориса с семьёй. Вскоре после этого Борис погиб в облаве. Как-то Лена разговорилась с Лизой — женой Бориса. Она поделилась с ней сокровенным желанием: она с мамой хочет уйти в партизаны, только не знает человека, который мог бы в этом помочь. «Такой человек есть, — не таясь, сказала Лиза. — Это Миша Гебелев». Лена удивилась, как же она сама не догадалась. Лена работала секретарём в инфекционной больнице. Она не раз видела там Гебелева. Он заходил к главврачу Льву Кулику, но чаще заглядывал в котельную к истопникам Столяревичу и Фейгельсону. После гибели брата Михаил иногда появлялся в доме Лены. Приходил навестить Лизу и племянника Яшу. Своей семьи у него не было. Жена и дети пропали без вести. Зная об этом, Лена удивлялась, почему Михаил Гебелев не уходит в партизаны. Почему он не помогает уйти в лес родным, может они его не просили? «Ещё как просили, — ответила Лиза. — Но в таких делах у Миши не существует родства». Тогда Лена решила поговорить с Гебелевым сама. Он ответил и ей: это нужно заслужить. И тогда Лена стала с готовностью выполнять задания Гебелева».

В книге Смоляра читаю: «В самый разгар работы, когда подпольщикам казалось, что они прочно стоят на пути, ведущем к включению еврейского населения в движение народных мстителей, пришло тревожное сообщение: в городе начались массовые аресты, — к нам явилось несколько белорусских товарищей из подполья города с просьбой, чтобы мы их временно спрятали в гетто. Мы располагали несколькими надёжными «малинами», испытанными во время различных облав и бойни 2 марта. Мы спрятали в них обратившихся к нам товарищей. ...Мы узнали, что арестованы все члены подпольного военного совета. (Он действовал параллельно с городским комитетом). В военный совет проникли провокаторы. Один из них вместе с агентами гестапо ры-

щет по конспиративным квартирам. ...Мы выслали Михеля Гебелева, чтобы установить связь со Славком, но это ему не удалось...»

И всё же вскоре Гебелев встретился со Славком. Он убедил его, что во время массовых арестов нельзя трогаться с места, нужно переждать, пока схлынет волна. Славек согласился. Отец нашёл для него надёжную квартиру в самом городе, но Славек там не появился... Уже позже стало известно, что в последнюю минуту он получил сообщение о том, что на одной из конспиративных квартир его ждёт связной из партизанского отряда. Славек вместе с Лёлей направился туда, но оба попали в лапы агентов гестапо.

Антонина Андреевна Мелентович вспоминала:

«29 марта 1942-го года были арестованы «Славка» и Лёля Ревинская. На следующий день ко мне пришёл Гебелев, и я рассказала ему о случившемся. Он помрачнел и сказал: «Если бы я был там, я бы не пустил Славку...» (имеется в виду непроверенная явочная квартира). Гебелев попросил, чтобы я понаблюдала за этой квартирой по Кооперативному переулку, где по нашим предположениям был арестован «Славка». Однако ничего подозрительного я не обнаружила».

Погиб Казинец и Лёля Ревинская, были казнены другие члены подпольного горкома, рядовые подпольщики. Как же развивались события дальше?

Как-то я получила из Минска номер газеты «Минский курьер». Его прислал мой двоюродный брат Михаил Гебелев (сын старшего брата отца — Григория). В этом номере опубликованы биографии двух подпольщиков: Михаила Гебелева и Назария Герасименко. Примечательно, что оба они работали до войны инструкторами в Сталинском райкоме партии. Оба включились в подпольную работу. Герасименко создал и возглавил подпольную группу. Подпольщица Слава Гебелева-Осташинская отмечала, что, когда после провала первого состава горкома Гебелев восстанавливал старые и налаживал новые связи в подполье, она особенно часто ходила на улицу Немигу к подпольщику Назарию Герасименко. Вся семья Герасименко — его жена Татьяна и 12 летняя дочь Люся — были активными подпольщиками. Они участвовали в спасении еврейских детей, прятали в своей квартире подпольщиков из гетто, помогали в отправке людей

в партизаны. Однако сами не избежали гибели от рук фашистов в 1943-ем году...

«Работа возобновилась и пошла ещё более быстрым темпом, — писал Смоляр. — Хотя Михель Гебелев считался в основном работником района гетто, фактически он стал в это время одним из руководителей общегородской организации. Гебелев работал без устали. Среди бела дня, когда улицы кишели гитлеровцами, и после полуночи, когда каждый шорох отдавался гулким эхом в замёрзшем городе, Гебелев пробирался в город и обратно. Не зная покоя, он взялся за организацию отправки военнопленных в партизанские отряды».

Руководители геттовского подполья были в растерянности: первые группы, которые отправляли из гетто в партизаны, или гибли или исчезали. Почему? Ещё не было обнародовано указание начальника штаба партизанского движения П. Пономаренко: «Евреев в партизаны не брать!» Гебелев понял — нельзя отправлять людей в никуда, в неизвестность. У него созрел план: нужна своя база, нужен опытный боевой командир, который примет руководство партизанским отрядом для евреев гетто. Место для отряда нашли в Старосельском лесу, под Заславем, где обнаружили запас оружия. Туда ушёл вместе с 25 мужчинами из гетто Наум Фельдман. Но он человек невоенный. Арон Фитерсон подсказал Гебелеву: в лагере военнопленных на улице Широкой есть опытный командир. Это старший лейтенант Семён Ганзенко. Фитерсон придумал, как его вызволить. Братья Арон и Лазарь Давидовичи вывезли старшего лейтенанта под штабелем мусора. В Старосельский лес Семёна Ганзенко привела связная Татьяна Лившиц (Бойко). Она назвалась Наташей. И сама она не знала, кого ведёт на партизанскую базу. Они познакомились позже, когда в конце апреля 1942 года Таня сама пришла в партизанский отряд имени Будённого под командованием Семёна Ганзенко. А Наум Фельдман стал его комиссаром. Это был один из партизанских отрядов, созданных на базе узников Минского гетто, который позже вырос в партизанскую бригаду. Эти факты взяты из книги Валентина Скобло, исторической справки А. П. Купреевой и воспоминаний Татьяны Бойко.

А вот что пишет о Михаиле Гебелеве профессор-историк, бывший преподаватель Белорусского государственного университета, Давид Мельцер:

«Усилиями подпольного комитета Минского гетто, возглавляемого Михаилом Гебелевым, удалось вывести в леса около десяти тысяч человек. Ими были созданы или значительно пополнены девять партизанских отрядов и 208-ой отдельный партизанский полк... В их числе были семейные отряды. Один из них — партизанский отряд номер 106 под командованием Шолома Зорина».

Давид Мельцер, переехав в США, занялся исследованием Катастрофы белорусского еврейства и еврейского сопротивления гитлеровским оккупантам. Он рассказывает:

«Меня особенно заинтересовала деятельность подпольной организации Минского гетто, которой руководил ваш отец. Представьте, что первоначально подпольщики ставили задачей организацию вооружённого восстания. Но осуществить эту идею в тех условиях было просто невозможно. Поэтому главная задача была спасти людей. Подумать только — под руководством Михаила Гебелева подпольщики смогли вывести из гетто более 10 тысяч человек: от младенцев до стариков. Не все смогли попасть в партизаны. Многие в пути погибли. Но большинство достигли своей цели. Они с оружием в руках сражались против оккупантов. Ещё раз хочу подчеркнуть, что ни в одном гетто Европы такое количество людей не было спасено. Сегодня мы знаем, какой дорогой ценой далось это подпольщикам. Они рисковали своими жизнями во имя спасения людей. Но они понимали, что иного пути нет. И Михаил Гебелев показывал в этом подпольщикам личный пример».

В мае 1942 года отец стал официальным руководителем подпольной организации Минского гетто. На совещании подпольщиков города 14 мая, где обсуждался вопрос о создании в городе подпольных райкомов партии, Михаил Гебелев был утверждён секретарём подпольного Тельмановского райкома (в гетто). В состав его вошли Г. Смоляр, С. Каждан, А. Налибоцкий, Г.Рубин.

Подпольщик Алексей Котиков подчёркивал, что рекомендованный секретарём подпольного горкома И. Ковалёвым (Не-

вским) Гебелев, в должности руководителя подполья гетто себя оправдал. А. Котиков вспоминал:

«Я познакомился с Гебелевым в марте 1942 года через члена горкома Рогова на Грушевском посёлке при отправке людей во вновь создаваемый партизанский отряд (отряд Фомина), где тов. Гебелевым было приведено около десяти коммунистов из гетто, отправляемых в числе других в партизаны».

Далее А.Котиков рассказывал, как высоко ценил отца секретарь Минского подпольного горкома Иван Ковалёв, который давно присматривался к Гебелеву. Он убедился, что этому человеку можно доверять во всём. Он не пойдёт на сделку с совестью. Котиков по заданию Минского подпольного горкома, лично И. Ковалёва, дважды на конспиративной квартире Дементьева передал Гебелеву более 200 паспортов для людей, уходящих в партизанские отряды. На встречу с Котиковым и Дементьевым Гебелев шёл из гетто.

«Когда я стал смотреть в прорезь занавески в доме Дементьева, — вспоминал А.Котиков, — то через некоторое время увидел Гебелева. Он смело шёл к колючей проволоке, которой был опоясан район гетто. Я увидел, как он достал из кармана кусачки, прорезал ими проход в проволоке и, осмотревшись по сторонам, вошёл в дом. Гебелев произвёл на меня большое впечатление своей смелостью».

Бесстрашно появляясь в разных районах города, отец не мог избежать слежки. Гестапо требовало от «юденрата» выдачи Гебелева, Смоляра, Фельдмана, Окуня, угрожая, что в случае невыполнения этого требования будут расстреляны все работники юденрата. Но вновь назначенный председатель юденрата Иоффе выполнить это требование отказался. Гебелев, конспирируясь, имел подпольные клички: «Русинов», «Фадеев» и «Бесстрашный Герман», поэтому гестаповцы были сбиты с толку. И всё-таки подпольный горком принял решение об отправке М. Гебелева в партизаны. Очередная группа военнопленных отправлялась в партизанский отряд имени Будённого. В грузовике оставалось одно место. Ехать должен был отец. В это время среди остающихся он увидел своего земляка из Узлян Симона Шнейдера. «Езжай ты, Симон, — сказал он Шнейдеру, — я в следующий раз». Сле-

дующего раза не было. Его арестовали неподалёку от того места, откуда отбыла группа в партизаны.

Всякий раз, пробираясь в гетто из русского района, Гебелев взамен обычного пиджака одевал другой, с жёлтыми прострелами на груди и спине, который хранил в тайнике разрушенного дома. Он никогда не забывал переложить паспорт, своё главное прикрытие. На этот раз паспорта не было... Неустанно напоминающая подпольщикам о необходимости конспирации, он пренебрёг ею сам. Когда отца арестовали, его геттовский пиджак с жёлтой латой и документом на имя Русинова (это было имя того самого друга юности отца из Узлян Абы Львовича Русинова, которого я нашла в Ленинграде много лет спустя) был спрятан в тайнике. Немцы обнаружили его позже. Они обещали денежное вознаграждение тому, кто скажет, чей это пиджак, и кто такой Русинов. Предателя не нашлось.

В тюрьму отец был заключён как русский. В конце июля 1942 года Антонина Андреевна Мелентович получила записку: «Попал в тюрьму. Найди Шугаева. Пусть поможет через полиция. Гебелев». Записка предназначалась секретарю Ворошиловского подпольного райкома Николаю Шугаеву. Мелентович передала её через подпольщика Василия Стасевича. Через несколько дней Василий сообщил, что Гебелеву готовят побег. В гетто и русских районах города собрали большую сумму денег, золото, чтобы его выкупить. В тюрьме нашли надзирателя, готового всё сделать. Но не удалось. Гебелева неожиданно перевели из тюрьмы в гестапо. После зверских пыток, не добившись признаний, Михаила Гебелева повесили 15 августа 1942 года. Ему не было ещё и 37 лет...

В 1941-42 годах погибли 46 наиболее отважных подпольщиков Минского гетто. Среди них — Матвей Пруслин, Эмма Родова, Лев Кулик, Зяма Окунь, Абрам Налибоцкий, Илья Мушкин, Зяма Серебрянский...

После гибели Михаила Гебелева подпольный райком в гетто перестал действовать. Равнозначной замены Бесстрашному Герману не нашлось. Смоляр ушёл из гетто сначала на конспиративную квартиру (на Немигу к Герасименко), а затем — в партизаны. Подпольщик Давид Кисель, которого в своё время отец вовлёк в подпольную организацию гетто, зная его по довоенной работе, вспоминал:

«Гебелев был душой подполья. И его гибель была невосполнимой утратой. Когда Смоляр ушёл в партизанский отряд, я оставался секретарём подпольной группы. Но сделать что-то с горсткой людей обезглавленному подполью было трудно. 28 ноября 42-го года за нами пришла партизанская связная Броня Завало-Крайнович. Я создал группу из 19 человек, и мы вышли с рабочей колонной в сторону Грушевки».

Антонина Андреевна Мелентович говорила мне:

«Я думаю, что твой отец мог бы спастись, если бы думал о собственной безопасности. Но он всегда говорил «Как бы сохранить себя для борьбы!» Не сохранил...»

Когда мы с мамой вернулись из эвакуации в Минск, к нам пришёл Григорий Смоляр с каким-то мужчиной. Они принесли маме свёрнутый в трубку портрет отца. (Мы потом расправили его и повесили на стене в красивой рамке из красного дерева, сделанной братом отца — известным столяром-краснодеревщиком Григорием Гебелевым). Отдав портрет, гости, помедлив, протянули маме бумажку. Это было извещение-похоронка из Штаба партизанского движения о том, что отец погиб смертью храбрых при выполнении боевого задания 15 августа 1942 года.

Не передать, что пережили мама и мои старшие сёстры Рая и Зина. Я была ещё слишком мала, чтобы осознать потерю. До войны Рае было 8, Зине — 6 лет. Они рассказывали, что папа был добрый, красивый, умный, радушный. В небольшой комнате в доме на улице Мясникова, где жила наша семья, всегда находили приют кто-то из родных или односельчан родителей. В комнате было много книг. Папа учился и работал. Но находил время помочь маме и занять девочек. Он очень любил маму и своих дочек. Но мечтал о сыне. И вот 4 июня 1941 года семья пополнилась... дочкой. Папа назвал меня Света. Вот и всё, что он для меня сделал. Мы не успели с ним пообщаться, узнать друг друга. Но один раз я видела своего папу... живым. Было это в далёкой юности. Кровать, на которой я спала, стояла напротив стены, где находился папин портрет. Я постоянно смотрела на него и думала, о чём я спросила бы его, если бы мы встретились... И вот однажды ночью я увидела его во сне. Он выглядел точно так же, как на портрете.

Я задала папе только один вопрос: «Буду ли я счастлива?» Он ответил коротким: «Да!» Вот она — единственная встреча за всю мою жизнь.

А вот моя старшая сестра Раиса хорошо помнит папу. Она и Зина часто рассказывали мне о нём. Хотя старшие сёстры не были близнецами, их одевали одинаково. Причём одежду им покупал папа. Он покупал гардероб и для мамы. Это доставляло ему удовольствие. Между прочим, папа очень любил готовить. Когда у него была возможность, он надевал фартук, становился к плите и начинал «колдовать». Какая вкуснятина у него получалась... Как-то мама уехала подлечиться в санаторий. Первое время папа держался бодро. А потом стал скучать. Поскучнели и дочки-малышки. Как-то пришёл он с работы уставший. Дотронулся до холодного чайника, до надоевших котлет. Тяжело вздохнул: «Эх, была бы Хася дома...» И вдруг услышал шорох за ширмой. Ширма отодвинулась. И к нему шагнула улыбающаяся мама. То-то радости было. Мама тоже соскучилась в санатории и решила приехать раньше. Она примерно знала, когда муж приходит с работы, и спряталась за ширмой. А девочек попросила молчать...

У папы было очень мало свободного времени. Но он успевал заботиться и о маминых младших сёстрах и братьях. Когда мамин младший брат Иосиф Кацнельсон уезжал работать на Север, куда его направили после института, папа подарил ему отрез ткани на брюки. Тот отказывался. Но папа сказал: «Бери, Иосиф. Иди в ателье. Закажи брюки. На новом месте ты должен выглядеть прилично». Младшие мамини сёстры Фрума и Блюма вслед за ней решили переехать в Минск из местечка Любоничи, чтобы учиться, получить специальность. На первых порах им было трудно. Некоторое время они жили у нас. А когда стали жить самостоятельно, наши папа и мама продолжали заботиться о них. К примеру, мама готовила тушёную картошку, а папа по дороге на работу относил им эту картошку, ещё горяченькую, в чугунке. Он очень любил людей, и никогда о себе не думал. Даже в гетто, в подполье.

Помню, как Дарья Новосельская, для нас, девчонок, просто тётя Даша, рассказывала о том, как, расставшись с папой в Узлянах, они снова встретились с ним уже в Минске. Им очень понравилась наша мама. Они сблизилась и благодаря этому дружба односельчан продолжалась:

«Гебелевы жили на улице Мясникова, мы — на Немиге. Часто ходили друг к другу в гости. Михаилу и моему мужу Ансону было о чём поговорить. Оба партийные работники. Михаил — инструктор-пропагандист райкома. Ансон — секретарь парторганизации обувной фабрики. А часто мы просто сидели, чаёвничали и вспоминали Узляны. Пели любимые песни. Миша очень любил эту — из кинофильма «Истребители». Помню слова:

«В далёкий край товарищ улетает.
Родные ветры вслед за ним летят.
Любимый город в синей дымке тает:
Знакомый дом, зелёный сад и нежный взгляд...»

Миша с Хасей пели вместе. У неё был очень красивый голос. Знаю, что она выступала в самодеятельном ансамбле Бобруйской крепости, где служил Миша. Там они и познакомились. У меня и сейчас стоит в ушах голос Михаила, после службы в армии чуть хриловатый, по-видимому, следы перенесённой простуды. Я не раз говорила ему:

«Миша, зайди к врачу».

Он всё отшучивался:

«Да что ты, Даша, какой же я больной. Сто лет буду жить по этому».

Увы, ему не пришлось прожить и сорока, как и моему Ансону. Помню, 21 июня 1941-го, в последнюю мирную субботу, Хася и Миша были у нас в гостях. Не знали мы тогда, что это наша последняя встреча. В 5 часов утра Ансона вызвали в военкомат, а от туда — сразу на фронт. Больше я его не видела. Михаил остался в Минске на подпольной работе. Уверена, ему пригодился опыт комсомольской работы в Узлянах: смелость, выдержка, беззаветная вера в правоту своего дела».

Как-то я спросила Раю, когда и как произошло расставание с отцом. Она рассказала:

«В последний раз мы видели папу утром 24 июня 1941-го. Папа должен был явиться по повестке на призывный пункт в Уручье. В повестке было написано, что он должен служить политруком пулемётной части. Отец отвёл нас в газубежище, которое находилось в здании 12-ой школы, где ты после войны училась. Школа находилась недалеко от Столпецкого переулка, где жила

папина сестра Рива с семьёй. Он думал, что когда бомбёжка кончится, мы пойдём к Риве. Мама держала тебя, крошку, на руках. Кругом стояли и сидели люди... Кто как мог. Слышались крики, стоны, рыдания. Мама ещё очень плохо себя чувствовала после родов. Она просила папу: «Миша, не уходи, смотри что творится». А творилось что-то ужасное: бомбили непрерывно, всё грохотало, пылало. Но он ей ответил: «О чём ты говоришь... Я дезертиром никогда не буду». Он обнял нас. А на прощание попросил маминых сестёр, которые находились с нами в убежище: «Позаботьтесь о Хасе, помогите ей. Она так слаба... Будем надеяться на встречу...».

Встреча не состоялась. Я никогда не видела отца. У меня никогда не было ни бабушки, ни дедушки. Потому что была война, а они были евреи...

У нас была мама — добрая, заботливая, любящая, терпеливая — Хася Беняминовна Гебелева. Сколько бы рассказов о гибели отца мы ни слышали, сколько бы подтверждений ни получали, мама не верила, что его нет в живых... Мама была верна его памяти до конца своих дней — 20 сентября 1987 года. Она всю жизнь посвятила тому, чтобы собрать о нём что-то новое. Мы писали с ней в разные организации, разные города. Увы... Я, как самая младшая в семье, всегда находилась при маме. Мы часто бывали в семьях подпольщиков и партизан. Я помню этих людей — Зельцеров, Кравчинских, Пруслиных, Трусовых, сестёр Калашниковых, Розу Липскую и Арона Фитерсона, Сарру Левину и Наума Фельдмана... Они знали отца и много рассказывали о нём. Они помогали нам материально. Маме одной трудно было растить трёх девочек. Когда мы выросли, Рая получила профессию экономиста, Зина — диспетчера, я — журналиста. Все мы вышли замуж. Есть дети, внуки...

- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ -

Выполняю завет...

Став журналистом, я мечтала написать об отце. Но мои коллеги в республиканских газетах сочувственно говорили: «Света, ты же знаешь, гетто — эта тема не пройдёт». Мне было горько. Ведь в партийных архивах было много документов о роли Гебелева не только в подполье гетто, но и в городской подпольной организации. Я храню газеты «Известия», «Знамя юности» и другие от 13 мая 1965 года, в которых был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями героев Минского подполья. Среди них мы увидели и имя нашего отца Михаила Гебелева, удостоенного ордена Великой Отечественной войны второй степени. Среди архивных документов у меня хранится справка из партархива ЦК КПБ. В ней сказано: «Гебелев Михаил Львович, 1905 года рождения, с июля 1941 года принимал активное участие в деятельности Минского партийного подполья. В августе 1942 года погиб в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Подпись: зав. сектором партархива Л. Аржаева». Обратите внимание, в этой архивной справке, выданной маме в 60-х годах, отчество отца пишется не «Лейбович», а «Львович» — еврейские имена рекомендовано было скрывать. Судя по этому и другим архивным документам, я пришла к выводу, что отец получил задание от вышестоящих партийных органов остаться в городе для организации сопротивления врагу. Потому он и вернулся в Минск из Уручья... Разве этого было недостаточно, чтобы рассказать людям о герое. Но герой был из гетто. А показывать евреев как борцов-героев возбранялось. Неужели так и не будет справедливости на земле, думала я...

Но сверкнул лучик надежды. Однажды мне позвонила старший научный сотрудник Института истории АН БССР Анна Павловна Купреева. Она рассказала, что работает над историей Минского гетто и его подпольной организации. Купреева попросила меня помочь в сборе материалов об отце. Я с радостью согласи-

лась, тем более, что у меня уже было собрано немало воспоминаний. Общая работа сдружила меня с Анной Павловной. Эта белорусская женщина была человеком редкой порядочности. Единственная в своём институте она не побоялась взяться за «неудобную» тему. Она работала над ней 15 лет, а когда закончила, её работу положили в архив... Её многолетний труд ещё долго был скрыт от людских глаз. И только в октябре 1993 года, когда Анна Павловна доживала свои последние дни, её монография, открывшая правду о героической борьбе подпольщиков Минского гетто, была опубликована в журнале «Беларуская мінуўшчына». Когда тяжело больная Анна Павловна находилась в больнице, я навещала её чуть ли не каждый день. Её терзали страшные боли. Но она держалась мужественно, стараясь не причинять беспокойство окружающим. Понимая, что конец близок, она завещала мне: «Запомните, Света, ваш отец — герой. Несите людям правду об отце, о героях Минского гетто. Обещайте, что продолжите мою работу. Я верю в вас».

Купреева умерла 13 октября 1993 года, когда в Минске на государственном уровне отмечалось 50-летие гибели Минского гетто. Такое событие в истории Беларуси произошло впервые. Вспоминаю митинг в мемориальном комплексе «Яма», где председатель Мингорисполкома Александр Герасименко говорил о большой роли Михаила Гебелева в Минском подполье. Навсегда запомнилось торжественно-траурное заседание в театре оперы и балета БССР, где председатель Верховного Совета республики Станислав Шушкевич возвышенно говорил о подвиге Михаила Гебелева и других подпольщиков гетто. В те дни по областному радио, в газетах появилось сообщение о переименовании одной из улиц Минска в улицу Михаила Гебелева.

Вернёмся в оккупированный врагом Минск, где стреляли руины, где подпольщики сражались за родину. Их не останавливала ни опасность, ни провалы. Однако вот что я прочла на странице 115 книги К. Доморада «Партийное подполье и партизанское движение в Минской области 1941-1944»:

«В дни массовых арестов (имеется в виду период март — апрель 1942 года, когда по доносам своей агентуры фашистские спецслужбы арестовали более 400 подпольщиков) секретарю горкома партии И. К. Ковалёву, членам горкома А. Л. Котикову,

В.К. Никифорову, Д.А. Короткевичу удалось ночью, минуя усиленные вражеские патрули, выйти за город. Через три недели, когда начала ослабевать волна репрессий, все они, движимые чувством долга вернулись в Минск и опять стали руководить подпольем».

А что же подполье, оно три недели бездействовало? Вспомним ещё раз, что писал Г. Смоляр в книге «Мстители гетто»:

«Хотя Михель Гебелев считался в основном работником района гетто, он в это время фактически стал одним из руководителей общегородской организации. Не зная покоя и пренебрегая опасностью, он взялся за отправку военнопленных в партизанские отряды».

А ведь он мог бы сам уйти в лес с любой из этих групп. Но вспоминаю слова, которые он сказал маме, когда она попросила его остаться с семьёй: «Я дезертиром никогда не буду». Мне довелось читать, изучать много источников, книг о подполье Минска и гетто. Их авторы не всегда положительно отзывались об иных подпольщиках, даже руководителях подполья. Но ни в одном издании, ни в одном документе я не нашла ни одного негативного слова о Михаиле Гебелеве. Это был действительно кристально чистый, честный человек, беззаветно любивший свою страну, свой народ, не сломившийся при самых жестоких пытках. Как же был отмечен герой, под чьим руководством было спасено 10 тысяч узников гетто в городе, который он защищал? Известно, что в мае 1942 года в Минском подполье были созданы пять подпольных райкомов: Ворошиловский (секретарь Николай Шугаев), Октябрьский (Константин Хмелевский), Сталинский (Назарий Герасименко), Тельмановский (Михаил Гебелев), Железнодорожный (Иван Матусевич). В Минске, кстати, мы жили на углу проспекта Пушкина и улицы Матусевича.

Пять районов и пять руководителей подпольной борьбы. До Победы никто из этих людей не дожил. После войны имена мужественных борцов увековечивают на карте белорусской столицы. Появились улицы Шугаева, Хмелевского, Герасименко, Матусевича... Достойные люди, достойная память. А где же в этом ряду пятый — секретарь подпольного Тельмановского райкома Михаил Гебелев? Помню, когда мы с мамой в светлый праздник совет-

ского народа День Победы шли по улицам и площадям Минска, мы не видели ни одного портрета, ни начертанного на транспаранте имени нашего отца — героя. И вот октябрь 1993-го, в Минске проходят Дни памяти евреев. Участвуя в их мероприятиях, я надеялась, что белорусское правительство восстановит справедливость. Тем более, что мне уже звонили домой десятки людей с поздравлениями: они слышали и читали о том, что в Минске вот-вот появится улица Михаила Гебелева. Увы, это был обман на святой памяти... Когда я позвонила в Мингорисполком и спросила, почему одному из пяти секретарей подпольных райкомов Михаилу Гебелеву до сих пор отказано в посмертной славе, мне конкретные чиновники конкретно ответили: имя еврея Гебелева «нецелесообразно» наносить на карту белорусской столицы.

Через год мы с мужем уехали в США, где национальная принадлежность никакого значения не имеет. В Штатах уже жили с семьями мои старшие сестры Рая и Зина. Я привезла с собой всё, что было собрано мной об отце. Здесь я продолжила дело Анны Павловны Купреевой. В крупных городах США, где есть большие русскоязычные еврейские общины, активно работают землячества, ассоциации и общества, объединяющие бывших участников Второй мировой, Великой Отечественной войны, узников гетто и концентрационных лагерей, которые ведут активную работу по сохранению памяти о Катастрофе, о героях-евреях, отдавших свою жизнь в борьбе с фашистами.

Узнав, что дочери Гебелева живут в Баффало и, зная, что я пишу об отце, лидеры еврейских ассоциаций в Нью-Йорке стали приглашать меня с мужем на встречи бывших узников гетто. Здесь вновь я увидела Славу Гебелеву-Осташинскую и Цилю Ботвинник-Лупьян. Они переехали в США значительно раньше. Они трогательно отнеслись ко мне — дочери Михаила Гебелева. Они вручили мне свои воспоминания о войне. Профессор-историк Давид Мельцер и журналист Владимир Левин в это время работали над летописью Холокоста в Беларуси, названной «Чёрная книга с красными страницами». Они предложили принять в ней участие. Моё стремление к восстановлению памяти отца поддержали лидеры и активисты еврейских ассоциаций и организаций: бывший малолетний узник Минского гетто, подпольщик, а затем партизан Савелий Каплинский, Евгений Геллер, Иосиф Лекарев, Генрих Рут-

ман, Зинаида Егорова, Белла Миронова, бывший малолетний узник Глусского гетто Юлий Айзенштат и многие другие.

Мои очерки об отце и других подпольщиках, а также об Анне Павловне Купреевой публиковались в Беларуси, Израиле, в русскоязычных изданиях Нью-Йорка, Чикаго, Балтимора, Миннеаполиса, где издаётся журнал «Зеркало». С коллективом этого журнала и его редактором Евгением Блажновым меня связывает пятилетняя дружба. Публикуя мои материалы об истории подполья, журнал шаг за шагом прокладывал на своих страницах путь, который вёл к восстановлению справедливости. В этом приняли участие и члены русскоязычной ветеранской организации города Миннеаполиса во главе со своим президентом, полковником Михаилом Гейхманом.

В моём городе Баффало живёт журналист и поэт Александр Шапиро, родом из украинского города Черновцы. Со времени нашего переезда в США мы дружим с Сашей и его семьёй. Одно время выпускали в Баффало русскоязычную газету, пока был спонсор... Саша, как и я, много пишет о Холокосте. И все эти годы болел душой за то, чтобы осуществилась цель моей жизни. Меня поддерживали сёстры Рая, Зина и их семьи, мой муж... Но были близкие люди, которые говорили: «Света, зачем это тебе нужно?», не понимая, что это нужно не только мне, но и людям в разных странах...

А в городе Чикаго давно уже жил мой двоюродный брат Абрам Сагалович, сын родной сестры отца Евы. Бома, как коротко мы называем брата, в прошлом — врач, подобно Чехову, Вересаеву, одарён талантом журналиста и писателя. В Чикаго он стал редактором газеты «Голос ветерана», вице-президентом чикагской Ассоциации ветеранов второй мировой. Ещё живя в Минске, мы пытались с ним увековечить память моего отца. Тогда в 1993-ем, когда Совет Белорусского объединения еврейских организаций и общин принял обращение к руководству Республики Беларусь о присвоении одной из улиц Минска имени Михаила Гебелева, правительство осталось глухо. Ничего не изменилось и в 1998-ом году, когда в консульство Беларуси в Нью-Йорке было передано Обращение членов нью-йоркской ассоциации бывших узников гетто и концлагерей, возглавляемой Савелием Каплинским, о восстановлении имени Михаила Гебелева.

- ГЛАВА ПЯТАЯ -

Признание

Но мы с братом не сдались... В 2004 г., в предверии 60-летия Великой Победы мы решили предпринять ещё одну попытку. К нам подключился Александр Шапиро. Он сделал интервью со мной о Бесстрашном Германе, моём отце, опубликованное в газете «Форвертс». В Чикаго Абрам Сагалович подготовил от имени правления Ассоциации ветеранов Второй мировой войны, подписанное ветеранами, обращение к Президенту Республики Беларусь А. Г. Лукашенко об увековечении в год 60-летия Великой Победы имени Михаила Гебелева. Оно сопровождалось глубоко аргументированной справкой о деятельности отца в подполье. Каждый факт из неё был проверен сотрудниками Посольства РБ в США, министерства иностранных дел, архивистами.

И вот 23 марта 2005 г. брат сообщил:

«Света, только что получил письмо от Посла Республики Беларусь в США Михаила Михайловича Хвостова. Даже голос от волнения прерывается... Будет в Минске улица Михаила Гебелева.! Сообщи сёстрам, вашим семьям».

И Михаил Михайлович Хвостов, и первый секретарь Лариса Леонидовна Бельская, и все сотрудники Посольства сделали всё, чтобы голоса ветеранов войны, бывших узников гетто и концлагерей, проживающих в США, из Нью-Йорка и Миннеаполиса, также принявших обращения к А.Г. Лукашенко, были услышаны Президентом Беларуси.

Пришёл день, когда нам позвонила Лариса Леонидовна Бельская:

«Светлана Михайловна, собирайтесь в Минск. Мы получили для вас и вашего мужа приглашение из Министерства иностранных дел республики на открытие улицы и мемориальной доски Михаила Гебелева».

И вот мы в Минске. Последний раз были здесь в 2000 г., когда приезжали, чтобы усыновить подростка Васю — сына моей умершей университетской подруги. Тогда я не представляла, что через пять лет вернусь к... ОТЦУ. В минском аэропорту нас встретил третий секретарь министерства иностранных дел РБ Александр Стригельский. Он занялся оформлением наших документов. А мы поехали к нашей любимой тётушке Блюме.

Встреча через пять лет... Блюма — самая лучшая, самая добрая, самая умная тётушка на свете. Ей далеко за девяносто, но она всё помнит, она пишет нам мудрые письма без единой ошибки. Мы не могли наговориться. Вспоминали эвакуацию. То есть вспоминала тётушка, потому что я была младенцем, до трёх лет не видела хлеба, не ходила, не разговаривала. Такие были страшные условия жизни в Средней Азии... Тётя Блюма работала до войны в обкоме партии. Когда им выделили машины, чтобы вывезти семью из Минска, она погрузила всех нас — среднюю сестру Фруму с сыном Мариком и нас с мамой. А дальше на теплушках, на паромках... Когда отец вернулся в Минск, вырвавшись из окружения, семью не нашёл. Он решил, что мы погибли. Может потому он мстил врагу, не щадя себя. А мы в это время находились далеко...

Мы с мужем едем к НЕМУ. Я, коренная минчанка, хорошо знаю, где находится бывший Мебельный переулок, названный теперь именем отца. Сердце прыгает в груди. На угловом здании красивая сиреневая табличка с надписью: «Улица М. Гебелева, 1».

Протираю глаза, спрашиваю мужа:

«Юрис, не снится ли мне?».

«Не снится» — уверяет он.

Вот она моя Заветная улица, к которой вёл столь долгий путь! Она есть! Она существует. Здесь проходила граница гетто... Отец пересекал её порой по несколько раз в день, выполняя самые ответственные задания. Мысленно вижу заколоченные окна, измождённые испуганные лица, дула автоматов на вышках у проволоки и оглядывающегося по сторонам человека. Михаил Гебелев шёл на задание... Отодвинулась граница гетто на 60 с лишним лет. Перед нами тихая мирная улица. Рядом территория бывшего еврейского кладбища. Его снесли после войны, в годы сталинского антисемитизма. Теперь на этой территории сквер. В глубине его установлены памятники погибшим в гетто евреям из стран Запад-

ной Европы. Не символично ли, что в таком месте находится улица имени руководителя подпольного сопротивления Михаила Гебелева...

Мы возвращаемся к дому номер 1. Здесь ещё идут подготовительные работы к открытию. Из подъезда выходят пожилые мужчина и женщина. Они о чём-то громко говорят, спорят. Женщина говорит нам с возмущением:

«Вот видите. Переименовали. Теперь паспорта менять, прописку. А стоит ли человек этого, кто он такой?»

Муж показывает на меня:

«Перед вами дочь Гебелева. Мы прилетели на открытие улицы издалека. Она вам расскажет...»

Они слушают внимательно мой рассказ об отце. Потом женщина спрашивает сердито:

«Почему же мы об этом нигде не читали? И вообще мой отец — ему 95 — тоже воевал, но о нём не пишут. А ваш отец — Герой Советского Союза?»

«Нет. Мой отец — просто герой...»

Как бы извиняясь, женщина приложила руку к сердцу:

«Знаете, я обязательно приду завтра на открытие улицы».

Она действительно пришла. С цветами...

Праздничное утро 15 октября 2005-го выдалось ветреным и дождливым. Сомневалась, что будет кто-то кроме близких. Но сквер был полон людей. Здесь ветераны, многих из которых знаю, о некоторых даже писала когда-то. Здесь незнакомая мне молодёжь. Рядом со мной двоюродные братья и сёстры, их дети, друзья, бывшие соседи, пришедшие и приехавшие из Минска, Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля... Возле дома номер 1 — представители руководства республики, города, еврейских организаций... В груди щемит: сейчас я увижу Его! Только что снято белое покрывало с мемориального портрета, установленного на доме номер 1. Покрывало ещё у меня в руках, но я отхожу всё дальше под пронизательным взглядом строгого, решительного, мужественного, красивого человека. Отец предстаёт из отлитой латы, которую пришивали к одежде евреи в гетто, в обрамлении венка из колючей проволоки, которую он смело разрезал, выходя на связь с подпольщиками города. Он смотрит на меня, но не видит.

Он не может мне ответить, потому что отлитый в бронзе остался за далью страшных, огненных лет.

Мемориальный портрет отца создали архитектор, председатель Союза белорусских еврейских общественных объединений Леонид Левин и скульптор Александр Дранец. Под портретом отлиты строчки: «Улица названа именем одного из организаторов Минского антифашистского подполья, секретаря районной подпольной организации на территории Минского гетто в годы Великой Отечественной войны Михаила Львовича Гебелева. Погиб в 1942 году». Погиб, не дожив до 37 лет. День открытия улицы был днём 100-летия героя. Шёл дождь. Плакало небо. Плакали люди, что погиб этот отважный человек таким молодым и потому, что столько десятилетий после войны имя его было в забвении.

С волнением и гордостью я приняла из рук заместителя министра иностранных дел Виктора Гайсёнка медаль «60 лет освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков», которой отец награждён посмертно Указом Президента Александра Григорьевича Лукашенко. Она была вручена под звуки государственного гимна Республики Беларусь. Это ли не восстановление исторической справедливости — официальное признание подвига Михаила Гебелева и его боевых товарищей!

В 2008 году у меня состоялся разговор с Послом Республики Беларусь в США Михаилом Михайловичем Хвостовым. Мы беседовали в посольстве РБ в Вашингтоне о судьбе евреев Беларуси, о восстановлении справедливости по отношению к евреям-борцам с фашизмом. В Беларуси сделано немало положительного в этом отношении. Восстановлено имя бесстрашной юной подпольщицы Маши Брускиной, которое замалчивалось столь же долго, сколько имя Михаила Гебелева. В интервью, которое я назвала «Лицом к справедливости», ещё раз поблагодарила за улицу моего отца и попросила Михаила Михайловича поделиться мыслями о нём.

Михаил Михайлович ответил:

«Спасибо за добрые слова в наш адрес. Хочу подчеркнуть ещё раз: важно, что Александр Григорьевич Лукашенко — наш Президент — обратил внимание на инициативу ветеранских организаций США, и она получила развитие. В результате справедливость восторжествовала. Считаю, что сегодня мы, как государство,

находимся в таком состоянии, что можем и должны посмотреть на нашу недавнюю историю и оценить роль каждого, кто своими действиями способствовал тому, что Беларусь сегодня — свободная нация, что мы победили в тяжелейшей войне. В числе таких людей и Ваш отец. Он был человеком неординарным, способным, энергичным. Я много читал о нём, интересно было понять душу, характер Михаила Гебелева. Думаю, благодаря таким людям мы имеем сегодня независимую и свободную страну Беларусь. К сожалению, пришли мы к улице Михаила Гебелева не сразу, хотя все знали, что Ваш отец — выдающийся подпольщик, знали какова его роль в движении сопротивления, были какие-то обстоятельства, которые не позволяли сделать это быстро.

Но, в конечном счёте, было сделано всё, чтобы соединить все сведения воедино. Силы были приложены не только посольством, и я не считаю, что посольство сыграло здесь исключительную роль. Наоборот, я считаю, что Вы своими действиями и люди, которые вокруг Вас объединились и были убеждены, что нужно поправить то, что несправедливо, сыграли большую роль. Благодаря Вам, ветеранским организациям Чикаго и Нью-Йорка, а также усилиям общественных организаций в Беларуси имя Вашего отца увековечено в названии улицы.

Хочу сказать, что меня восхищает в Михаиле Гебелеве. Во-первых, то, что он работал и действовал в сложнейших условиях, в условиях гетто. Во-вторых, это был исключительно смелый, дальновидный человек, который боролся не только за свою свободу, не только за свободу тех людей, которые были согнаны в гетто, которых унижали, уничтожали, он боролся за свободу Беларуси, своей страны. Это человек большого ума и знаний, и я считаю, что о таких людях мы должны помнить. Хорошо, что Вы начали рассказывать об отце простым языком. Для нас важно сохранить память о Михаиле Гебелеве, человеке, который ценой своей жизни добился того, что мы сегодня — свободные люди. Его гибель — большая потеря для семьи, для вас, Светлана Михайловна. Большая потеря для Беларуси. И я никогда не хотел бы приуменьшать значение того, что совершили такие люди, как Ваш отец, для того, чтобы мы были свободными. Нужно, чтобы больше людей знало: был Михаил Гебелев. Он боролся с фашизмом. Государство оценило его подвиг».

Как бы в продолжение этого интервью хочу вспомнить о священных Днях памяти 100 тысяч жертв Минского гетто, уничтоженных гитлеровцами 65 лет назад, что отмечались в октябре 2008. Чтобы почтить их память Президент Беларуси А.Г. Лукашенко, правительство республики, руководство Мингорисполкома, общественные еврейские организации провели в Минске мероприятия в знак этой печальной даты. Они проходили трогательно, волнующе, торжественно и оставили неизгладимые впечатления в моей душе. После церемонии возложения венка к памятнику в мемориальном комплексе «Яма», Президент выступил с идущими от сердца словами, которые убедили в том, что гибель ста тысяч безвинных жертв — это гнев, боль и скорбь не только евреев Беларуси, но и всего белорусского народа. Среди тех, кто бесстрашно боролся с фашистами, А.Г.Лукашенко первым назвал имя Михаила Гебелева. После выступления он задержался, чтобы пообщаться с простыми людьми, которые смогли поделиться тем, что у них на душе. Так получилось, что я оказалась рядом с Президентом и лично поблагодарила его за признание подвига моего отца и улицу его имени, которая является символом бесстрашия подпольщиков Минского гетто в борьбе с фашистами.

- ГЛАВА ШЕСТАЯ -

Дети подпольщиков

В 2008 г. в Минске произошло важное событие — Указом Министра обороны РБ 26 наиболее отважных подпольщиков Минского гетто посмертно награждены медалью «65 лет освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков». Об этом мне сообщила директор музея истории и культуры евреев Беларуси Инна Герасимова, которая является и председателем Республиканского фонда «Холокост». Вот что она написала:

«Я могу прислать тебе документы, которые были подготовлены мной для награждения подпольщиков. Думаю, что одно из важных дел, которые я сделала, это посмертное награждение этих людей. Ведь никто о них не вспоминал раньше. Скажу тебе откровенно: на этот шаг меня подвигнула улица Михаила Гебелева, медаль, которая была дана твоему отцу. Мы организовали вечер, на который пригласили родственников погибших подпольщиков и вручили им награды героев. Сколько было слёз, сколько слов благодарности! Для меня это был самый светлый, самый большой день в моей жизни».

Когда я приезжаю в Минск, обязательно иду в Минский еврейский общинный центр, где находится музей истории и культуры евреев Беларуси, чтобы встретиться с Инной Герасимовой. Она знакомит меня с новыми экспозициями, рассказывает об открытии новых имён героев-евреев, о восстановлении памяти незаслуженно забытых бесстрашных подпольщиках Минского гетто. Не во многих городах постсоветского пространства есть еврейские музеи. Минску повезло. Здесь такой музей есть. И заслуга его создания не общая, а персональная. Она принадлежит кандидату исторических наук Инне Павловне Герасимовой — радушной хозяйке музея, женщине широко образованной, энергичной, деятельной, деловой... Инна рассказывала, что музей, которому уже больше десяти лет, создавался «вопреки всему»: вопреки началь-

ству, вопреки многим евреям, даже вопреки Израилю. Ей всё время говорили: «Ты хочешь музей, собираешь экспонаты по всему миру — вези их в Израиль, кому это здесь надо». Но Герасимова отвечала, что делает музей в первую очередь для тех, кто здесь живёт, даже если ни одного еврея здесь не останется. Музей посещают люди разных национальностей. Им интересно. Ведь история евреев Беларуси тесно переплетена с историей и культурой всей республики и насчитывает не одно столетие. И вот пришёл день, когда те сокровища, те экспонаты, те материалы, что собрала по всему миру Инна Герасимова, заняли достойное место в музее, который стал так необходим республике и получил известность в разных странах.

Я не отступила от темы своей повести, введя в него повествование об Инне Герасимовой. Ведь улицу Михаила Гебелева вместе с руководителями общественных еврейских организаций Республики Беларусь и их президентом Леонидом Менделевичем Левиным прокладывала и Инна Герасимова. В 2003-ем году я отправила Инне материалы о моём отце, которые собирала много лет. Они заняли достойное место в экспозиции музея, посвящённой Минскому гетто. С самого открытия музея Инна Герасимова начала работать над сбором материалов о Холокосте в Беларуси, о еврейском Сопротивлении в годы Великой Отечественной войны на территории республики. И несколько лет назад Герасимова стала председателем Республиканского фонда «Холокост». Мы часто переписываемся, созваниваемся с Инной. Всё это в промежутках между конференциями, совещаниями, презентациями, симпозиумами, встречами, которые организует с республиканской организацией Холокоста Герасимова, и теми, на которые её приглашают в разные страны СНГ и Европы.

Инна пишет мне о новых экспозициях музея, приуроченных к 65-летию Великой Победы над немецко-фашистскими захватчиками. Недавно в музее появился фонд писателя Валентина Скобло. Инна организовала презентацию его книги «На уцелевшем челне». Скобло передал музею свой архив. В нём сотни воспоминаний, которые он собрал в процессе работы над документальной повестью о Минском гетто. Писатель также передал в дар музею свою картину, созданную им на тему Холокоста из драгоценных пород дерева.

Мы живём по соседству с Валентином Скобло. От Баффало до канадского города Торонто около двух часов езды на машине. Мы часто общаемся. Когда в Минске готовилась презентация книги «На уцелевшем челне», которую автор дополнил третьим томом, Инна попросила меня согласовать со Скобло некоторые вопросы. Мы вели с ним долгие беседы. И я не смогла не спросить у него:

«Валентин Аркадьевич, в вашей документальной повести Михаил Гебелев — реальное действующее лицо. Он живёт, общается с людьми, совершает действия, поступки. Как и я, вы никогда не видели моего отца. Что помогло вам создать его образ?»

«Не забывайте, Светлана, о тех встречах с подпольщиками, людьми, знавшими Гебелева, которые были у меня за несколько десятилетий. Они, участники и свидетели тех событий, ещё были живы и многое помнили. Я приходил к ним домой без блокнотов и записных книжек. Люди были весьма доверительны со мной. Уже потом, вернувшись в гостиницу, я записывал всё, что мне рассказали. Особенно часто я встречался с Розой Липской и Арном Фитерсоном. Оба они очень хорошо знали Гебелева, Роза работала с ним и до войны. А в подполье они действовали бок о бок. Роза и Арон очень помогли мне в создании образа Михаила Гебелева. Вообще эти люди были просто необыкновенными. А их сын Феликс... Маленький мальчик в подполье был маминым помощником, настоящим конспиратором».

Мы с Феликсом Липским знаем друг друга с детства. Став врачом, Феликс не оставил дело всей его жизни — изучать историю Минского гетто и его подпольной организации и писать об этом. Мы живём сейчас в разных странах: я — в США, Феликс — в Германии. А встречаемся в Минске, когда отмечают памятные даты трагической истории Минского гетто. Феликс бывает и в Нью-Йорке. Здесь у него есть три закадычных друга: Гилел Осташинский, Семён и Ян Лупьяны. Семён и Ян — врачи. У них свой медицинский офис в Бруклине. Гилел — бизнесмен. Это сыновья двух замечательных верных подруг и соратниц Розы Липской: Славы Гебелевой-Осташинской и Циля Ботвинник-Лупьян. Очень давно тётя Слава и тётя Циля с семьями переехали в США. Я встретила их в 1998 году на митинге в еврейском центре «Шор-

фронт». Это было незабываемо. Тётя Циля всё повторяла: «Светочка, мы так рады тебя видеть, ты ведь дочь Михаила Гебелева. Он давал нам боевые задания». А тётя Слава передала мне воспоминания о войне. Когда я вновь увидела Гилела, Семёна и Яна, мы очень сблизились. Они стали моими названными братьями.

В прошлом году Семён Лупьян и Гилел Осташинский были участниками передачи «Контакт» на канале русской телекомпании RTN. Тележурналист, ведущий программы Борис Тенцер посвятил её детям подпольщиц Минского гетто. Семён и Гилел рассказали, что примеры героизма и отваги Циля Ботвинник и Слава Гебелева показывали не только в подполье, но и в партизанах. После гибели Михаила Гебелева работать подпольщикам становилось всё труднее... Задачи были сложные. А людей, способных выполнить их, становилось всё меньше. В июле 1943 года группа Розы Липской ушла в партизаны. Часть из подпольщиц сражалась до освобождения Беларуси в отряде Шолома Зорина, часть — в отряде имени Кутузова. Здесь активно воевала Циля Ботвинник. Она принесла с собой в отряд чешскую винтовку, которую собрала из частей, вынесенных из немецких оружейных мастерских. В отряде Циля показывала мужчинам пример своим мужеством и героизмом. Самая храбрая партизанка в подрывной группе А. Шмушкевича, она взорвала 5 немецких эшелонов с техникой и живой силой противника. Я с детства помню, как, листая книгу Смоляра «Мстители гетто», останавливала своё внимание на странице, где была фотография чудесной девушки в шинели и берете. Я уже могла прочитать подпись: партизанка Циля Ботвинник. С каким восхищением смотрела я на эту фотографию! Отважные женщины получили много боевых наград. Их свято хранят в их семьях.

Война оставила много шрамов в сердцах подруг. Погибли мужья. Циля Ботвинник, которая летом 1941 года ждала ребёнка, осенью родила девочку. Не желая подвергать её опасности, подпольщица по совету друзей отдала малышку надёжным людям в русский район. После войны Циля несколько лет искала дочурку, но та исчезла бесследно. Жизнь брала своё. Слава и Циля снова вышли замуж. Тетя Циля — за Авсея Лупьяна. Тетя Слава — за Григория Осташинского. Детские игры Гилела, Семёна и Яна были отражением огневой молодости родителей. Мальчишки

играли в войну. Каждый хотел быть партизаном. Но никто не хотел быть немцем. Яну, младшему, который ещё не умел постоять за себя, пришлось быть немцем. Однажды мальчишки вошли в роль, да так, что бедного Яна чуть всерьёз не повесили. Хорошо, взрослые вовремя вмешались. Семён и Гилел рассказывали очень интересно о детстве, о том, как, взрослея всё больше и больше узнавали о героическом прошлом своих матерей, как гордились и гордятся ими. И о том, с каким восхищением и уважением относятся к бабушкам уже их дети. Люба, Дима, Игорь, Элеонора о войне, о Холокосте знают с детства. Такое воспитание они получили в своих семьях. А это так важно! Ведь участников и свидетелей тех страшных злодеяний фашистов остаётся всё меньше. Три года назад ушла из жизни тётя Слава.

Во время программы «Контакт» Гилел Осташинский, между собой мы называем его Аликом, показал фотографию памятника, который он установил тёте Славе. А рядом — памятник всем его родным, погибшим во время войны — бабушке, дедушке, дяде. Дедушка Алика погиб ещё в первую мировую, дядя (брат мамы) Израиль Кукис — 23 февраля 1943 года под Сталинградом...

«У них нет могил, — объяснил Алик. — Поэтому я так сделал. Видите эту каменную скамейку и такой же молитвенник на ней? Сюда можно придти, преклонить колени и почитать «Кадыш»».

Когда я была в Нью-Йорке, Алик привёз меня домой, где собралась вся его семья — жена Соня, дочери, зять, внуки. Вспоминали тётю Славу. Бережно достали из шкатулки её награды. А потом поставили видеокассету, записанную сотрудниками фонда голливудского режиссёра Стивена Спилберга, создавшего фильм «Список Шиндлера», которые провели интервью со Славой Гебелевой-Осташинской — бесстрашной подпольщицей и партизанкой.

Сотрудники фонда записали также и воспоминания мамы Яна и Семёна Цили Ботвинник-Лупьян. Тётя Циля на радость нам всем жива. Ей 92 года. О ней нежно заботятся сыновья и внуки. Ян и Семён навещают маму через день. Заботятся о свекрови и их жёны Инга и Инна. Семён как-то признался мне:

«Знаешь, я на всю жизнь запомнил ещё в нашем детстве слова: «Пока жива мама — мы ещё дети». Так хочется оставаться по-

дольше детьми! И больше всего хочется, чтобы наша мама была с нами как можно дольше... После войны мы долго разыскивали нашу пропавшую сестрёнку, но так и не смогли её найти. В то время было много сирот. Наша мама воспитывала двух ребятишек, пока их родители не вернулись с фронта».

«Поверишь, у нас такое чувство, словно мы нашли её — нашу потерянную в годы войны сестрёнку сейчас. Ты ведь, как и она, родилась в сорок первом...» — глядя на меня сказал Семён. Мои названные братья Ян, Семён и Гилел родились после войны. Но все они считают себя детьми войны, потому что их мамы и отцы всегда вспоминали военные годы. А дети как бы мысленно становились рядом с ними на опасных дорогах войны.

«В нашей семье, — вспоминает Семён, — между родителями были очень тёплые отношения. Это распространялось и на нас, детей. Когда родители вспоминали гетто, подполье, партизаны, мы с младшим братишкой Яном брались за бумагу и ручку. Ян записывал воспоминания папы, а я — мамы. Так что мы знаем, что должны передать в этой жизни своим детям и внукам. У мамы ведь есть уже два правнука Ян и Ива».

Меня покорила фотография, которую недавно прислал мне Семён. На ней тетя Циля, дочь Семёна — Люба и её двухмесячная доченька Ива — Ивушка. Бабушка, внучка, правнучка — четвёртое поколение подпольщицы и партизанки Цили Ботвинник-Лупьян, та девочка, которой с годами уже мама Люба передаст семейную реликвию — три пары детских башмачков...

Во время программы «Контакт» произошло то, что очень взволновало и сыновей подпольщиц, и телезрителей. В студии раздался звонок. Телеведущий Борис Тенцер снял трубку:

«Это вас, Семён...»

Семён услышал родной голос:

«Мама, — обрадовано воскликнул он, — как я рад, что ты позвонила».

«А я тронута тем, что вы вспомнили обо мне, о Славе, о нашем военном прошлом и очень благодарна за это».

Так же, как тётя Циля, благодарен своим детям Валентин Аркадьевич Скобло, тот мальчишка, который в 12 лет остался

сиротой. Ему уже за восемьдесят... Его дети Александр и Евгения с детства знают, что перенёс отец в гетто, где погибла вся его семья. Книга отца «На уцелевшем челне» для них главная. Александр, ставший известным адвокатом, во всём поддерживает отца. Первая презентация книги Валентина Скобло состоялась в Москве в театре «Шолом». Её организовал Александр. Он перевёз архив отца из Канады в Москву и передал его Инне Герасимовой, которая специально приезжала для этого из Беларуси.

Кстати, когда Валентин Аркадьевич Скобло решил передать в дар музею истории и культуры евреев Беларуси свою картину о Холокосте, посвящённую жертвам Минского гетто, возник вопрос о том, как её доставить в Минск. Картина из дерева. Она объёмная, солидная по весу. Я решила посоветоваться с Семёном Лупьяном. Он не мешкая сказал:

«О чём здесь раздумывать, передай Валентину Аркадьевичу, если он решит отправить свою работу в Минск через Посольство Беларуси в Вашингтоне, я возьму несколько свободных дней на работе, поеду в Торонто за картиной и доставлю её в Вашингтон».

Чтобы понять благородство этих намерений Семёна, скажу, чтобы совершить на автомобиле тот путь, который он намеревался осуществить, нужно провести за рулём не менее трёх дней! Поняв, насколько это всё сложно, Скобло отправил свой дар Беларуси самолётом из Торонто. Но он был благодарен за готовность помочь ему.

Хоть время уходит, поглощая людей, события, они остаются в сердцах. Мне по-прежнему звонят и пишут родственники подпольщиков. Один из них Янкель Шапиро из Бруклина. Он оказался племянником одной из активных подпольщиц, довоенного комсомольского руководителя Эммы Родовой, замученной в застенках гестапо. Янкель сохранил фотографии Эммы, которые передал мне, а я отправила их в Минск Инне Герасимовой.

В марте 2006-го я приехала в Минск всего на несколько дней для участия в 3-ем Всебелорусском собрании, где представляла белорусскую диаспору США. Ещё до приезда в Минск я попросила Инну Герасимову организовать в музее встречу с детьми подпольщиков Минского гетто. Мне давно хотелось с ними встретиться. Инна меня поддержала.

И вот я вижу Зину Пруслину, Фриду Рейзман (Лосик), Якова Кравчинского, Фриду Аслёзову (Кисель), бывшего подпольщика и партизана Михаила Канторовича... На эту встречу пришли Нина Антоновна Лыч и Александра Витальевна Наркевич, что для меня было большим сюрпризом. Обе они — мои старые друзья с Минского автозавода. И сейчас их жизнь связана с МАЗом. Нина Лыч — начальник отдела литейного производства, Александра Наркевич — председатель совета заводского клуба ветеранов. Я писала о них не раз и в газету «Автозаводец» и в республиканские издания. Обе они в детстве — узники концентрационных лагерей. И сейчас ведут большую работу в Белорусской республиканской ассоциации бывших несовершеннолетних узников фашизма. Н. Лыч — председатель ассоциации, А. Наркевич — её заместитель.

Конечно, я обрадовалась, увидев друзей. Но и немного удивилась, узнав, что эти белорусские женщины не гости в еврейском музее, а его помощницы.

«Каким образом это происходит?» — спросила я Фриду Рейзман, которая является заместителем председателя Белорусской республиканской организации евреев-узников гетто и концлагерей.

Фрида ответила:

«В Беларуси, где погиб каждый четвёртый житель — это люди разных национальностей — и существуют разные общественные объединения памяти жертв фашизма, создан Белорусский республиканский фонд взаимопонимания и примирения. Он нас объединяет. Но и без этого фонда мы очень дружим и много хороших дел осуществляем вместе».

Мы сидим рядом с Фридой Рейзман. Фрида — дочь бесстрашного подпольщика Вольфа Лосика, который получал задания и от Михаила Гебелева, которого знал ещё до войны. Помню такой эпизод из книги Г. Смоляра «Мстители гетто». Подпольный центр гетто получил известие о том, что гестаповцы оцепили квартиру Вольфа Лосика. Опасность была очень велика. Ведь Лосик занимался доставкой оружия в гетто. Он руководил группой подпольщиков, которые работали на немецком военном складе в Красном Урочище. Эти отважные люди по его заданию скупали оружие у вражеских солдат. В тот день за несколько часов до прибытия гестаповцев, на квартиру Лосика был доставлен

транспорт гранат. Даже страшно было представить, что было бы, если бы немцы обнаружили гранаты...

«Хорошо помню тот день, — сказала Фрида. — Мне было уже шесть лет. А детские воспоминания самые яркие. То было 2 мая 1942. Утром к нам нагрянуло гестапо. Отца не было дома. Он находился на явочной квартире. Папу подпольщики предупредили заранее. И он успел спрятать гранаты в надёжном месте. Но я спала на ящике с оружием. Не знаю почему немцы меня не тронули, хотя всё остальное перевернули вверх дном. Мы, дети, получили от мамы строгий наказ: молчать, никого не выдавать. Ведь к нам приходило немало людей из подполья. Когда гестаповцы вывели нас во двор, я сумела спрятаться в дощатом туалете. Видимо подпольщики следили за происходящим. Один из них вырвал доску с противоположной стенки туалета. Меня спасли. Сумели спасти и всю нашу семью».

...Я смотрю ещё на одну спасённую: Зину Пруслину. Передо мной седовласая моложавая женщина — врач, мама, бабушка. Для меня она девочка-легенда, о которой мне в детстве рассказывала моя мама... Зина — дочь Хаси Пруслиной, той самой, с которой Михаил Гебелев работал до войны, а затем они вместе были в гуще подпольной борьбы, создавали явочные квартиры, спасали еврейских детей. Это Хася Пруслина познакомила Гебелева с Василием Орловым. Она первая отвела дочь в городскую управу, чтобы спасти её. Позже, через несколько лет после войны, она с трудом нашла дочурку.

Зине непросто было снова вспоминать о пережитом. Но она пересилила себя:

«В тот ненастный хмурый день мама поняла, что очередной погром неминуем. Она отвела меня на конспиративную квартиру к одной, казалось бы, надёжной женщине. Но та женщина выгнала нас. Понимая, что в условиях подполья ей не удастся спасти своё дитя, мама решила обратиться к Орлову. После войны она искала минский детский дом номер три, детский дом в Ждановичах. Она не могла меня найти, потому что у меня была другая фамилия и потому что в 44-ом году, нас вывезли в Германию. Из Германии в октябре 45-го детей, не имеющих родных, привезли в Куйбышев. Мама нашла меня только в 47-ом».

Фрида Аслёзова (Кисель) рассказала, что поскольку её отец был подпольщик, родители, опасаясь за жизнь маленькой дочурки, попросили временно принять её врача Ольгу Николаевну Джордж, замечательную женщину. Ольга Николаевна взяла девочку на воспитание. Однако позже и эта женщина включилась в подпольную работу. Ольга Николаевна отдала Фриду в детский дом и тем самым спасла её. А сама подпольщица погибла по доносу предателя. Родители Фриды — Давид Рувимович Кисель и Эсфирь Юльевна — воевали в партизанах. Вернувшись в Минск с партизанского отряда, они начали поиски дочери и, к большой радости, нашли Фриду...

...На эту встречу в музее должен был придти и Роман Кулик — сын подпольщика Льва Кулика, главврача инфекционной больницы, которая была штабом подполья.

...В тот день Роман Кулик не мог быть на встрече с детьми подпольщиков. Но вскоре я прочла о нём в интернете. Роман, так же, как и я, много лет собирает материалы о своём отце. Недавно я получила от него письмо. Роман написал:

«Тема гетто, конечно же, не даёт мне покоя уже много лет. Прежде всего, это рассказы тех, кто выжил, тех, кого спас мой отец. Мне повезло. В период с 1990 по 1992-ой, когда я жил в Израиле, я разыскал там Смоляра. Встречались мы с ним довольно часто. Тогда мне казалось, что это наше личное. Мне не приходила даже мысль о том, что надо что-то записывать. Но я хорошо всё помню. И могу об этом рассказать. То, о чём ты прочла в интернете, проходило при вручении мне памятной медали, которой посмертно награждён мой отец. В течение нескольких лет я предпринимаю попытки установить мемориальную доску на сохранившемся здании бывшей больницы гетто, главврачом которой был мой отец. Пока — безрезультатно. Но надеюсь».

Я знаю, что об этом хлопочут Инна Герасимова, дети других подпольщиков. Ведь на этой мемориальной доске будут увековечены имена и других подпольщиков. Замечательно, что дети подпольщиков продолжают своих отцов и матерей, что улица имени Михаила Гебелева в Минске, небольшая по размеру, но большая по значению, стала улицей на все континенты. Она как бы

опоясала земной шар и объединила всех, кому дорога память героев, отважно сражавшихся с врагом и оставшихся в живых после смерти. Я была удивлена, когда узнала, что об этой улице пишут в газетах и журналах Австралии, что о героях-подпольщиках Минского гетто знают на острове Ньюфаундленд, северо-восточной провинции Канады.

Близ столицы провинции города Сент-Джонс живут супруги Меддокс. Их сын, профессор Стивен Меддокс, преподаёт историю Российского государства, а также советской России и республик СНГ в Canisius college — одном из престижных колледжей Баффало. Один из курсов, который профессор Меддокс читает студентам, называется «Сталинизм и нацизм». Важная часть этого курса — история Холокоста... Изучая эту тему, Стивен обращается к музейным архивам, ездит на семинары и конференции, которые проходят в городах США и за рубежом. Профессор жил и работал три года в России: в Москве, Санкт-Петербурге, Череповце... Это ему очень помогает в работе.

Несколько месяцев назад Стивен побывал на семинаре в Вашингтонском музее Холокоста. Здесь он встретился с одной супружеской парой из города Детройта. Мир, как говорится, тесен. Новые знакомые Стива — Фира Лупьян (Каплан) и её муж Наум Лаер оказались моими друзьями. Это необыкновенные люди. Фира и Наум отдают всё своё свободное время работе по пропаганде знаний о Холокосте. Они принимают участие в конференциях и встречах, которые проходят в разных городах США, в том числе и Детройте. Здесь тоже есть музей Холокоста, в создании которого есть заслуга Фиры и Наума. Фира, бывшая малолетняя узница Минского гетто, посвящает свою активную деятельность подвигу минских подпольщиков и своего старшего братишки Гриши Каплана, которого в гетто называли «Сорванцом» и «Гаврошем».

12-летний Гриша, подобно Гаврошу, был смел и неуловим, выполняя задания взрослых. Подпольщица Роза Липская вспоминала, как «Сорванец» помогал добывать оружие. Он уходил из гетто с колонной, которая работала на железной дороге. Там находилась свалка, куда немцы сгружали разбитое оружие, прибывшее с фронта. Это место было огорожено только забором. Гриш-

ка пробирался туда незаметно, находил там обрезы, собирал затворы с подающим механизмом и другие предметы и передавал подпольщикам. Эти воспоминания дополнила подпольщица Циля Ботвинник-Лупьян. Она хорошо помнит, что когда, работая в немецких оружейных мастерских, она выносила заполненную частями от винтовок банку из-под супа, Гриша Каплан незаметно забирал у нее эту банку и отдавал ей такую же, но пустую. Так продолжалось до мая 1943 года. Однажды, когда Гриша перелезал через проволоку из гетто, его схватили гестаповцы. Сколько его ни пытали в тюрьме, он никого не выдал. И как Гаврош, маленький мальчик, но большой герой был убит.

Фира рассказала Стивену Меддоксу о своем отважном брате, о героях-подпольщиках и улице Михаила Гебелева в Минске. Рассказала и обо мне. Узнав, что я живу в Баффало, Стив попросил моих друзей познакомить нас, а вскоре пришел ко мне в гости. Я поведала ему о Минском подполье и о подпольщиках Минского гетто и подвиге моего отца. Он принял мой рассказ близко к сердцу. Так я узнала этого прекрасного канадского парня, который вместил в своём честном сердце память и боль о жертвах Холокоста.

- ГЛАВА СЕДЬМАЯ -

Подвиг Анны Купреевой

Во всём мире известно имя этой замечательной белорусской женщины, без которой не было бы улицы Михаила Гебелева, символизирующей подвиг подпольщиков Минского гетто, которой я посвящаю эту книгу. Да, это Анна Павловна Купреева, совершившая подвиг во имя еврейского народа. Если сотрудники белорусского посольства дали мне веру, то Анна Павловна много лет назад подарила мне надежду. Это теперь можно говорить о том, как жило и боролось Минское и ещё около 300 еврейских гетто на территории Беларуси (по данным профессора-историка Давида Мельцера) во всеуслышание. Но не в столь уж далёкие времена — полнейшее молчание. Тема эта была закрытой и бесперспективной. Если кто и брался за неё, то быстро остывал. Поэтому меня удивило и обрадовало, когда в 1978 году мне позвонила старший научный сотрудник Института истории Академии наук БССР Анна Павловна Купреева и сказала:

«Мне нужна ваша помощь, Света. Я работаю над историей Минского гетто. Помогите мне собрать материалы о вашем отце»

Об Анне Павловне я слышала раньше от старшей сестры Раи. Купреева преподавала у них в Нархозе экономическую историю. Студенты-вечерники её обожали. За то, что она интересно вела свой предмет. За то, что была к ним очень внимательна и добра, понимая, как это трудно совмещать работу с учёбой. Они приходили к ней за советом.

Конечно, я с готовностью согласилась помочь Анне Павловне, тем более, что у меня уже было собрано немало воспоминаний о нашем папе — бесстрашном подпольщике Михаиле Гебелеве. Когда мы встретились с Купреевой, она рассказала о том, как вызвал её заведующий отделом института Александр Андреевич Филимонов и попросил:

«Анна Павловна, возьмитесь, пожалуйста, за эту тему. Если вы это не сделаете, не сделает никто».

Я вспомнила вдруг нашего сотрудника Казимира Гляйхенгауса, с которым работала в редакции газеты «Автозаводец». Человек он был довольно известный. В военном прошлом — отважный лётчик. После войны — литейщик на заводе. Затем ушёл в журналистику, поэзию. На его стихи писал песни белорусский композитор Владимир Оловников. Я рассказала Казимиру о моём отце. Пылкий по характеру, грузин Гляйхенгаус воскликнул:

«Светка, это нельзя так оставлять. Мы с тобой добьёмся, мы с тобой пробьёмся!»

«Казимир, умерь свой пыл, — ответила я. — Я уже пыталась опубликовать один из своих очерков об отце в газете «Вечерний Минск». Мне сказали: гетто — эта тема не пройдёт».

«Не говори ерунды», — отпарировал коллега.

«Не веришь, позвони сам, — спокойно сказала я. — Звони в любую редакцию, а можешь во все сразу».

Казимир позвонил. А когда повернулся ко мне, лицо его посерело. Отважный лётчик, в войну бомбивший фашистов, опустил крылья.

Анна Павловна не испугалась.

Когда я беседовала с Александром Андреевичем Филимоновым, он сказал:

«Я не сомневался, что доверил эту непростую тему именно тому человеку, который воспримет её всем сердцем, не будет бояться, не испугается. Анна Павловна была не только талантливым историком, эта женщина редкой порядочности и доброты.

Анна Павловна взялась за тему даже не потому, что её попросили. Способность сопереживать людскому горю, защищать униженных, незаслуженно преданных забвению связана у неё с нелёгкой собственной судьбой. В 1938 году её отца, работника органов связи, вызвали в Москву и предложили сразу три места работы. По каким-то причинам он отказался. А спустя немного времени Павла Семёновича Козлова и других руководителей Полесской области арестовали и расстреляли в одну ночь.

В апреле 1957 года Аню, её сестру Лену, брата Володю и маму Татьяну Ивановну пригласили в КГБ. Сообщили, что их муж и

отец реабилитирован. Вдове и детям принесли извинения. Но Аня, Лена и Володя ещё долго жили с ярлыком «Дети врага народа». Всё это приносило им немало душевных страданий, как и в те минувшие годы, когда Татьяна Ивановна с тремя детьми на руках оказалась выброшенной на улицу и едва могла свести концы с концами. В эвакуации они случайно нашли земляка, очень порядочного человека Павла Алексеевича Долгого. Он помог им получить вызов в город Муром, где Аня окончила курсы при Муромском учительском институте, а потом два факультета — исторический и педагогический. В Белоруссии её направили работать завучем в детский дом, где находились дети из Озаричского лагеря смерти. Спустя время её перевели в Минск. Она работала в детприёмнике и заочно училась в БГУ. Затем Купреева (фамилия по мужу) поступила в аспирантуру. И здесь ей напомнили, что она — «дочь врага народа». Ей не давали ни темы диссертации, ни возможности сдать кандидатский минимум. Только после вмешательства высоких инстанций ей удалось защитить диссертацию и сдать экстерном все предметы.

Кандидат исторических наук, доцент Анна Павловна Купреева с 1957 года была сотрудником Института истории Академии наук БССР, много работала над монографиями о развитии народного хозяйства Белоруссии, о подпольном и партизанском движении. Но главной темой её жизни стала история Минского гетто, его подпольной организации, над которой она работала 15 лет, до последнего дыхания. Работала бережно, скрупулёзно. Врач Феликс Липский — бывший малолетний узник Минского гетто, сам исследователь его истории, относился к Анне Павловне с особой теплотой.

«Анна Павловна записала воспоминания сотен людей — узников гетто, их близких. Многие из спасшихся были ещё живы, когда она начала свою работу. Каждое из этих воспоминаний она сопоставляла с архивными данными, тщательно просеивала, чтобы донести до людей только правду», — рассказывал мне Феликс Липский.

Благодаря Анне Павловне я вновь встретилась много лет спустя с Феликсом Липским и Феликсом Хаймовичем, о которых сохранились лишь детские воспоминания. В этих семьях мы бывали когда-то с мамой. Купреева познакомила меня с Антониной

Андреевной Мелентович, чудесной белорусской женщиной, работавшей с отцом и до войны, и в подполье. Анна Павловна познакомила меня и с Давидом Рувимовичем Киселем, бывшим прокурором, бывшим подпольщиком, которому уже после войны довелось пройти через все круги ГУЛАГа.

Из свидетельств подпольщиков, архивных и других источников Купреева открыла много новых достоверных фактов о героической деятельности руководителя подполья Михаила Гебелева. В историческую справку о подполье гетто были включены и воспоминания об отце, которые я собрала у родных, сослуживцев и довоенных друзей нашей семьи. Для этого я ездила по разным городам и весям.

Мы очень подружились с Анной Павловной. Она стала мне дорога как мать, как самый надёжный друг. Она постоянно напоминала мне:

«Света, ваш отец — герой. Не оставляйте работу над биографией отца. Придёт время — всё это будет востребовано».

Анна Павловна стала родной и в семьях подпольщиков. По свидетельству Феликса Хаймовича Купреева появилась в их доме в 1980-ом году. Она много времени провела в беседах с его отцом Борисом Хаймовичем — бывшим узником гетто, а затем комиссаром 1-го отряда 203-ей Партизанской бригады. Купреева просила его помочь ей составить план гетто.

«Купреева буквально водила отца за руку по бывшему району гетто, задавая вопрос за вопросом. Так улица за улицей заносились в символическую карту гетто», — вспоминал врач Феликс Хаймович.

Интересную страницу деятельности подпольщиков открыл Анне Павловне Борис Хаймович. Например, члены его подпольной группы участвовали в разложении испанских солдат, которых оккупанты прислали для несения гарнизонной службы в Минске. Хаймович вспоминал:

«Мы тайком останавливали испанских солдат, приходивших в гетто, беседовали с ними на ломанном немецком и на языке жестов. В результате уже в сентябре испанцы стали брататься с евреями в гетто, почти открыто продавали на улицах города оружие, снаряжение. Вскоре немецкое командование было вынуждено убрать из Минска разложившиеся испанские части».

Работая над историей гетто, она не думала о корысти. Единственная её мечта была, чтобы узнали люди в республике и за её пределами о том, как истязали, мучили, убивали фашисты евреев только за то, что они евреи. О том, как бесстрашно боролись патриоты за свободу за колючей проволокой, как шли на казнь с гордо поднятой головой. А когда её многолетняя работа была завершена, рукопись положили в... архив. Шло время. Анна Павловна жила надеждой, что её труд увидит свет. И такое время пришло. Повеял свежий ветер перемен, загорелся «зелёный» свет и для еврейской темы. Пылящийся в архиве труд Купреевой вдруг оказался востребованным.

Помню, как уже переехав в США, и участвуя в работе общественных объединений ветеранов войны, узников гетто и концлагерей из бывшего СССР, мы с мужем получили приглашение принять участие в «Марше живых» в Нью-Йорке. Среди выступавших там был писатель Давид Гай. Он рассказал о том, как работая над книгой «Десятый круг» о Минском гетто, он приехал в Минск для сбора материалов. Задача у него была не из простых. Он приехал в то время, когда эта тема была ещё под запретом. Но он узнал, что в архиве Института истории АН БССР есть 15 папок с необходимыми ему данными. С большим трудом под секретом он получил их на короткий срок. Это были как раз те папки с документами, которые подготовила Купреева.

Анна Павловна делала всё возможное, чтобы собранные ею материалы появились в печати. И вот её документальный очерк о подполье гетто взялся опубликовать редактор журнала «Беларуская Міншчына» Анатолий Андрухович, кстати сказать, мой однокурсник и друг. «Мінскае гета: схаваная праўда» — так назывался этот очерк. Анна Павловна была уже тяжело больна, когда опубликовали её очерк. Она ещё смогла подержать в руках этот журнал, который я принесла ей в больницу. Это была последняя радость в жизни необыкновенной белорусской женщины, совершившей гражданский подвиг во имя еврейского народа. 13 октября 1993-его года Анна Павловна умерла. В тот день в конференц-зале Белорусского музея истории Великой Отечественной войны проходила научно-практическая конференция по программе Дней памяти евреев. Я тоже участвовала в этой конференции. Прежде чем рассказать о моём отце Михаиле Гебелеве, я напом-

нила собравшимся об Анне Павловне Купреевой и её подвиге. Кое-кто в президиуме был недоволен. Но не обращая на это внимания, я сказала:

«Сегодня Анна Павловна умерла. Прошу почтить её память».

Все в зале поднялись. Пришлось подняться и президиуму. А на завтра в театре оперы и балета БССР проходило торжественное собрание в заключение программы Дней памяти жертв Минского гетто. Я пришла пораньше. У входа в театр меня ждала сотрудница музея истории ВОВ Раиса Черноглазова. Она остановила меня и с возмущением спросила:

«Кто вам позволил нарушить ход конференции и говорить о Купреевой?»

Я ответила коротко:

«Моя совесть».

Перед публикацией очерка в конце августа того же года Анна Павловна прислала мне со своим сыном Володей экземпляр своего документального очерка о гетто с запиской: «Простите за описки. Руки не работают. Но в голове материал держится. Он мною выстрадан, выхожен. Выхожен ногами, руками, душой и сердцем. Я жила и живу им. Это были прекрасные люди!» Так же, как и для восстановления имени моего отца, я все эти годы после кончины Анны Павловны делала всё для сохранения её имени.

Вместе с материалами, завещанными мне, Купреева передала мне со своим сыном записку:

«Распоряжайтесь, Светочка, материалами как считаете нужным».

Я решила передать наследие Анны Павловны в Иерусалимский институт изучения Катастрофы и героизма Яд Вашем, чтобы им могли свободно пользоваться историки разных стран и читатели библиотеки этого центра. В августе 2008 года я отправила бандероль в Иерусалим. А в конце года получила письмо от директора архива Мемориала Яд Вашем — доктора Хаима Гертнера:

«Уважаемая Светлана! Руководство Мемориала Яд Вашем выражает вам глубочайшую благодарность за передачу в дар архиву документов Анны Павловны Купреевой, героической исследовательницы Минского гетто. Статьи, написанные ею, воспоми-

нения и очерки о подпольщиках, карта Минского гетто являются бесценным вкладом в изучение Катастрофы».

Сегодня в зале Праведников Народов Мира Мемориал Яд Вашем навечно записаны имена 680 жителей Беларуси, спасших в годы войны евреев. Но среди этих имён нет одного, очень мне дорогого. Нет имени Анны Павловны Купреевой. А ведь она своим гражданским подвигом заслужила не только, чтобы её многолетняя работа стала достоянием архива музея Яд Вашем, но и чтобы её имя заняло достойное место в ряду Праведников Народов Мира!

Наследие Анны Павловны Купреевой — не единственный мой дар Яд Вашему. В 2006 году, когда мы с мужем гостили в Израиле, вручили директору Русского отдела Яд Вашема, доктору Ирит Абрамски, красочно оформленный Юрисом альбом «Улица Михаила Гебелева». А в августе следующего года во время поездки в Вашингтон передали музею Холокоста большой материал по истории Минского гетто и его подпольной организации.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ФЕЛИКС ХАЙМОВИЧ

В процессе работы над своей книгой я узнала от Инны Герасимовой о том, что сын подпольщика и партизана Бориса Хаймовича — Феликс написал книгу «Черный год» о Минском гетто и его подпольной организации. В основу её положены воспоминания бывших узников и активных участников геттовского подполья. Идею написания этой повести подсказала Феликсу Анна Павловна Купреева. Феликс Хаймович был не только её другом. Он был лечащим врачом Анны Павловны. Они очень много общались. Неудивительно, что его книга начинается с воспоминаний о Купреевой. С разрешения автора я включила этот фрагмент из рукописи книги Феликса в свою повесть.

«ЧЕРНЫЙ ГОД»

Первые страницы летописи
антифашистского сопротивления..

«Черный год» — так назвал я свою художественно-документальную повесть, основу которой составили воспоминания бывших узников Минского гетто, а также тех жителей Беларуси, кому выпало на долю стать свидетелями страшных событий, названных Холокостом.

Повесть охватывает период с июня по декабрь 1941 г. и рассказывает про организацию одной из первых подпольных групп сопротивления, которая впоследствии перешла в партизаны.

Идею создания этой книги подсказала мне в 1985 г. старший научный сотрудник Института истории тогдашней Академии Наук БССР Анна Павловна Купреева, которая в непростое время накануне кризиса советской системы собрала большое количество материалов о Минском гетто. Определенную помощь ей оказал и я, будучи лично знаком со всеми участниками подпольной группы Б.Ф. Хаймовича, моего отца, имея возможность много раз встречаться с ними и записывать их воспоминания, которые они прочитывали, правили и собственноручно подписывали.

К большому сожалению, объемная научная работа, задуманная А.П. Купреевой, не была осуществлена из-за отрицательной позиции партийных руководителей, не преодолевших старых реакционных стереотипов. Под их сильным давлением Анна Павловна была вынуждена оставить работу, а собранные ею материалы надолго исчезли в архиве. Когда же политическая ситуация в стране изменилась, эти материалы были широко использованы другими, без ссылок на истинного исследователя и собирателя свидетельств, которая из-за тяжелой болезни не смогла отстоять свои авторские права. Предлагая читателю свою книгу, я хочу хотя бы в некоторой степени уменьшить эту несправедливость. (Перевод с белорусского языка).

В подтверждение слов Феликса Хаймовича я привожу письмо Анны Павловны, которое она передала со своим сыном Володицей 29 августа 1993 года.

«Проспект Пушкина 67, кв. 91.
Гебелевой Светлане Михайловне.

29 Августа 1993 г.

Дорогая, Света, хороший Прекрасный Человек, друг!

Вместе с вашими материалами отдаю Вам и другие документы: П.Я. Воскобойниковой, жены репрессированного, довоенного работника Минского ГК. Очень интересный человек. Она из гетто ходила на связь с Серовой Анной Ивановной, Молокович Мариной, Осиповой М., Веремейчик А., и другими. Хотела о ней написать статью – не получилось, уже нет здоровья. То же самое о Екельчик Ривекке Кушелевне. Интереснейшая женщина. Мы с ней очень подружились, но смерть неумолима. Она работала до последних дней в парке Челюскинцев, детские аттракционы. Достойна того, чтобы о ее имени было сказано на страницах печати. Да, забыла сказать, Воскобойникова 20 лет добивалась признания, писала в Институт истории партии, партархив. Ей отвечали, что о ней нет документов. Я эти документы нашла, и в 1981-ом году она была признана подпольщицей города Минска, но вскоре умерла, умер и второй муж. Сын с женой уехали в Израиль.

Третий документ – о подпольной группе Гусинова... Этот материал я готовила для признания этой группы. Но знаете, как к этому относились. Материал богатый. Из членов группы была жива Эльтерман. Она работала в магазине: угол Волгоградской – проспекта Скорины. Там недалеко от угла на проспекте – магазин. В этом доме жил Туник А.П., но он уехал в Израиль.

Материалы об отце тоже передаю. Потому что в Институте многих собранных материалов нет. По совету зав.отделом Литвина Алексея Михайловича, я на папках надписала "Фонд Купреевой", так как Галина Дмитриевна Кнатъко все это выдавала за свою работу. Научная справка (копия) пока у меня. Есть экземпляр у Кнатъко и второй у Черноглазовой. Она его вынесла из партархива. Кнатъко меня просила текст о подпольной борьбе в Минском гетто для ее монографии, за ее и моим авторством. Сдала текст – более 60 страниц машинописного текста 9-ого марта сего года, но от нее ни звука. Распоряжайтесь, Светочка, материалами как хотите.

Простите, что столько описок делаю. Руки не работают. Но в голове пока материал держится. Он мною выстрадан, выхожен. Выношен руками, ногами, душой и сердцем. Я жила и живу им. Это были прекрасные люди.

Света, милая! Не забудьте дать Володе воспоминания Антонины Андреевны.

Привет сестричкам, всем домочадцам, супругу. Пусть вашу жизнь все время освещает солнышко, будет тепло и радостно на душе.

Целую, обнимаю, Ваш верный старший друг, Анна Павловна».

Карта Минского гетто, составленная Анной Купреевой.

- ГЛАВА ВОСЬМАЯ -

Через все круги ада

С Давидом Рувимовичем Киселем и его женой Эсфирью Юльевной меня познакомила Анна Павловна Купреева. Анна Павловна разыскала их в Риге. Там Эсфирь Юльевна работала завучем в школе. Она с дочкой Фридой жила в Латвии, потому что в Беларуси им не было места. Давид Кисель был узником ГУЛАГа. Он — узник Минского гетто, подпольщик, партизан — после войны был сослан на вечное поселение в Сибирь. И всё же дождался светлого дня: его реабилитировали. Семья воссоединилась и вернулась в Минск.

О роли Купреевой в судьбе её отца мне написала уже сюда, в Баффало, дочь Киселей Фрида Аслёзова. «Здравствуйте, Света! Хочу сказать добрые слова об Анне Павловне. Изучая материалы о вашем отце, она узнала, что Давид Кисель был в группе М.Гебелева, и разыскала моих родителей. Наша семья очень благодарна Анне Павловне Купреевой за то, что она писала об участии в геттовском подполье моего папы, так как в прежних изданиях об этом нигде не сказано в связи с тем, что с 9 августа 1945 года по 1956 год он находился в ГУЛАГе. Спасибо и вам. Фрида»

Ещё будучи в Минске я и мой муж Юрис часто встречались с Киселями. Они стали нашими добрыми друзьями. В беседах с Давидом Рувимовичем и Эсфирью Юльевной я узнала много новых фактов из истории подполья Минского гетто и о невероятно трудной судьбе Киселя. Я записала его воспоминания. И хотя наших друзей уже нет, они умерли в преклонном возрасте, воспоминания Давида Киселя живы. Я предлагаю их читателям.

Давид Кисель — узник Минского гетто, подпольщик, партизан, узник ГУЛАГа.

Когда мне исполнилось 13 лет, я стал работать вместе с отцом столяром-краснодеревщиком на радиозаводе имени Молотова. Здесь я нашёл друзей. Самым верным был Шапошников, очень начитанный, интеллигентный, интересующийся всем на свете

человек. Он увлекался публицистикой Л.Д.Троцкого, преклонялся перед его ораторским талантом. Шапошникова исключили из партии, а я выступил в его защиту. Я уверял, что он честный и преданный человек. За это на меня навесили ярлык троцкиста, во время очередной чистки исключили из партии, я был арестован. Но произошло чудо: не знаю почему, но меня выпустили из тюрьмы. Наверное потому, что был ещё 1936 год, а большой террор начался годом позже.

Я вернулся на завод. Вскоре мне дали направление в юридический институт. Я успешно его закончил и стал работать прокурором. Но вскоре всплыл мой «троцкизм». Меня отрешили от должности, перевели в адвокатуру, откуда вскоре тоже уволили. Ездил добиваться правды в Москву, но тут началась война.

Наша семья попала в гетто. После погрома 7 ноября гетто было отдано на растерзание полицаям-украинцам. Всю ночь они грабили, насиловали, убивали. 20 ноября — очередной погром. Наша семья спряталась в погребе. Но отец спускаться вниз отказался. Его убили. Наши дома заселили гамбургскими евреями. Это были интеллигентные, милые люди, которые не верили в то, что немцы способны убивать людей. Но их иллюзии рассеялись, когда их стали вывозить в Тростенец, откуда никто не возвращался.

В это время со мной связался мой довоенный приятель Миша Гебелев, с которым мы вместе работали на заводе имени Молотова. Это был энергичный, красивый человек. Он сказал, что надо включаться в подпольную борьбу с врагом. Я был зачислен в группу Ханана Гусинова. Мы выполняли все задания, которые давал нам Гебелев. Это был настоящий герой подполья. Подпольный центр в гетто тогда возглавлял Смоляр. У него была кличка «Скромный». Но если Скромный держался скромно, то Миша Гебелев всегда был в эпицентре борьбы. Фактически он был душой подполья.

Страшный день 2 марта 1942. Погром, в котором орудовали литовцы.

Тех, кто работал, не трогали. Моя жена работала. Ей повезло. Её поставили кормить собаку офицера, служившего в генеральном комиссариате. Это была огромная овчарка, для которой выделяли ведро солдатского супа. Часть этого супа жена приносила нам. И только благодаря этому мы не умерли с голоду. Но

смерти ждали ежесекундно. В погроме 28 июля погибла моя мать, мать жены. Дочь наша уцелела, потому что в тот день жена случайно взяла её с собой на работу.

Как быть дальше. Арестован и погиб в застенках гестапо Гебелев, ушёл в партизаны Смоляр... Я оставался секретарём подпольной группы в гетто. Сделать что-нибудь с горсткой людей обезглавленному подполью было трудно. 28 ноября 1942 года за нами пришла партизанская связная Броня Завало-Крайнович. Я создал группу из 19 человек, и мы вышли с рабочей колонной в сторону Грушевки. Незадолго до этого я познакомился с врачом Ольгой Николаевной Джордж. Она была связной городского подполья. Эта отважная женщина взяла к себе на воспитание нашу дочь Фриду. Дочь она спасла, устроив в детский дом, а сама погибла в результате предательства.

В партизанском отряде имени Жданова бригады имени Дзержинского Барановичского соединения я был политруком роты. Участвовал во всех боевых операциях. 1944 год. Освобождение Минска, Белоруссии. Партизанский парад. Казалось, все ужасы кончились. Но впереди меня ждал ещё один круг ада, самый страшный, какой только можно представить...

Мы с женой вернулись в Минск, нашли дочь. Я был назначен как боевой партизан прокурором Ворошиловского района, который включал и часть бывшей территории гетто. Город разрушен почти до основания. Оставшиеся дома заняты теми, кто оставался в оккупации. В лучших сохранившихся квартирах засели работники НКВД-МГБ и правительственные чиновники. Тем не менее правительство принимает Указ: вернувшимся с войны воинам и их семьям возратить сохранившиеся довоенные квартиры. Выполняя этот Указ, мне как прокурору пришлось выселять многих, в том числе и работников ведомства Цанавы — всеильного начальника НКВД — КГБ, личного друга и тезки самого Лаврентия Берии. Кстати, едва ли не первую книгу о партизанах Белоруссии (вслед за Гиршем Смоляром) написал Лаврентий Цанав, где «точно расставил все акценты».

Я — прокурор и обязан стоять на страже закона, невзирая на должности и лица. Но не тут-то было. Выселение из квартир работников всеильных органов и вселение в них евреев мне простить не могли. Меня вызвал заместитель Цанавы генерал Есаулов.

Предупредил, что если это не прекратится, на меня самого заведут такое дело, что я от него никогда не отмоюсь.

Была ещё и закулисная сторона дела: между Цанавой и прокурором республики Иваном Дмитриевичем Ветровым, бывшим секретарём Полесского подпольного обкома, командиром партизанского соединения, человеком глубоко порядочным, шла борьба. Ветров требовал, чтобы чекисты хоть в чём-то следовали закону, но ведь он был писан не для них. 9 августа 1945 года меня арестовали. Посадили в следственный изолятор МГБ, в одиночную камеру. Поставили «на конвейер», все ночи вызывая на допросы. Днём я не имел права прилечь. Так прошёл год. Там, в изоляторе, я понял, ощутил на себе, каким пыткам подвергались наши подпольщики и, в частности, Миша Гебелев в гестапо. Советские гестаповцы многому научились у своих фашистских коллег. Это ещё вопрос, кто у кого учился зверствам. Я с трудом переносил физические пытки и нравственные мучения. Меня обвинили не только в троцкизме, но и в измене Родине, в шпионаже в пользу Германии. Когда я сказал, что был секретарём подпольной группы в гетто, меня бросили в карцер, на полу которого по щиколотку стояла вода, перемешанная с калом. В «деле» не было никаких документов о моей работе в геттовском подполье. Значит, я опять задал работу цанавским пинкертонам. А когда вызвали на допрос в качестве свидетелей моих партизанских командиров, они отказались от ими же подписанной моей боевой характеристики и в угоду заплечных дел мастерам стали на меня клеветать. Я заявил об этом следователю и снова попал в карцер.

В августе 1946 года мне вынесли приговор: десять лет лишения свободы с последующим лишением прав на 5 лет. После оглашения приговора Иван Дмитриевич Ветров сказал моей жене, что дело сфабриковано очень умело, что от него невозможно очиститься. В такой ситуации он лично помочь ничем, кроме сочувствия не может. Но он уверил мою жену Эсфирь, что я ни в чём не виноват, что я чист перед людьми и родиной.

После вынесенных приговоров меня втокнули в комнату с огромными голодными крысами. Их, видимо, специально держали для пыток. От этих крыс я едва отбил. На следующий день меня этапом отправили в мордовские лагеря. Холод, голод, номер на шапке, телогрейке и штанах. Когда конвоирам было скучно,

они развлекались тем, что из брандспойтов обливали спящих зэков. Спрятаться было негде. Мы не были людьми, мы были номерами. Как в гетто. С нами можно было делать всё, что угодно. Меня спасло то, что я владел столярным делом. Работал в тепле, получал иногда лишнюю порцию баланды.

В 1955 году меня выслали в Ужур Красноярского края на вечное поселение.

А спустя год реабилитировали по всем политическим статьям, но оставили одну, явно уголовную: злоупотребление служебным положением. Из-за этой статьи мне и вправду не удавалось отмыться: не признали моей подпольной работы, не засчитали в стаж время отбывания вымышленного наказания, не дали доплаты к пенсии. Я дожил до преклонных лет, но все эти годы были хождением по крутым кругам ада...

От автора: Среди материалов, завещанных мне Анной Павловной Купреевой, есть справка о работе в подполье гетто группы, руководимой бесстрашным подпольщиком Хананом Гусиновым. Как видно из справки, одним из активных членов этой группы был Давид Кисель. Опасность подстерегала на каждом шагу: и в гетто, и в партизанах. Но тогда он не мог себе представить, что самое страшное ждёт его после войны...И всё-таки он не сломался, не ожесточился. Он свято верил в доброту и справедливость. Как и Анна Павловна, Давид Кисель говорил мне: «Продолжай святое дело. Пиши об отце, ищи правду, Света!»

- ГЛАВА ДЕВЯТАЯ -

В Узлянах

Среди материалов, которые мы передали в Вашингтонский музей Холокоста, есть фотография памятника, установленного на братской могиле евреев местечка Узляны — безвинных жертв гитлеровцев. Первый раз я услышала о нём от папиного земляка.

Я была ещё маленькая, когда к нам в дом на улице Мясникова пришёл седой грузный мужчина. Мама его знала. Это был Симон Шнейдер из папиного местечка Узляны. Они были друзьями.

Симон рассказал маме:

«Я был там, на площади, откуда отправлял группу из гетто в партизанский отряд Миша Гебелев. Он должен был уйти с этой группой в партизаны. В грузовике оставалось одно место — для него. Однако, увидев меня среди остающихся, он сказал:

«Езжай ты, Симон. Я в следующий раз...»

Я отказывался. Он настоял. Он умел убеждать. Он спас меня. А сам...»

Это рассказ и самого Симона Шнейдера я запомнила навсегда. Почему мне так запомнился этот мужчина? Потому что он плакал, когда рассказывал маме об этом и просил у нас прощения за то, что он остался жив, а папа погиб. Он плакал, когда рассказывал о погибших в Узлянах родных... После этого он несколько раз заходил к нам, старался помочь.

Семью его я не знала. Но в США мы встретились с Ефимом Шнейдером, сыном того самого Симона Шнейдера, которого спас отец. Я узнала о нём благодаря моему двоюродному брату Абраму Сагаловичу. Шнейдер находился на учёте в возглавляемой им Ассоциации ветеранов ВОВ. Узнав, что дочери Гебелева живут в Баффало, Ефим позвонил нам, а потом приехал. Он навещал нас несколько раз.

Ефим Шнейдер живёт в Ричмонде с сыновьями и внуками. Отец его давно умер. Ефим поведал нам, как чудом спасся от погрома в Узлянах. Он был сначала с отцом, в Минском гетто. В партизаны смог уйти раньше его, а после освобождения Беларуси Ефим служил в армии. Остался в живых и его брат Михаил. Михаил Шнейдер с семьёй живёт в Балтиморе.

Они переписываются с Петром Марковичем Чарно. С бывшим работником связи Петром Марковичем Чарно я познакомилась в Минске в 1979-ом году, и в числе воспоминаний, которые я записала по просьбе Анны Павловны Купреевой, были и его. Чарно очень хорошо помнит довоенную жизнь в Узлянах и семью Гебелевых, с которыми жил по соседству. Пётр Маркович очень дружил и с нашим отцом, и с Михаилом Шнейдером. Дочь Шнейдера, Нелла, хранит записи Чарно, копию которых передала и мне. Нелла часто приезжает в Узляны. Там, в общей могиле под постаментом, покоится много их родных.

В Узлянах побывали и я вместе с Юрисом... Мы стоим у скромного памятника при въезде в Узляны, где 8 октября 1941-го года 375 евреев — мирных жителей — зверски уничтожили фашисты. Только одному из них — фельдшеру Крупицкому предложили сохранить жизнь. Немцам нужны были медики, а он был искусным врачом-терапевтом. Крупицкий отказался служить фашистам. Вся его семья взялась за руки. Так вместе они были скошены огнём. Об этом рассказал нам житель соседней деревни Маховка Алексей Петрович Антипович. Он — старейший житель в округе, в прошлом учитель-фронтовик. В 1937 году окончил Узлянскую школу-семилетку. Знал почти всех евреев, расстрелянных фашистами, но Гебелевых не помнит. И это естественно. К 1941 году в Узлянах остался жить только дед Лейба. Дети и внуки бывали наездом.

...В Пуховичском районе, кроме Узлян, есть ещё несколько мест массовых расстрелов евреев — в Шацке, близ деревни Пуховичи, Руденске, Тальке. А вот Поречье называют деревней праведников, потому что её жители спасли немало еврейских детей. В местной базовой Узлянской школе нам показали списки жертв расстрела 8 октября 1941-го года. К моему удивлению, я увидела среди них имя моего деда Лейбы Гебелева, хотя он после своего геройского поступка, отправив на тот свет двух фашистов, сумел пробраться в Минское гетто, но всё равно погиб...

Списки жертв октябрьского погрома 1941-го составили юные краеведы. В школе собрано немало материалов о Великой Отечественной войне. Директор школы Мария Михайловна Грибло и завуч Мария Ивановна Дявго показали нам оформленный школьниками уникальный стенд. Он рассказывает об одном из боёв 1944-го, когда на подходе к Минску советские артиллеристы задержали большую группировку вырвавшихся из окружения озверевших фашистов. Сотнями вражеских трупов была устлана земля под Узлянами. За этот бой пять бойцов получили звание Герой Советского Союза.

Педагоги и ученики школы постоянно ведут поисковую работу. Но о подвиге Михаила Гебелева, своего земляка, не знали. Да и кто мог им об этом рассказать, если эта тема была долгое время закрыта, да и евреи в Узлянах больше не живут. Теперь школьники знают, что Михаил Гебелев был отважный подпольщик, что он спасал взрослых и детей.

Директор школы Мария Михайловна Грибло сказала:

«В нашей школе непременно появится стенд, посвящённый легендарному подпольщику Михаилу Гебелеву, а его именем мы назовём нашу школьную пионерскую организацию».

Чтобы помочь в этом я оставила в дар школе большой портрет отца, а также немало фотографий отца и семьи Гебелевых, документы и мои публикации о нём.

- ГЛАВА ДЕСЯТАЯ -

В творчестве художника...

Недavno в Баффало состоялась выставка картин Матвея Басова, художника из Минска. Много лет знаю Матвея — одного из чудесных и порядочных людей нашего времени. Знаю его жену Зою, их дочь Машу. А родная сестра Зои Басовой — Белла Миронова, моя давняя минская подруга. Почти одновременно мы переехали в США. И, несмотря на то, что живём в разных городах, стали неразлучны. У нас общая радость от встреч и общая боль. Наши родные погибли в гетто. Неудивительно, что мы вместе на митингах и маршах, посвящённых Холокосту, памяти героев и жертв Минского гетто. И нередко в залах, где они проходят, можно увидеть картины Матвея Басова — выразителя надежд и чаяний еврейского народа.

Его называют псалмопевцем, потому что в своём творчестве он обращается к Торе и Библии, и древние книги навеяли ему не только характеры, но и целые циклы работ. В его картинах видна связь между божественным и земным. Религия, любовь, семья — ничто человеческое не чуждо его библейским и земным персонажам... Он чудесно пишет людей и пейзажи, натюрморты. Его героев окружает природа. Она отвечает их настроению и направляет в жизни. Так как пишет Матвей Басов, не пишет никто. Манеру его письма называют корпусной живописью. Его картины рельефные и выпуклые. На это уходит много красок. Но они ложатся так естественно и своеобразно, что от картины глаз не отведёшь.

Однажды он приехал в Нью-Йорк и покорила город Большого Яблока своими картинами, полными печали и надежды, света и тепла. С тех пор уже десять лет подряд он бессменный участник выставок самых высоких сфер искусства. Спросите Беллу Миронову. Она знает каждую из них наперечёт и хранит в своей памяти названия и сюжеты сотен картин Матвея. Бывший минский библиотечарь, Белла — страстная поклонница творчества своего шурина Матвея — стала на общественных началах его менеджером.

Впрочем, в Нью-Йорке Матвей бывает наездами, хотя полюбил этот город и с удовольствием пишет его с натуры. Главный его город — родной Минск, где его в силу конкретных причин не сразу признали, пока не загорелся «зелёный» свет к еврейской теме. Очень скромный человек, талантливый художник Матвей Басов, долго шёл к признанию. С 1981-го начался его путь к известности. Участие в более чем в 90 республиканских, всесоюзных и международных выставках в Беларуси, России, Украине, Польше, Эстонии, Германии, Австрии, Бельгии, Голландии, Франции, Швейцарии, Израиле, Испании, Канаде, США... Художник с мировым именем и вдруг в нашем небольшом городе...

«Ничего удивительного, — возразил Матвей. — Это ведь не первая моя выставка в Баффало. Город покорила меня уютом и красотой, сверканием и шумом Ниагарского водопада и гостеприимством жителей, среди которых немало поклонников изобразительного искусства. А кроме того, мы с Беллой рады снова встретиться с тобой, Света...»

И вот мы отправляемся в Еврейский центр города, где в BUNIS FAMILY GALLERY развёрнута выставка картин Матвея Басова. Я снова вижу его необыкновенные картины. Их свет озарил просторное здание Еврейского центра. Когда-то я назвала его: «Матвей Басов — солнечный человек, солнечный художник», на этой выставке я ещё раз убедилась в этом. Но нередко набегают тучи — тяжёлые, свинцовые. И тогда они закрывают солнце для людей и солнце на полотнах художника. Эти тучи — Катастрофа, Холокост. Я вижу такие картины на выставке художника. Эта тема — целый пласт в жизни художника.

«Понятно, Света, на эту выставку я взял всего пару таких картин. Но в прошлом году у меня была специальная выставка на тему Холокоста в Беларуси в исторической мастерской. Её организовали Минский и Дортмундский международные образовательные центры и Союз белорусских еврейских общественных организаций и общин».

«Матвей, почему именно тебе предложили выставить картины?» — спросила я.

«Директор мастерской Кузьма Иванович Козак сказал мне: «Понимаешь, Матвей, в Беларуси ты — единственный из современных художников, кто пишет на эту тему». Конечно, я не мог не

согласиться. Эта тема мне очень близка. Это трагическая страница из летописи о судьбе еврейского народа. Она коснулась семьи Зои и Беллы. Мне ли рассказывать тебе — дочери Михаила Гебелева, подвиг которого вдохновил творчество не одного художника. Ты ведь знаешь, где в Минске находится историческая мастерская».

«Ещё бы, в ста метрах от улицы Михаила Гебелева, на бывшей территории Минского гетто... Я помню, что 15 октября 2005 года ты был на открытии улицы», — заметила я.

«Я не мог не придти. Это было огромное событие в жизни города и не только еврейского населения. Думаю, всех взволновал тот факт, что справедливость на земле существует. Эта улица занимает большое место в моей жизни, — уверенно сказал Матвей. — Она вдохновила меня на создание новых картин о Холокосте, которые тоже были представлены на моей выставке в исторической мастерской. За четыре месяца на выставке побывало много посетителей, в том числе зарубежные делегации, особенно из Германии».

«Жаль, что мне не довелось побывать на этой выставке», — вздохнула я.

«Это мы сейчас поправим», — спокойно сказал Матвей и достал из папки буклет.

«Единственный, — добавил он. — Сейчас ты побываешь на выставке. В этом буклете 17 картин, которые были представлены в зале мастерской. В основном все они были написаны с 2005 по 2009 годы после открытия улицы Михаила Гебелева».

Я открываю буклет. В центре начертаны слова: «22 июня 1941 года — война в нашей жизни». А ниже такие строки: «Холокост в Белоруссии — это уничтожение более 26,5 тысяч депортированных евреев из Германии, Австрии и Чехии, около 80 тысяч евреев Минска, свыше 800 тысяч евреев Белоруссии. В 1941-1943-ем годах они прошли свой последний жизненный путь». Картина «Начало». Видим еврейское местечко. Маленькие мечущиеся фигурки. Люди в ужасе — война. Кому будет пощада? Только не евреям. Темный мрак «Ямы». Лишь брезжит вверху лоскуток надежды. В последней молитве люди простёрли руки к небу. С ней перекликается картина «У последней черты». Обречённые под звериный окрик фашистского карателя бредут к яме. Сейчас раз-

дастся выстрел... Совершенно неожиданна посреди этого ужаса прелестная юная пара. Может эти двое на шатком табурете обнялись в последний раз, а может любовь поможет им выжить в этом аду. Среди мрака снизу пробивается солнечный свет надежды.

Спрашиваю художника:

«Матвей, почему выставка называется «Стук в дверь?»»

«А ты посмотри на одноимённую картину. Видишь, семья за столом. На столе пусто, потому что в гетто люди голодали. Но при этом надеялись на спасение. И вдруг бешеный стук в дверь. Люди вскочили. Они знают, что значит этот стук. Сколько раз слышал этот стук Михаил Гебелев по всему гетто. Он давал задания подпольщикам — извещать узников гетто о готовящихся акциях. Всех обречённых в леса не выведешь. Но пусть хоть кто-то сумеет спрятаться в «малинах» — укромных местах. Люди ждали ангела-спасителя. Видишь этого ангела? Только в данном случае это не посланец небес. Этот ангел символизирует у меня реальных спасителей — подпольщиков, а именно твоего отца, под руководством которого было спасено 10 тысяч узников гетто. Всё, что ты здесь видишь, я пропустил через своё сердце и передал людям. Я видел какими взволнованными были посетители выставки. Думаю, такие выставки должны быть постоянными, чтобы люди не забывали об угрозе коричневой чумы. Но для этого нужны большие помещения. Мы не раз говорили об этом с Инной Герасимовой и не только с ней. Минску нужен музей Холокоста. Ты с этим согласна?»

«Конечно, Матвей. Я смотрела по телевидению выступление премьер-министра России Владимира Путина. Он сказал, что в год 65-летия Великой Победы в Москве будет открыт музей Холокоста. Беларуси, в которой было уничтожено свыше 800 тысяч евреев, такой музей просто необходим!»

Сегодня Матвей Басов — художник с мировым именем. Он один из мэтров живописи и у себя на родине. Он член Союза художников Беларуси. О нем сняты пять фильмов. Его имя вошло в ряд энциклопедий. Его персональные выставки следуют одна за другой. В этом году персональная выставка Матвея Басова состоялась в Государственном Художественном музее Республики Беларусь в Минске. Своя мастерская, мастер-класс для юных художни-

ков, новые замыслы — чего ещё желать... Но всю свою сознательную жизнь Матвей посвятил восстановлению справедливости по отношению к своему отцу Израилю Басову. Талантливейший художник века 20-го Израиль Басов в эпоху социалистического реализма писал мир реальным, но это была та реальность, которая не устраивала власть придержащих. Время менялось, и Матвей смог добиться посмертного признания творчества своего отца, названного в Беларуси художник номер один. Есть у сына и ещё одна мечта — открыть в Минске музей Израиля Басова. Только ему одному этот замысел не одолеть...

- ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ -

Еще одна страница борьбы

В дни празднования 65-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, на телеканале RTN состоялась очередная передача «Контакт». Она была посвящена улице Михаила Гебелева в Минске. В конце передачи телеведущий Борис Тенцнер спросил меня:

«Светлана, я понимаю, что открытие улицы Михаила Гебелева на родине героя вызвало всплеск восхищения многих людей. Вам звонили, вас поздравляли. Скажите, а были такие звонки, такие письма, авторы которых сообщали — я тоже хочу восстановить имя моего отца, моей матери, брата, сестры... Посоветуйте, с чего начать».

Я ответила Борису честно: таких звонков не было. А сегодня я могу с радостью сказать: есть такие люди, Борис! Есть Матвей Басов, есть Роман Кулик, у которых тоже не всё сразу получается. Но они не сдаются.

Для Романа святое место в Минске, впрочем, как и для тех, кто связан с Минским подпольем, здание бывшей инфекционной еврейской больницы. Здесь в годы войны действовала группа подпольщиков под руководством его отца — главврача больницы Льва Кулика.

Анна Павловна Купреева, описывая историю Минского гетто и его подпольной организации, рассказывала о том, как после гибели одного из организаторов подполья Якова Киркаешты, решено было искать пути к конспирации. Выход был найден. Это инфекционная больница. Условия жизни в гетто были ужасные: люди голодали, не было ни бань, ни больниц, ни аптек... Среди согнанных в гетто людей были медики. Они и решили организовать инфекционную больницу на территории гетто. Она находилась на перекрёстке улиц Сухой и Обувной, имела выходы на обе эти улицы, а также на улицу Опанского. В котельной больницы работал руководитель оргцентра подполья Гирш Смоляр. Он ус-

тановил контакт с фельдшером Г. Гордоном, который лечил сыпнотифозных больных. В целях конспирации Смоляр поручил Гордону прикрепить на здании больницы вывеску с названием больницы на немецком и белорусском языках, в чём фельдшеру помогли другие подпольщики. Оккупанты, боясь заразных болезней, обходили инфекционную больницу стороной.

Когда руководители подполья сказали главврачу Л. Кулику, что сюда, в больницу будут тянуться нити изо всех уголков гетто и города, доктор Кулик не раздумывая поставил себя и всё, что было в его распоряжении, на службу общему делу. Так еврейская инфекционная больница стала штабом подпольщиков гетто и городского подполья.

Скажу честно, личность подпольщика Льва Кулика всегда привлекала моё внимание. Изучая материалы об отце, собирая воспоминания о нём, я нередко видела их имена рядом. Они оба были беззаветно отважными и оба, прежде всего, думали не о себе, о других. Роман, в своё время встречавшийся с подпольщиками, знавшими Льва Кулика, рассказывал мне, как в самых опасных ситуациях его отец был спокоен, собран, не поддавался панике и провокации. И это благоприятно действовало на подпольщиков больницы. А вот воспоминания о Льве Кулике, собранные и проверенные Анной Павловной Купреевой:

«В декабре 1941-го в гетто состоялась встреча И.П. Казинца с членами руководящего центра гетто М.А. Гебелевым, М.М. Пруслиным и Г.Д. Смоляром. Пройти в гетто было непросто. В условленном месте заблаговременно была перерезана проволока. Через неё пробрался связной Давид Герцик. Вслед за ним — Казинец. К одежде Казинца были прикреплены жёлтые латы. Собрались в кабинете главного врача инфекционной больницы Льва Яковлевича Кулика. Для наблюдения на случай облавы выделили надёжных людей.

Собравшиеся обсудили вопросы о положении в гетто, определили ближайшие задачи: подготовить наиболее боеспособных людей для отправки в партизанские отряды, начать сбор оружия, одежды, медикаментов. Подобрать медицинских работников для отправки в партизанские отряды, организовать работу общегородской подпольной типографии. Важным был вопрос об отношении к юденрату... Такие совещания проводились в инфекцион-

ной еврейской больнице регулярно. Здесь практически был штаб не только подпольной организации гетто, но и города. Большие и важные задачи выполняли медицинские работники под руководством главврача, руководителя подпольной группы Льва Яковлевича Кулика. В состав группы входили врачи, средний медперсонал: Мария Абрамовна Кирзон, Дора Борисовна Альперович, Пескин — доцент кафедры топографической анатомии, Розалия Иосифовна Лифшиц, Минкин, Зибицкер, Анна Хацкилевна Карпилова, Григорий Самуилович Гордон.

Руководитель группы Лев Яковлевич Кулик родился в 1908 году в рабочей семье. В 1914 году семья переехала в Минск. Вскоре отец тяжело заболел. На руках матери осталось семеро детей. Лёва Кулик воспитывался в детском доме на улице Революционной. В 1923 году Кулика направили учиться в школу металлистов. После её окончания он работал строгальщиком на станкостроительном заводе имени Ворошилова. Член партии с 1929 года. В 1930 году окончил рабфак. В 1934 году поступил в мединститут. После его окончания работал заведующим Могилёвским горздравотделом. В сентябре 1940 года направлен на работу в город Граево Белостокской области. В 1941 году назначен главврачом инфекционной больницы в Минске. Руководя подпольной группой в гетто, проявил талант организатора. Он был смелым и решительным. В самой сложной обстановке действовал обдуманно, сдержанно. В больнице скрывались от слежки гестаповцев руководители городского и геттовского подполья. Самому Льву Кулику, как Михаилу Гебелеву и другим отважным подпольщикам, не удалось избежать слежки. Он попал в руки гестапо и был казнён в декабре 1942 года».

Мой названный брат Семён Лупьян запомнил воспоминания Доры Борисовны Альперович — их родственницы по отцу. Известный в Минске врач, Дора Альперович была подпольщицей и партизанкой. Она рассказывала о том, как тесно были связаны члены подпольной группы Льва Кулика с подпольщиками — медиками города, без поддержки которых еврейская инфекционная больница просто не могла бы существовать. Немало медикаментов и оборудования передал для медиков гетто известный подпольщик, во время оккупации заведующий отделением 3-ей клинической больницы Минска, профессор Евгений Владимирович Клунов.

В 2008 году, как рассказывала мне директор музея истории и культуры евреев Беларуси Инна Герасимова, большая группа подпольщиков гетто, погибших от рук фашистов, указом министра обороны Республики Беларусь была посмертно награждена медалями. Среди них и бесстрашный подпольщик Лев Кулик. Награда была вручена его сыну Роману Кулику, который живёт и работает в Минске. Он много делает для сохранения памяти отца. Это находит отклик в сердцах тех, кто посвятил свою жизнь восстановлению имён незаслуженно забытых героев. Знаю, что еврейская общественность Беларуси и города Минска давно уже ведёт работу по изучению деятельности подпольщиков еврейской инфекционной больницы и восстановлению их имён...

Мне известно, что когда в конце 2007 года в Минске была создана республиканская комиссия по проведению мероприятий, посвящённых 65-летию со дня уничтожения Минского гетто, в комиссию поступило обращение об открытии мемориальной доски на здании инфекционной больницы в гетто. С ним обратились Союз еврейских организаций и общин республики, возглавляемый Леонидом Менделевичем Левиным и республиканский фонд «Холокост», председателем которого является Инна Павловна Герасимова. Знаю также, что это ходатайство было включено в список мероприятий. Приехав в октябре 2008 года в Минск, куда была приглашена для участия в этих мероприятиях, я ожидала, что увижу мемориальную доску в знак памяти бесстрашных подпольщиков. Увы, доски не было...

Вот почему усилия минчан решили поддержать члены Чикагской Ассоциации ветеранов Великой Отечественной войны, отправив подобное обращение Временному поверенному в делах Беларуси в США Олегу Ивановичу Кравченко. От имени ветеранов его написал вице-президент Ассоциации, редактор газеты «Голос ветерана» и четырёхтомника «Война и судьбы» Абрам Яковлевич Сагалович. В нём, в частности, подчёркивается:

«Нам кажется, что восстановление справедливости и исторической правды о Минском гетто не может считаться законченным, пока не будет обнаружена и эта страница сопротивления фашистским оккупантам».

Я верила, что этот призыв будет услышан и не ошиблась. И вот из Минска пришла долгожданная весточка от Романа Кулика.

«Здравствуй, Света! Всё это время я пытался сделать всё возможное, чтобы Мингорисполком принял решение о создании и установке мемориальной доски. И сегодня я счастлив тебе сообщить — ЭТО СВЕРШИЛОСЬ! 27 апреля 2010-го меня пригласили в Мингорисполком и в торжественной обстановке вручили документы под названием «Решение о создании и установке мемориальной доски на улице Кальварийской, 3 «А»». На доске будет такой текст: «У гэтым будынку у 1941-1943 гадах знаходзілася бальніца, у якой дзейнічалі падпольныя групы Мінскага гета».

Безмерно рада за Романа! Я как никто понимаю, как это трудно бороться за справедливость. У меня был долгий путь к заветной улице. Не был коротким и лёгким путь к восстановлению исторической правды о деятельности подпольщиков-медиков во главе с главврачом больницы Львом Куликом у его сына Романа Кулика. Как поётся в песне: «Должен и сын героем стать, если отец-герой».

На этом долгом и нелёгком пути к Роману примкнуло много отзывчивых и понимающих людей. Это еврейская общественность Республики Беларусь и города Минска, коллеги и друзья Романа Кулика, земляки из Чикаго — члены Ассоциации ветеранов ВОВ во главе с вице-президентом Абрамом Сагаловичем. А призыв услышали и поддержали Временный поверенный в делах Беларуси в США Олег Иванович Кравченко, руководство Мингорисполкома...

Справедливость восторжествовала!

- ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ -

Посланники родного края

Счастлив человек, у которого есть надёжные, верные друзья. Неважно, кто они по профессии, какое положение в обществе занимают. Я никогда не представляла, что среди моих друзей будут дипломаты. Но так случилось пять лет назад. Я помню, как посол Республики Беларусь в США Михаил Михайлович Хвостов и первый секретарь посольства Лариса Леонидовна Бельская поздравляли мою семью с самым большим событием в нашей жизни — открытием в Минске улицы Михаила Гебелева, событием, которое они осуществили. Они были со мной в радости и в горе. Когда в 2007 г. умер мой муж, Лариса Леонидовна позвонила мне. От имени Михаила Михайловича она пригласила меня в посольство, чтобы согреть своим душевным теплом, смягчить мою боль. Как сердечно меня принимали, как будто на родной земле. Я была рада встрече и с моими молодыми друзьями — консулом Олегом Поповым и его женой Юлей.

Такое тёплое отношение было не только ко мне. Сотрудники посольства проявляли большое внимание к соотечественникам. Лариса Леонидовна очень интересовалась творчеством профессора Давида Мельцера из Нью-Йорка. Она мне объяснила:

«Я глубоко уважаю Давида Борисовича. Профессор Мельцер преподавал историю международных отношений в Белорусском университете. Я была одной из его студенток. Он дал мне знания, так необходимые в моей работе».

В посольстве хорошо знали и ценили Абрама Яковлевича Сагаловича, одного из руководителей Чикагской Ассоциации ветеранов ВОВ, который очень помогает белорусским дипломатам в работе. Как рады были в Чикаго приезду Ларисы Леонидовны Бельской! Она прибыла, чтобы в торжественной обстановке вручить правительственные награды ветеранам, участвовавшим в освобождении Белоруссии от фашистских захватчиков. До сих пор у белорусских ветеранов и членов белорусского землячества

Чикагской ассоциации «Земляки» остались самые тёплые воспоминания об этой встрече.

У меня же были встречи с белорусскими дипломатами и в Минске. На открытии улицы «имени Справедливости», так называли минские журналисты улицу моего отца, нас сопровождал сотрудник МИДа Александр Стригельский, в 2006 г., когда я по просьбе Михаила Михайловича представляла белорусскую диаспору США на Третьем Всебелорусском собрании, обо мне заботился Павел Михайлович Пустовой. В 2008 г., когда вместе с бывшим малолетним узником Минского гетто, юным подпольщиком и партизаном Савелием Каплинским, мы представляли ветеранов Нью-Йорка на мероприятиях, посвящённых 65-летию гибели ста тысяч узников Минского гетто, я вновь встретила с сотрудником Посольства РБ в США Павлом Адамовичем Шидловским. Тёплые, добрые воспоминания остались от этих встреч.

На одном из митингов в мемориальном комплексе «Яма» Павел Шидловский рассказал мне, что его семья во время войны была связана с партизанами, что его отец спас еврейскую женщину. Павел Пустовой вспоминал годы работы на Кубе. А Саша Стригельский заботился о нас с Юрисом как сын. В то время он собирался жениться и с восторгом рассказывал о своей невесте.

Расставаясь, приглашала друзей в гости в Баффало. Конечно, я понимала, что это от них не зависит. Но хоть в Баффало они не смогли приехать, зато оказались довольно близко к нам. Очень скоро мы узнали, что Александр Стригельский работает в представительстве ООН от Беларуси в Нью-Йорке. А через некоторое время пришли новости из Оттавы от Временного поверенного в делах Беларуси в Канаде Павла Михайловича Пустового. Мы созваниваемся время от времени... И Павел Михайлович говорит: «Светлана Михайловна, если нужна наша помощь, обращайтесь. Всегда поможем». Таковы они — посланники родного края.

У дипломатов служба непростая. Они не могут подолгу находиться на одном месте. В других странах работают теперь Михаил Михайлович и Лариса Леонидовна. Их добрые традиции продолжает Временный поверенный в делах Беларуси в США Олег Иванович Кравченко. Несмотря на то, что он — довольно молодой человек, Кравченко — опытный дипломат. Мы родом из Беларуси, где каждая семья обожжена войной. У Михаила Михай-

ловича Хвостова вся семья партизанская. Олег Иванович поведал мне, что и его родные были связаны с партизанами. Так что и он о войне знает не понаслышке. Знает он о Минском подполье, подполье Минского гетто. Я была тронута и взволнована, когда в октябре прошлого года получила от Олега Ивановича тёплое письмо о моём отце, об улице Михаила Гебелева и о том значении, которое она имеет для подрастающего поколения. В ответ я написала ему:

«Дорогой Олег Иванович, ваше письмо особенно тронуло меня потому, что вы — совсем ещё молодой человек — всем сердцем принимаете боль и скорбь народа Беларуси, многих тысяч жертв Катастрофы на нашей земле. Спасибо вам за память, за вашу трепетную душу».

У Кравченко установились тесные связи с белорусской диаспорой в США, он интересуется жизнью и работой общественных русскоязычных еврейских организаций в разных городах страны. С посланником родной Беларуси постоянно общаются президент русскоязычной ветеранской организации города Миннеаполиса Михаил Гейхман, профессор-историк из Нью-Йорка Давид Мельцер, вице-президент Чикагской Ассоциации ветеранов ВОВ Абрам Сагалович. Профессор Мельцер подарил Олегу Ивановичу свою книгу «Жёлтые звёзды на Белой Руси» о еврейском подпольном и партизанском движении в Беларуси. Кравченко не только поблагодарил профессора за книгу. Узнав, что Давиду Мельцеру исполняется 85 лет, Олег Иванович поздравил его с юбилеем.

Я иногда беседую с Олегом Ивановичем по телефону, приглашаю с семьёй на Ниагарский водопад. Но разговор сам собой переходит на Беларусь, по которой он скучает. И я говорю ему:

«Не горюйте, что находитесь далеко от родного края. Здесь немало наших земляков, готовых поделиться с сотрудниками посольства своим душевным теплом».

Мы — друзья белорусских дипломатов — всегда готовы помочь им в очень важном деле — укрепить дружбу между народами США и Беларуси. Я работаю ассистентом учителя в американской школе. Кроме прямых обязанностей определила себе на общественных началах урок «Республика Беларусь». Постоянно рас-

сказываю школьникам и учителям о Беларуси, её красоте, её чудесном народе. О его стремлении жить в дружбе со всеми народами мира. Знают в школе и о подвиге моего отца, минских подпольщиках и улице Михаила Гебелева. Я рассказываю и о Холокосте на территории Беларуси. Американские школьники знают, что такое Холокост. Тема эта включена в программу урока истории. Школьники изучают её, пишут сочинения и курсовые. Они изготавливают декорации к «Дневнику Анны Франк». На днях я была на уроке Холокоста в 8-ом классе. Когда учитель Мэтью Питрас спросил ребят, что такое Холокост, Ламонт Герек ответил:

«Это самый чудовищный погром в истории Человечества!»
По-моему точнее не скажешь.

- ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ -

Лицом к справедливости

Так я назвала интервью с послом Республики Беларусь в США Михаилом Михайловичем Хвостовым. Часть этого интервью уже дана в главе «Признание». Однако мне хочется привести ещё несколько основных вопросов и ответов, связанных с приближающимся 65-летием Великой Победы. Я вспомнила, как Лариса Леонидовна Бельская рассказывала мне, что с Обращением ветеранов о восстановлении имени Михаила Гебелева ознакомились все сотрудники посольства. Но больше всех над ним работал посол. Он очень внимателен и чуток к ветеранам, заботится о них. Так что его отношение, понимание, желание помочь сыграло большую роль. Важно и то, что о войне Хвостов знает так много, как никто другой. Потому что война прошла через его жизнь, через его сердце, хотя родился он в 1949-ом. Вся его семья находилась в партизанах.

Когда я вела интервью с Михаилом Михайловичем, один из первых моих вопросов был об участии его родных в партизанском движении. Михаил Михайлович это подтвердил:

«Все мы в Беларуси затронуты войной. Почти все мои родственники по линии отцовской и материнской воевали. Когда началась война, моему отцу было 17 лет. Он ушёл в партизаны. Это в Россонском районе Витебской области, которая была форпостом сопротивления врагу. Отец знал Петра Машерова. Несколько раз с ним встречался, но воевали они в разных местах. Партизанил старший брат моего отца. Практически вся семья со стороны отца была потеряна. Погибли братья — родные, двоюродные. Мать отца, моя бабушка жила с двумя младшими детьми в землянке, в лесу. Она была ранена. Бабушка рассказывала, что их всех с малыши детьми немцы повезли на расстрел. Бабушка случайно выжила: пуля пробила ей щеку навылет. Ей удалось прикрыть своим телом двоих своих детей. Потом люди нашли и помогли ей. Позже мой отец вывез их в Западную Беларусь. В 1944-ом,

когда началась операция «Багратион» по освобождению Беларуси, отец потерял руку, получил ранение в голову, потерял глаз, был ранен в ногу. Лечился в госпитале в Горьком. Только дед мой, Кузьма Лукич, с японской войны вернулся. Он прошёл всю Отечественную, дошёл... уже не помню, где остановился. До Берлина не дошёл — его на другой фронт перебросили. Представьте, прошёл «германскую», как он говорил, «японскую» и ни разу не был ранен. Ушёл рядовым, а вернулся капитаном».

«Чего только на свете не бывает, пройти всю войну и остаться невредимым! А как же ваш отец, Михаил Михайлович?», — спросила я Хвостова.

«Отец был награждён орденом и медалями за участие в партизанских боях в Россонском районе. Витебская область пострадала больше всех в республике — имею в виду население. Сопротивление немцам там было ожесточённое. Погиб каждый третий человек. Из-за ранений отец был инвалидом второй группы. Он не хотел получать первую, потому что хотел работать. Отец работал в сельском хозяйстве. Мой отец очень много рассказывал о войне. Он часто вспоминал своих боевых товарищей. Он этим увлекался, читал книги о партизанском движении».

Во время интервью мы с Михаилом Михайловичем говорили и о еврейском Сопротивлении, о восстановлении справедливости по отношению к евреям-героям, чьи имена были намеренно забыты в Беларуси в течение многих десятилетий. Отношение посла к этому было весьма объективно и позитивно. Не обошлась наша беседа без обсуждения «пятой» графы в анкетах, несправедливой национальной политики, из-за которой многим из нас пришлось оставить родные края.

Хвостов согласился:

«Как вы сказали, это было. Знал об этом. Но практически не читал никаких нормативно-инструктивных материалов предписывающих власти делать это. Имею в виду, что могли быть какие-то закрытые указания ЦК КПСС. Все мы жили в том государстве — Советском Союзе. А национальная принадлежность тогда какую-то роль имела. Я к любой дискриминации по национальному признаку отношусь отрицательно. Такого не должно быть ни в одном государстве. В Беларуси «пятый» пункт был отменён

сразу после принятия Декларации о независимости. Что касается проявления антисемитизма, то какие-то явления на бытовом уровне присутствуют и сейчас. Надо быть достаточно честным и это признать. Но государственного антисемитизма в Беларуси нет. Его и не может быть: иное руководство, иной глава государства, иные подходы к людям. Наша история подтверждает, что белорусы и евреи извечно существовали мирно и спокойно, помогая друг другу там, где это нужно. Так было и во время войны. Жили и живём мы рука об руку. И сейчас нет для разногласий никакой почвы. Я очень дружен с Леонидом Менделевичем Левиным — президентом Союза белорусских еврейских организаций и общин. Он очень талантливый человек, интересный собеседник. Когда мы встречаемся, иногда разговариваем на эту тему. И я вижу, что он так же, как и я, оценивает эту ситуацию».

Мы говорили с послом о теме Холокоста. Михаил Михайлович привёл такую цифру: во время войны в Беларуси — небольшой стране — погибло 3 миллиона людей разных национальностей, треть довоенного населения. Ни одна из бывших республик Советского Союза таких потерь не понесла. Пострадал весь народ. Но при этом Хвостов подчеркнул, что Холокост — трагедия для всего еврейского народа, что это страшные потери для небольшой нации, которая прошла всю историю бесчеловечной программы уничтожения. Это трагедия и белорусского народа в целом. Поэтому тема Холокоста в республике одна из важнейших. Она звучит в исследованиях историков, политиков, произведениях литературы и искусства. Она озвучена в учебниках для школьников и студентов. Ей посвящены государственные мероприятия.

Наше интервью проходило в начале 2008 г. и как подтверждение мыслей и слов посла, в конце года в Минске на государственном уровне были проведены мероприятия, посвящённые 65-летию уничтожения Минского гетто.

- ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ -

Учительница-партизанка

Мир тесен, а жизнь полна неожиданностей... Кто знает, какие встречи ждут нас, думалось мне, когда мы с мужем ехали в Нью-Йорк.

В еврейском центре «Шорфронт», куда мы пришли на митинг, посвященный 55-летию уничтожения Минского гетто, были сотни людей нам незнакомых. И вот по ходу митинга наступил момент зажигания поминальных свечей. Неожиданно я услышала своё имя среди тех, кого приглашали зажечь свечи. Этой чести я была удостоена как дочь казнённого гитлеровцами героя, руководителя подполья Минского гетто Михаила Гебелева.

Передо мной на сцену поднялась невысокая женщина с волнистыми каштановыми с проседью волосами, обрамляющими милое лицо. Она зажгла свечу за евреев, погибших на белорусской земле. Имя её — Зинаида Егорова-Гинзбург. В прошлом она отважная партизанка, награждённая орденами и медалями. Свечи зажигали и другие не менее знаменитые и отмеченные наградами бывшие подпольщицы и партизанки. Поэтому я не выделила среди них Егорову-Гинзбург. Но когда мы сошли со сцены, она придержала меня за руку:

«Светочка, ты меня узнаёшь?»

Я вглядываюсь в её лицо, но чувствую себя неловко. Не могу сразу вспомнить, хотя... неужели, ведь прошло столько лет...

«Ну-ка, вспомни школу... Я — Зинаида Юрьевна».

Имя и фамилия наконец соединились в моей памяти воедино.

«Зинаида Юрьевна, Егорова! — воскликнула я и обняла свою классную руководительницу. — Вот так встреча! Кто бы мог подумать, что мы встретимся через столько лет и где!..»

Мы сели рядышком и стали говорить шёпотом, чтобы никому не мешать... Я училась в 12-ой средней школе города Минска. Школа эта находилась на улице Мясникова (её здание сохранилось до сих пор), в десяти минутах ходьбы от нашего дома. Дом

наш из красного кирпича постройки конца 19 века находился во внутреннем нижнем дворе Дома правительства. Квартира представляла собой одну комнату без удобств, где наша семья жила до войны. Сюда мы вернулись с мамой из эвакуации. Как и до войны, в семье было четверо. Но до войны четверо было с папой. Себя я не считаю, потому что прожила в этой комнате всего две недели после рождения. В июне 1941-го папа записал в 12-ую школу старшую сестру Раю. Но вместо классов в школе было оборудовано бомбоубежище. Здесь папа простился с нами навсегда.

Вот почему мама после войны с болью в сердце вела нас в эту школу. Когда я в 1948-ом пошла в первый класс, обучение тогда было ещё раздельное... А позже женские и мужские школы объединили. В нашем классе появились мальчишки — Женя Назаренко, Гаррик Лопатнёв, Виля Лившиц, Коля Рогов, Юра Большаков... А девчонок больше двадцати.

С третьего класса мы стали изучать иностранный язык. Пришла к нам молодая сероглазая учительница с волнистыми каштановыми волосами, изящная, как статуэтка.

«Зинаида Юрьевна, — представилась она. — Я буду преподавать английский...»

Зинаида Юрьевна любила свой предмет, и мы полюбили его. На уроках мы в меру учили, в меру шалили. И помню, как время от времени Зинаида Юрьевна одёргивала нашу озорную Лору Шейн:

«Шейн, фор шейм, стыдно!»

Лорка унималась, но ненадолго. Они подружились, когда Зинаида Юрьевна стала нашим классным руководителем. Мы называли её просто «классная». У неё было с нами много проблем. Прежде всего, класс больше, чем наполовину, сиротский. У кого не было отцов, у кого матерей. Больше, конечно, было безотцовщины. Что поделаешь — дети войны. Мы не могли сказать товарищу Сталину «Спасибо за наше счастливое детство». Наше послевоенное детство было трудным и бедным. Зинаида Юрьевна часто бывала в таких семьях, стараясь помочь, чем возможно. Наша семья особенно нуждалась. Мама одна растила нас, троих девчонок, на скудную пенсию и не менее скудный заработок.

Как-то наша классная, до поры до времени хранившая молчание, рассказала в классе, что она еврейка, а её муж Иван Егоров,

русский, донской казак. Что они вместе воевали в партизанах и спасали евреев. Она провела нас по ближним улицам, примыкающим к школе — Мясникова, Коллекторной, Республиканской, Сухой. Во время войны эти улицы были политы кровью, потому что здесь находилось Минское гетто. Под ними текла, превратившись в грязный ручей и взятая в коллекторные трубы, река Немига. Та самая, некогда могучая река, на берегах которой в древние времена сражалось с половцами войско князя Игоря, чьи воды полнились кровью тысяч невинных жертв в последующих веках.

Тогда наша учительница ещё не могла рассказать о подпольщиках Минского гетто, среди которых был мой отец. Да она и сама не знала об этом. Ведь только в 65-ом году была открыта советским людям правда о Минском подполье.

...Мы сидим в нью-йоркском центре «Шорфронт», и я прошу Зинаиду Юрьевну напомнить, как она и её муж держали связь с подпольем Минского гетто. Она рассказала мне, что воевала вместе с мужем в отряде имени 25-летия Октября бригады имени Рокоссовского в Станьковских лесах близ Койданово. Она прибыла сюда из Москвы в составе Белорусского сбора. Была помощником комиссара по комсомолу. А Иван Егоров был начальником штаба партизанской бригады. Вопреки запрету начальника Центрального Штаба партизанского движения П. Пономаренко — «Евреев в партизаны не брать» — Иван Егоров велел наладить связь с еврейскими гетто. Оттуда пополнялась бригада бойцами.

«А ваш муж, Зинаида Юрьевна?..»

«Иван умер в 63-ем... Для меня он по-прежнему живой...»

Неволью я расстроила свою учительницу... Но она взяла меня за руку:

«Ничего, сегодня такой день... День памяти...»

Больше мы ни о чём не могли говорить.

Вернувшись в Баффало, я позвонила Зинаиде Юрьевне. Вспомнили многое: и школьные экзамены, и наши «невинные» шалости, когда мы убегали с уроков математики и химии в кино-театр «Центральный» неподалёку от нашей школы на «Карнавальную ночь» и «Возраст любви» с несравненной Лолитой Торрес. Кому доставалось за это от директора нашей школы Маркьяна Карповича Березовского?

Конечно, нашей классной...

«Простите нас, Зинаида Юрьевна...» — говорили мы ей на выпускном вечере.

Она улыбалась и смахивала непрошенную слезу. Потому что выйдем мы за порог школы и разлетимся кто куда. Кто знает, где встретимся и когда... Раза два мы ещё виделись на традиционных школьных вечерах. И вот встреча в центре «Шорфронт»... Промчались зимы с вёснами, давно мы стали взрослыми...

«С кем вы приехали в Нью-Йорк?» — спросила я свою учительницу.

«Я здесь с сыном и дочерью, моими внуками и правнуками. А ты, Светочка, возможно, встретила кого-то из наших?»

«Увы, Зинаида Юрьевна, не могу вас порадовать».

Но спустя годы я привезла нашей классной фотографии и приветы от десятка моих одноклассниц. Случилось это в октябре 2005 года, в дни открытия в Минске улицы имени моего отца Михаила Гебелева, куда были приглашены я и мой муж. Меня нашли мои одноклассницы и предложили встретиться. На встречу собрались 10 девчонок из 1 по 10 «А» класса 12-ой средней школы выпуска 1958 года.

Трудно было узнать тех девчонок через столько лет: мам, бабушек... И все же мы по-прежнему были девчонками. Хозяйка квартиры, где мы собрались, Эльвира Зайцева — учительница-пенсионерка по-прежнему была для меня Элкой Нарчук. Людмила Зборовская, врач-гинеколог с солидным стажем, женщина с короткой густой стрижкой осталась для меня Милой Самсоновой с красивыми тяжёлыми русыми косами — неутомимой старостой класса. Меня спрашивает о житье-бытье Лариса Сальникова — учёный-исследователь, в школе бессменный комсорг класса. Мара Стронгина — врач-эндокринолог, в прошлом тихая, немногословная, стала довольно разговорчивой женщиной. Надю Романенко на улице не узнала бы. Она изменилась внешне. Но всё такая же сердечная, располагающая к себе. Вспоминаю скромную, обаятельную девочку. Мы не сразу узнали, что сирота Надя живёт и воспитывается в семье своего дяди — нашего любимого белорусского писателя Михася Лынькова. Надя стала преподавателем Белгосуниверситета. Там же преподаёт её дочь.

Вот кто почти не изменился, это Люда Преображенская. В жизни её со школьных времён мало что изменилось. Она посвя-

тила её любимой работе. По-разному сложились судьбы у Нины Вериго, Тамары Козыревой, Ларисы Сороко... Но одно общее у всех. На сегодня они пенсионерки. И в этом у нас отличие. Я на пенсию пока не собираюсь. Работаю в школе ассистентом учителя. А после школы сажусь к компьютеру и пишу о том, что было и о том, что волнует сегодня.

Мы с одноклассницами не могли наговориться. Они были взволнованы рассказом о нашей любимой учительнице. Просили передать Зинаиде Юрьевне, что никогда её не забывают. Я выполнила их просьбу с большим удовольствием. Зинаиду Юрьевну это так порадовало! Спустя пару недель ей пришло письмо из Минска от Милы Самсоновой-Зборовской.

«Знаешь, Светочка, — рассказывала мне учительница с волнением и слезами в голосе, — читала это письмо, и казалось, что мы и не расставались».

А мы с Зинаидой Юрьевной на самом деле не расстаёмся. Часто говорим по телефону. Она завела себе папку с моими публикациями. С моей лёгкой руки стала писать сама, и в журнале «Зеркало» штата Миннесота, автором которого я давно являюсь, можно прочитать статьи и воспоминания Зинаиды Егоровой о героических годах Великой Отечественной.

Она называет меня доченька и согревает материнским теплом. Каждый раз, когда я приезжаю в Нью-Йорк, я спешу к своей «классной». Мы садимся рядышком и вспоминаем... А ближайший мой приезд будет необычным. Зинаида Юрьевна — «моя мамочка» — пригласила меня на своё 90-летие.

- ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ -

День Победы в Миннесоте

Я была удивлена и растрогана, когда в доме ветеранов «Менора плаза» в городе Миннеаполисе, штат Миннесота на севере США, увидела такое объявление:

«10 мая в 2 часа дня в большом зале — встреча со Светланой Гебелевой, дочерью Михаила Гебелева — героя Минского подполья, секретаря подпольного райкома, казнённого фашистами в 42-ом году. Одна из улиц Минска названа его именем».

Сердце моё наполнилось волнением: наконец-то я познакомлюсь лично со своими друзьями, о которых знала и много слышала, но никогда не видела, потому что живу далеко от Миннеаполиса в городе Баффало близ Ниагарского водопада. Познакомил нас заочно журнал «Зеркало», где уже почти 6 лет идут мои публикации. Сотрудники редакции во главе с главным редактором, талантливым журналистом и прекрасным человеком Евгением Блажновым стали моими друзьями, и немало друзей я обрела благодаря моим публикациям среди читателей журнала. Со страниц «Зеркала» они узнали, как долгие годы было в забвении имя героя-подпольщика Михаила Гебелева, о многолетних поисках справедливости по отношению к отцу и о том, как его имя было восстановлено в названии улицы.

Эта история привлекла внимание и президента русскоязычной ветеранской организации Миннеаполиса Михаила Захаровича Гейхмана, минчанина, полковника, профессора, бывшего преподавателя одного из минских военных училищ. Благодаря его приглашению я смогла приехать в мае 2009 года в Миннеаполис, чтобы отпраздновать с друзьями День Победы и встретиться с читателями и авторами журнала «Зеркало».

С некоторыми из них увиделась в доме ветеранов Salvation Army, где 9 мая проходило торжество в честь Дня Победы. Михаил Захарович познакомил меня с организаторами праздника Владимиром Поссе и его женой Анной — приветливыми, радушны-

ми людьми. Из номера в номер журнала «Зеркало» читала я статьи, очерки и повести Владимира Сергеевича Поссе. И вот теперь мы смогли познакомиться. Он тепло представил меня ветеранам и попросил рассказать о моём отце. А я с интересом слушала воспоминания ветеранов.

Владимир Сергеевич Поссе во время войны воевал на Первом Прибалтийском и Ленинградском фронтах. За боевые заслуги получил право участвовать в Параде Победы в Москве. Но история его жизни до войны и после неё была очень сложная и временами трагическая. После войны вернулся в родной Минск. Женился на Аннушке, которая за годы разлуки с любимым стала врачом. Владимир получил профессию историка. Несколько лет они работали в Россонах. Он — директором сельской школы, она — врачом. Эти годы они считают лучшими в своей жизни. В годы хрущёвской оттепели Владимира Поссе приняли на работу в Институт истории партии Беларуси. Он пришёл в тот самый Истпарт, который когда-то создавал и руководил его отец Сергей Владимирович Поссе, репрессированный и казнённый в 1937-ом — начале эпохи сталинского террора. Семья чудом избежала гибели. Реабилитировали С. В. Поссе в 1957-ом. Надо ли говорить с каким волнением переступил порог Истпарта его сын Владимир...

Поначалу шла плодотворная, интересная, близкая сердцу Владимира работа. Молодой историк отдавал ей свою энергию, знания, неустанный поиск. Во весь голос он говорил правду о войне и её героях. Одними из первых в республике Владимир Поссе и известный историк Вера Софроновна Давыдова, бесстрашная партизанка, начали писать об истории Минского подполья... Но времена хрущёвской оттепели подошли к концу. А вместе с ними стала исчезать правда об истинном ходе страшной войны. Это привело к тому, что Владимир Сергеевич покинул Истпарт, что было для него очень нелегко. Это было как бы вновь расстаться с отцом, с которым был рядом десять лет работы в институте, держал его рукописи, слышал его голос, прислушивался к биению его сердца... Спустя годы Владимир Сергеевич с женой и детьми, матерью Рахилью Абрамовной и сёстрами переехал в США, в штат Миннесота. Здесь он написал трилогию о своей жизни: «Историк в истории», «Дорогу к прошлому не забывайте» и «По

спирали»... Эти книги он подарил мне во время встречи на праздновании Дня Победы.

Я получила в дар ещё несколько книг, но уже от другого автора — Евгения Мазо, организатора встречи в доме ветеранов «Менора плаза». Я очень ждала встречи особенно с ним... Мы — два минских журналиста — встретились впервые! Так распорядилась судьба: жили в одном городе, сотрудничали порой в одних и тех же изданиях, но... не встречались, хотя, конечно, друг о друге слышали. Мы даже работали в одной редакции, правда, в разное время... Мы учились в одном университете — БГУ — тоже в разное время. В 41-ом в 17 лет Евгений Мазо ушёл на фронт. Я в это время только родилась. Став после войны журналистом, писателем, Мазо много писал о войне, о её героях — воинах, подпольщиках, партизанах. И жена его Софья Кункина (Петрашкевич) была знаменитой подпольщицей и партизанкой. Он посвятил ей книгу «А на том берегу». Евгений Мазо прислал мне её в Баффало. Я очень рада была и его автобиографической повести «Золотая карета — жизнь моя», много фактов из которой как бы взяты из моей жизни. Теперь в моей домашней библиотеке все одиннадцать книг, написанных Евгением Мазо в Миннеаполисе.

...Переехав в США, мы от общих знакомых узнали друг о друге. Начали переписываться, созваниваться. Узнав, что я работаю над восстановлением имени отца, Евгений Мазо подсказал мне имена и адреса людей — бывших подпольщиков и партизан, проживающих в разных странах, воспоминания которых очень помогли. Так что, как и многие люди, и Евгений Мазо помогал мне прокладывать путь к улице Михаила Гебелева. Одним из первых он поздравил меня, когда это осуществилось...

Надо ли говорить, как мы рады были этой первой встрече. Нам было о чём сказать друг другу... Но пора идти на встречу. Мы вошли в зал. Здесь уже собрались люди. Нам улыбаются весёлые, нарядно одетые женщины... И хотя этих женщин я ни разу не видела, узнаю среди них Адель Теплицкую, Раису Шейнкман, Раису Ардашникову...

Читала о них в книге «Их не сломила война», которую прислал мне в Баффало Михаил Захарович Гейхман, создавший этот сборник воспоминаний ветеранов войны. Гейхман сам — ветеран

войны. Среди собравшихся Анна Шаповалова с Украины из Донецкой области, Александр Ямницкий, переехавший в США из белорусского города Рогачёва и другие...

С Раисой Шейнкман мы обнялись как мать и дочь. За эти годы Евгений Мазо часто передавал мне от неё приветы, рассказывал о ней. У неё хорошая семья: дочь с зятем, внуки, правнуки. Интересно, что знаменитый поэт Михаил Светлов — племянник Раисы Шейнкман. Она очень важный человек не только в своём доме ветеранов... Раиса Шейнкман — одна из организаторов русскоязычной ветеранской организации Миннеаполиса и, уже 17 лет, её бессменный секретарь. Представляете, это в 92 года! Время как будто проходит мимо неё. Она задорная, энергичная, боевая. Поёт и танцует. Я видела это в фильме, созданном Михаилом Гейхманом. Михаил Захарович очень любит снимать filmy. В его коллекции десятки видеофильмов, которые помогла ему сделать его жена Елена. Оказалось, что мы с ней знакомы. Елена Карчевская — представительница семейной династии с Минского автозавода, о которой я писала много лет назад. И вот такая необыкновенная встреча в Миннеаполисе... Я посмотрела у Гейхманов несколько фильмов. Среди них — видеорассказы об их семье. А на нескольких лентах увидела интересные вечера, встречи, заседания совета ветеранской русскоязычной организации, которые проводят Михаил Гейхман и Раиса Шейнкман. Они вместе проявляют большую заботу о ветеранах. Раиса Шейнкман всегда жила заботами людей, когда работала по специальности юристом, когда была профсоюзным лидером... Во время войны она воевала. За участие в боях под Сталинградом получила боевую награду с присвоением воинского звания «лейтенант». Дошла с боями до Берлина. Раиса Шейнкман родом из Киева. Но в Белоруссии у неё было много родных. В начале войны 28 из них приехали в Киев прятаться от немцев. Все погибли в Бабьем Яру...

«Потому Беларусь мне близка, — говорит она. — Восхищает подвиг вашего отца».

Мы устроились за большим столом. Завязалась беседа.

Раиса Ардашникова, бывшая минчанка, задала мне необычный вопрос:

«Знаете ли вы Леонида Гебелева, мы с ним учились в одной школе?»

«Леонида? — переспрашиваю я, затрудняясь ответить, и тут же спохватываюсь. — Вы, наверное, говорите о Лёлике? Да, это мой двоюродный брат. Он — сын Григория Гебелева, старшего брата моего отца — знаменитого столяра-краснодеревщика. Когда я собирала воспоминания наших родных о папе, я записала и воспоминания Лёлика. Брат был до войны уже взрослый, во время войны воевал на фронте, кстати, был в охране глав государств на Тегеранской конференции. Он оставил интересные воспоминания о моём отце. К сожалению, Лёлик умер...»

Раиса Ардашникова тяжело вздохнула:

«Очень жаль... Если вдруг найдёте фотографию брата, пришлите мне на память».

Я пообещала ей сделать это. (И вскоре своё обещание выполнила).

Ардашникову, бывшую минчанку, интересовало, где в Минске находится улица Михаила Гебелева...

К беседе присоединились другие. Они спрашивали, каков был Михаил Гебелев в семье, о его родителях, братьях и сёстрах, о моей маме и сёстрах. Они интересовались, как сложились у отца такие качества как отвага, решительность, стойкость, благодаря которым он не только сам совершал героические поступки, но и воодушевлял на борьбу с врагом многих подпольщиков. Они выразили мнение, что я переняла от отца такие качества, которые помогли мне добиться справедливости.

Интерес их был неподдельный, искренний. Я с удовольствием говорила с этими замечательными людьми, как можно говорить только с друзьями. Я привезла им из Баффало подарок — несколько экземпляров моей книги «На Землю Святую я снова вернусь», изданную в Миннеаполисе издательским домом «Зеркало». В этой книге подведен итог поисковой работы по восстановлению имени моего отца — героя-подпольщика Михаила Гебелева и рассказано о том большом почитании, уважении к бесстрашному сыну еврейского народа, каким окружено его имя в Беларуси и Израиле.

А потом Раиса Ардашникова предложила:

«Давайте споём».

Она по образованию — дирижёр-хоровик, привезла песню с собой и в Миннеаполис. Её красивый голос звучит на вечерах,

юбилеях, семейных торжествах. Ардашникова любит и стихи. В доме ветеранов «Менора плаза» полюбили литературно-музыкальный клуб, который Ардашникова организовала вместе с замечательной женщиной Зинаидой Ворожейкиной, доктором филологии, включённой Международным биографическим центром при Кембриджском университете в список «2000 выдающихся интеллектуалов XXI-го века».

К сожалению, с Зинаидой Ворожейкиной мне не удалось встретиться. Тяжёлой болезнью она прикована к постели. Возраст, тяжелые испытания в молодости всё же берут своё. Зинаида Ворожейкина — блокадница Ленинграда — когда-то в суровые военные годы, тогда ещё школьница, написала в стихах послание фронтовикам. Стихотворение опубликовали в газете «Ленинградская правда». Евгений Мазо как-то ещё до этой встречи рассказал мне по телефону:

«Мы на фронте читали это трогательное письмо Зины Ворожейкиной, и я ответил ей тоже стихами. Мог ли я даже подумать тогда, что встретимся с ней через много-много лет в Америке, и мы будем жить в одном доме».

Судьба... К кому она жестока, к кому милостива. Раиса Ардашникова была узницей Минского гетто... Ей чудом удалось спастись. Не зря она говорит: «Я верю в жизнь и в судьбу...» Судьба подарила ей жизнь, замечательного мужа, детей, внуков и правнуков...

Когда я читала книгу «Их не сломила война», моё внимание привлекла фотография очаровательной молодой женщины в изящной шляпке. «На кого она похожа? На Изабеллу Юрьеву? — подумалось мне. — Скорей всего она артистка...» Как же я поразились, когда прочитала, что эта женщина утончённой красоты, Адель Теплицкая, получила специальность — электрооборудование металлургических заводов, работала в Украине на шахте, в эвакуации на Ново-Кузнецком металлургическом комбинате, внося свой вклад в победу над врагом, а после войны была начальником трансформаторных подстанций городских электрических сетей Львова.

Сейчас Адель Теплицкая сидит рядом со мной. Она говорит мне, что помнит чуть ли не всю историю советского государства. Судьба подарила ей долгие годы. Теплицкая говорит:

«Я счастливо жила в СССР. Любила свою работу, свою семью: мужа, детей, внуков. Во время войны мы в тылу делали всё для

победы. После войны строили мирную жизнь. Но пришли годы 90-е. Страна раскололась, всё изменилось. Мне показалось, что я оторвана от мира. И я приехала сюда с сыном, невесткой, внучкой».

...Когда все разошлись, мы с Евгением Мазо поднялись на 6 этаж в его квартиру. Он рассказывал мне о работе на Белорусском телевидении, в республиканских газетах. Мазо приготовил мне сюрприз — вручил небольшие книжки с названием «Гудок зовёт» и «Заводские зарницы». Вот уж поистине реликвия — сборники произведений членов литературного объединения при редакции газеты «Автозаводец», изданные в 1958 году. Их авторы — рабочие, служащие Минского автозавода. Некоторые из них стали профессиональными поэтами, журналистами. Я нашла в этих сборниках первые рассказы моей подруги Галины Григорович — известной минской журналистки. Галя — школьница — была членом литобъединения при заводской газете. А мы с Мазо в своё время работали в редакции газеты «Автозаводец».

...К чаю пришёл младший сын Мазо — Дима, интересный собеседник, телеоператор. Старший сын, Григорий — врач. У Мазо — взрослые внуки. Любимая жена Соня умерла здесь, в Миннеаполисе, в 2002 г. Жизнь его заполняют дети, внуки, книги и активное участие в работе русскоязычной ветеранской организации, которой он дарит множество интересных замыслов.

«Завтра нас собирает на совет Михаил Гейхман. Идёт работа над вторым томом книги «Их не сломила война». Первый том не смог вместить воспоминаний всех ветеранов, — рассказал Евгений Мазо. — И наш президент прилагает все силы, для того, чтобы продолжение книги вышло вовремя».

Я постоянно общаюсь с Гейхманом по телефону и через Интернет. Михаил Захарович рассказывает о новостях общественной жизни. Не скрывал он сколько трудностей пришлось преодолеть в создании и издании книги. А в конце марта он с огромной радостью сообщил мне:

«Второй том книги «Их не сломила война» вышел из печати. Это наша большая победа. Победа в честь 65-летия Великой Победы! Обязательно пришлём вам книгу».

Я искренне поздравила своих замечательных друзей, бесстрашно сражавшихся на фронтах Великой Отечественной. Их не сломила война, не оставляет сила духа и сейчас.

- ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ -

Посол своего поколения

Перебравшись в 1994 году в Баффало (штат Нью-Йорк), где жили мои сёстры с семьями, я не оставила своей мечты — восстановить имя нашего отца — героя. Мы с мужем искали близких нам по духу людей. В Баффало подружился с Александром Шапиро, журналистом из Украины. Он поведал мне о том, что в Нью-Йорке создано много русскоязычных еврейских организаций, которые проводят большую работу среди наших земляков. Сашина нью-йоркская приятельница Лилия Костюк рассказала в Нью-Йорке обо мне. И вот в октябре 1998-го года мы с мужем Юрисом получили приглашение на митинг в знак 55-летия гибели Минского гетто от Савелия Каплинского — президента Нью-Йоркской Ассоциации бывших узников гетто и концлагерей. Едва мы вошли в зал, как к нам поспешил навстречу невысокий, симпатичный мужчина:

«Савелий Каплинский, — представился он. — Рад видеть дочь бесстрашного подпольщика».

Мы с Каплинским не были знакомы в Минске. Но я о нём читала в книге Гирша Смоляра «Мстители гетто» и уже здесь в США в «Чёрной книге с красными страницами» Давида Мельцера и Владимира Левина. В 13 лет Каплинский стал членом подпольной группы в Минском гетто, а спустя время ушёл в партизаны.

...Рассказывать о том митинге можно очень долго и восторженно. Он был многочисленный, яркий, волнующий. С тех пор было много подобных мероприятий в разных городах США, где действуют ветеранские русскоязычные организации, но тот, первый запомнился особенно. Меня поразило, что в конце митинга Савелий Каплинский обратился с призывом принять Обращение к руководству Республики Беларусь о восстановлении имени Михаила Гебелева и присвоении его имени одной из улиц Минска. Обращение приняли. Правда, тогда оно не возымело действия. Должно быть, руководству Беларуси было не до восстановления

имён: в стране шёл процесс перестройки. Каплинский это понимал. Он сказал мне:

«Светлана, нужно время. Увидишь, справедливость придёт».

Он был прав. В октябре 2008-го года, мы с Савелием Каплинским пришли с цветами на улицу моего отца Михаила Гебелева к дому, где в 2005 году была установлена мемориальная доска в его честь. Мы прибыли в Минск на мероприятия в память 65-летия гибели Минского гетто и представляли здесь делегацию США.

Открыл мероприятия Президент РБ А.Г. Лукашенко. Он возложил венок к памятнику в мемориальном комплексе «Яма». После скорбной церемонии он нашёл время поговорить с людьми. Савелий Каплинский и наш друг из Израиля Давид Таубкин сказали мне: «Тебе тоже есть, что сказать Президенту. Подойди к нему...» Я смогла пообщаться с Александром Григорьевичем Лукашенко и лично поблагодарить его за признание подвига моего отца. Ведь он свершил то, что до него не посчитал нужным сделать ни один руководитель Беларуси.

На следующий день в мемориальном комплексе «Яма» был митинг. Савелий Каплинский принёс сюда темно-красные розы.

«Света, положим их вместе к памятнику. Знаю, что 2 марта 1942 года в этой яме погибли твои родные, здесь были убиты мои мама и сестрёнка, мой дедушка. Отец мой погиб в гетто ещё раньше».

...Начался митинг. На нём выступали бывшие узники Минского гетто, партизаны и подпольщики, гости. И вот президент Союза еврейских организаций и общин Беларуси Леонид Левин предоставил слово Савелию Каплинскому. Он очень волновался. Ведь сейчас он выступал на том месте, где погибли его родные, куда колоннами машин свозили фашисты свои жертвы. Эта боль не покидает его. Он посвятил свою жизнь тому, чтоб передать память о Минской яме грядущим поколениям... Он рассказывает о ней на митингах и в школах Бруклина. Об этом в соавторстве с минчанкой Геней Завольнер-Грингауз он написал книгу «Судьбой написанные строки». Сотни таких же, как он, энтузиастов ведут работу в ассоциациях и объединениях дальнего зарубежья. А Савелий Каплинский состоит в руководстве трёх общественных объединений. На митинге в Минске он рассказал, что делают они

для сохранения памяти о Холокосте. Во многих городах США установлены памятники, построены мемориальные центры, работают музеи Холокоста и еврейского наследия, проводятся митинги памяти в мемориальном парке Холокоста в Бруклине. Ежегодно 27 января представители русскоязычных еврейских ассоциаций принимают участие в Международном дне памяти жертв Холокоста в Организации Объединённых Наций... С 1993 года отмечаются памятные даты трагедии Минского гетто.

В Нью-Йорке есть символический прообраз Минской «Ямы». Это Камень Памяти жертв Минского гетто. Находится он в мемориальном парке Холокоста в Бруклине. Его открыли 9 октября 2006 года... В парке Холокоста можно увековечить имена своих близких, погибших в гетто и концлагерях. Так, на камне номер 88 высечены имена родителей и младшего брата Каплинского, погибших в Минском гетто.

...После гибели матери, чтобы как-то прокормиться, Савелий смог устроиться на работу в немецкий гарнизон на Грушевке. Он заготавливал для казарм дрова, воровал там патроны, клал их в котелок под остатки еды, приносил в гетто и передавал подпольщикам. С братом Гени — Шоломом Грингаузом, Каплинский выполнял задания руководителя подпольной группы Нонки Маркевича. Савелий и Шолом раздобыли ламповый приёмник. Они смогли его отремонтировать, слушали сводки Совинформбюро, записывали на листах из школьных тетрадок и раздавали в гетто. Гитлеровцы напали на след Нонки Маркевича и Шолома Грингауза. Нонка погиб. Шолому позже удалось уйти в партизанский отряд. Вскоре он появился в гетто и вывел в партизаны 13 юных подпольщиков, в том числе и своего друга Савелия. Жить бы ребятам, строить мирную жизнь. Но в январе 1946 года Шолом и Савелий как отличники учёбы и бывшие партизаны были приглашены на новогоднюю ёлку в Дом профсоюзов. Там вспыхнул пожар. Савелий спасся, прыгнув с 3 этажа. Шолом не успел...

А жизнь продолжалась. В тот день, когда, участвуя в партизанском параде, они вошли в Минск, Савелий решил поднять из руин родной город. Окончив техникум, затем институт, Каплинский стал инженером-строителем. От мастера на стройке он вырос до главного инженера крупного строительного треста. Он помнит каждый дом, который возводил, каждый объект и первый

из них — Главпочтамт. Он руководил строительством ВДНХ БССР.

Он никогда не забывает родной город. Он представляет здесь своё поколение, вышедшее из горнила войны, отстоявшее родную землю и возродившее её. Мы, в США, называем Каплинского послом русскоязычной диаспоры в Беларуси, потому что каждый День Победы он отмечает в Минске, приезжает в годовщины гибели Минского гетто. Он и в майские дни 2010-го находился в Минске, где представлял своих земляков в США на торжествах, посвящённых 65-летию Великой Победы.

- ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ -

Привет от отца

Моя подруга Галина Григорович из Минска сообщила: «Звонила мне Лена Авринская из «Минского курьера». Сказала, что её начальство хочет открыть в газете новую рубрику для старых минчан. Типа такого: «Есть город, который я вижу во сне...» вспомнить Минск послевоенный: конца 40-ых, Минск 50-70, Минск 80-90 и так далее... Нам с тобой есть о чём рассказать...»

«Галечка, — ответила я (так называла её моя мама), — помоему, мы с тобой открыли эту рубрику ещё в прошлом году. Помнишь наш «Разговор через океан». Ты его затеяла. Спасибо.»

«Разве такое забудешь, — я как бы услышала вздох подруги на расстоянии. — Считай целая жизнь...»

После войны Галя с мамой, бабушкой и сестрой жили в бараке на автозаводе, я, с мамой и сёстрами — в двухэтажном доме номер 45, по улице Мясникова в одной комнате, где были и жильё, и «удобства». Кстати, в этой комнате мы жили до войны, но до войны четверо было с папой... Детство у нас было трудное, скудное. Что поделаешь — безотцовщина. Мамы выбивались из сил, чтобы поднять детей.

Всё-таки выросли, выучились. С Галкой встретились в университете. Прибежали смотреть на итоги вступительных экзаменов на вечернее отделение факультета журналистики БГУ. Наши фамилии были рядышком. Мы стали студентками. И с тех пор пошли по жизни вместе, хотя подруга перешла на стационар, а я училась на вечернем, а днём работала на заводе. Галя стала тележурналисткой, я — газетчицей. Свыше 30 лет (даже не верится) работала в газете «Автозаводец», хотя как внештатник выступала в республиканских и в союзных изданиях, и для Галкиной, молодёжной редакции сценарии писала. Подруга вышла замуж за коллегу-журналиста Валеру Перзашкевича, я — за Юриса Томса из Латвии. Это уже была дружба семьями. Подружка 40 лет хранит мою записку в роддом, когда она родила доченьку Ладуш-

ку. А потом уже мы поздравляли Галку, когда доченьку родила Лада. И назвали девочку Мария-Антуанетта по просьбе папы-итальянца. Ну, а Галя и Валера помогли нам, когда мы с Юрисом усыновляли минского подростка Васю.

Галя обожала мою маму. Когда она приходила, у мамы всегда была на столе фаршированная рыба — любимое блюдо моей подруги-белоруски. Галина бабушка готовила очень вкусно. Но она всё равно считала, что тётя Хася — непревзойдённый кулинар.

Моя мама — женщина очень добрая, искренняя, общительная, рассказывала моим друзьям о жизни довоенной, о войне, тяжких годах в эвакуации, Минском гетто и потере мужа. Галя всё это знала, сочувствовала... Хотя, признаться, она не всегда понимала, почему мы с мамой так печалимся, выходя на праздничные улицы города в День Победы и в День освобождения Беларуси от фашистских захватчиков. Почему я расстраивалась, когда, заполнив пятый пункт анкеты для поступления на работу в республиканские газеты, получала отказ, хотя перед этим меня приглашали в штат.

Понимание пришло с годами. И когда мы по интернету беседовали с ней через океан, Галя попросила:

«Света, можно я от имени наших коллег «тех лет» извинюсь перед тобой за эту дикую пятую графу. Хотя это и будет запоздало, потому что графа эта — одна из причин, из-за которых я рассталась с замечательным другом — с тобой. Мне очень стыдно, но, возможно, по молодости лет я не догадывалась, что такое неравенство «граф» существует. Мне, да и большинству белорусов, даю голову на отрез, всегда было всё равно какой национальности человек рядом. Главное, чтобы он был Человеком. А ты относишься к этим человекам и, уверена, не таишь зла на белорусов».

«О чем ты говоришь, подруга, — сказала я. — Какое зло, если у нас интернациональная семья, если ты, моя подруга — белоруска, если Шура Морозова, белоруска — не просто моя соседка, а названная сестра».

С Шурой, её мужем Вадимом Грибом, детьми Любой и Сашей мы прожили в доме 63 на проспекте Пушкина 20 лет. Наши квартиры находились напротив. Номер нашей — 91. Их квартиры — 93. Ну, а точнее можно было назвать — 9193. Просто мы жили как одна семья. Люба и Саша (я называю его Саня) порой

больше времени проводили у нас, чем дома. Им было с нами интересно. Шура и моя мама Хася были просто неразлучны. Вадим и Юрис могли часами говорить о железной дороге, где Вадим работал машинистом, а Юрис — составителем поездов. Наш чудесный пёсик Буяша был «сыночком» на две семьи. Когда он заболел чумкой, Любушка, которая работала тогда лаборанткой, делала ему уколы пеницилина и спасла Буянушку. Саня окончил школу, я привела его в автомеханический техникум. Потом он закончил университет. И Люба получила высшее образование. Ребята обзавелись семьями, детьми. Саниному Ромке уже 18, Любиному Ване — 16 лет. Мы уезжали, Шура очень переживала: уедете — забудете. Куда там... Каждый раз, когда приезжала в Минск с Юрисом, а потом и без него, второй маршрут после тётушки — к Шуре, «старшей сестре».

Недавно звонок. Слышу Санин голос:

«Света, поздравь, у меня родилась дочь. Приезжай на неё посмотреть».

«Поздравляю, Санечка, тебя и Лену, рада бы и вас увидеть у меня в гостях», — отвечаю.

Я была в восторге от Саниного ответа:

«А знаешь, кроме шуток, вполне возможно, что и навещу тебя в Баффало».

«Ну, вот, Галя, такие дела, — продолжила я тот разговор с Галей по интернету. — Мы обе с тобой понимаем — не народ виноват, виноваты политики. Ну, а ты прости всё же, что после визита к тётушке еду к Шуре, а потом к тебе».

Когда Галя и Валера, Шура, её дети узнали об улице Михаила Гебелева, они были рады не меньше, чем наша семья. Не знаю, кто из нас писал об этой улице больше — я или Галка... Галя с Валерой часто приходят сюда, приносят цветы и приветы от меня. И не только они. Приходят на улицу Михаила Гебелева делегации из разных стран. Приходят минчане — те, которые давно знают об этой улице, и кто узнал о ней только недавно...

Я была приятно удивлена, когда получила по интернету письмо:

«Здравствуй, Светочка! Хочу тебе передать привет от твоего папы. Мы всей семьёй были на улице Михаила Гебелева. Впечат-

ление очень сильное. Мы сфотографировались у мемориальной доски. Посылаем тебе фотографии. Посмотри. Обнимаю. Твоя Галя».

Да, это была Галя, но не Григорович. Галя Халимоненко из далёкой юности. Жизнь полна неожиданностей... На этот раз их преподнесла газета «Минский курьер». Галка Григорович отправила Лене Авринской свои очерки о послевоенной жизни в бараке на автозаводе, о людях, претерпевших лишения, нужду, но крепких своей дружбой. Мне подруга посоветовала:

«Помню, ты писала очерк о своей учительнице-партизанке Зинаиде Юрьевне Егоровой, которая водила вас, своих учеников, по старым улочкам Немиги — бывшей территории Минского гетто — в войну политым кровью безвинных жертв. О том, как после долгих лет разлуки вы встретились на митинге в Нью-Йорке...

Я отправила свой материал в «Минский курьер». Газета его опубликовала. И это имело неожиданное продолжение. Как в телепередаче «Жди меня». Вот оно.

28 января в «Минском курьере» были опубликованы воспоминания о школе, одноклассниках, учителях нашей землячки Светланы Гебелевой, проживающей нынче в США. А через несколько дней на электронный адрес редакции пришло взволнованное письмо от минчанки Галины Брауэр.

Позже мы получили письмо от Светланы Михайловны.

Письмо первое, из Минска...

«Прочитали статью «Город, который я вижу во сне», опубликованную в «Минском курьере», и по фотографии я узнала свою подругу юности, с которой мы не виделись много лет. Я не знала, где она живёт, но часто вспоминала и хотела о ней что-нибудь узнать. Благодарим за то, что мы имеем теперь возможность общаться. С уважением и благодарностью, Брауэр Галина Фёдоровна (девичья фамилия Халимоненко)».

Письмо второе, из Баффало...

«Будучи вдали от родного города, я, конечно же, зарегистрировалась в «Одноклассниках». Так вот в пятницу, 29 января, открыв страницу, увидела фото, а на нём девушку и юношу. Эта юная пара предлагает мне стать их другом. Не могу понять, зачем им в друзья пенсионерка? На всякий случай кликнула на какую-то кнопку, вероятно, на нужную, потому что в субботу получаю

письмо, а в нём написано: «Здравствуй, моя любимая подружка, Светочка! Очень часто думаю о тебе. И тут открываю газету «Минский курьер» и вижу твою фотографию и статью, которая меня тронула до глубины души. Попросила внучку связаться с тобой по интернету и вот пишу. Часто вспоминаем о тебе с подругами по заводу и мечтаем: вот кого бы хотелось увидеть — так это Светочку. Помнишь такую Галю Халимоненко, с которой вместе работала на заводе в Минске? Я замужем, у меня трое детей, восемь внуков и один правнук. Тебя знает вся моя семья... Хотелось бы узнать, как сложилась твоя жизнь. Бываешь ли в Минске? Целую. Галя».

Вот так сюрприз! Это письмо принесло мне огромную радость. С Галей Халимоненко мы работали на заводе вычислительной техники. Я ведь училась в БГУ на вечернем отделении, а днём была монтажницей, паяла платы. Нас было несколько девчонок-подружек, в том числе и Галя. С тех пор, как я ушла в журналистику, мы виделись, наверное, пару раз, в далёких 60-ых. И вот такая встреча через океан — в другом уже веке. Я, конечно, сразу ответила Гале через её внучку Валю — ту самую девушку с фотографии в интернете (юноша на фото — её муж Максим). Валечка прислала мне по интернету много фотографий, в том числе моих из далёкой юности. Надо же, сколько лет прошло, а Галя и в самом деле помнила обо мне.

В этой встрече на разных континентах ваша заслуга, дорогие коллеги! Спасибо огромное за радость, за возвращение в юность, за то, что поддержали мою веру в дружбу. С теплотой и признательностью. Светлана Гебелева».

К этим письмам Валя Романченко добавила ещё одно:

«Здравствуйте, тётя Света! Вот сидим с бабушкой рядом и читаем очередную статью в газете «Минский курьер». До чего же приятно было прочесть строки о нашей встрече и обо всех чувствах, которые, казалось, не опишешь, а вам удалось. Спасибо вам огромное. Человеческие чувства — это самое сильное на свете, то, что творит с нами чудеса, заставляет нас жить, радоваться и улыбаться».

Валечка под диктовку бабушки (Галя не владеет компьютером) пишет мне письма от неё:

«Светочка, я очень рада твоему письму. Как я сожалею об упущенном времени! Прости меня, родная, милая подружка. Я всегда помнила о тебе. Но у меня большая семья и дача, на которую мы часто ездим. Кстати, она находится неподалёку от Узлян, где родился твой папа... Пока не подросли дети, внуки, не было времени ни читать газеты, ни смотреть телевизор. Поэтому мы не знали о важных событиях твоей жизни. Мы бы обязательно были с тобой на открытии улицы имени твоего отца-героя. Ты очень сильный человек, а раньше была маленьким Светиком.

Ты спрашиваешь о моём муже. Его зовут Саша, Александр Брауэр. Он из детского дома. Прожили непростую, но очень светлую совместную жизнь. В этом году отметили 46 лет семейной жизни. До пенсии работали на заводе. И сейчас продолжаем трудиться. Хочется помочь внучатам... Живём мы рядом с Валею. А у неё есть «Скайп» (компьютерная телекоммуникационная программа — *Прим. авт.*). Есть возможность общаться».

И вот каждую субботу мы приходим друг к другу в гости. Не нужны билеты, не нужен самолёт. Ну и что, что между нами океан. «Скайп» соединяет, «Скайп» объединяет... Мы сидим, смотрим друг на друга, улыбаемся и беседуем. Галя говорит:

«Все наши подружки знают, что ты нашлась. Мечтают о встрече. Бываешь ли ты в Минске? Приезжай, мы очень ждём».

«Обещаю, Галочка, только не знаю когда», — отвечаю ей.

...Почти каждый год после 2005-го я приезжаю в Минск. Здесь живёт моя замечательная тётушка Блюма Маршак, младшая сестра моей мамы — старейшина нашей семьи. Теперь уже ей 96 лет. Время уносит воспоминания. Но мы хорошо помним её рассказы, как наши папа и мама заботились о ней и маминой сестре Фруме. Как они помогали их родителям, жившим в Любоничах, как сельчане приезжали к папе за помощью даже в Минск. Вспоминает тётушка эвакуацию, куда она вывезла всю семью, как надеялись на возвращение в Минск, как жила наша мама надеждой на встречу с папой... У моей тёти хорошая семья. Заботливые дети: Рая — инженер, и Веня — известный художник, внуки Ира, Саша. А внучка Лена подарила правнуков... Ещё в прошлом году тётя попросила сына и внучку Леночку свозить её на улицу Ми-

хаила Гебелева и на Северное кладбище, где похоронена наша мама. А на могиле мамы мы установили символический памятник ей и папе...

Когда я приезжаю в Минск, спешу на заветную улицу к моему отцу. Я несу ему цветы и приветы родных и друзей — от тех, кто ещё жив, кто помнит... От старшей сестры Раи, её мужа Матвея Кутелей, их детей Аллы и Миши... Они живут в Баффало. Племянник Миша Кугель — медик. Но, как нередко бывает у медиков, его тянет к литературе. Он пишет увлекательные рассказы и трогательные стихи. Миша интересуется историей Минского гетто и подвигом своего деда Михаила Гебелева. Он помогает мне в моей работе по сохранению памяти нашего отца. Помогает мне в этом и сын Василий Томс, которого в 2000-ом году мы привезли из Минска. Его мама — моя университетская подруга Рая Романова, которая одна растила сына, умерла в Минске от рака. Она просила нас: «Если что случится, не оставляйте Васю...» Мы выполнили этот завет. Мой муж Юрис дал Васе Романову свою фамилию, отчество и свою заботу.

Я передаю отцу привет из Баффало от семьи моей средней сестрички Зины. От её мужа Изи, их детей Жени, Наташи, Галочки и Лёни, внучат Максима, Анюты, Валерика и Лёли. Нет больше Зиночки, она умерла в 2006 г. А через год остановилось сердце Юриса. В эти апрельские дни, когда я дописываю последнюю главу, умерла моя дорогая подружка Галя Григорович. Диагноз тот же, что и у Раи Романовой — рак поджелудочной железы. Никто в мире ещё не смог победить болезнь с таким диагнозом. Галя пыталась мужественно, героически. Но...

Остались её публикации о моём отце. Они были напечатаны в «Минском курьере» и русскоязычных изданиях США — журнале «Зеркало», газетах «Шолом» и «Русский базар»... Вот часть из них:

«Улица имени героя-подпольщика, отдавшего свою жизнь во имя спасения тысяч людей, во имя свободы Беларуси теперь не вызывает нарекания ни у кого. Живущие на ней знают, кто был Михаил Гебелев. В Минском подполье его называли «Бесстрашный Герман». Не думая о своей жизни, он не единожды пересекал эту улицу — границу гетто, чтобы спасти людей. И не имело значения — белорусы это или евреи.

Дочь, ещё будучи юной, дала себе слово узнать всё о своём отце и рассказать людям о бесстрашном человеке. Она писала о нём во многие издания. Но, живя в Минске, не смогла восстановить справедливость. Правительство советской республики было глухо к героям Сопrotивления гетто... И всё же времена изменились. 15 октября 2005 года мы подняли бокалы за 100-летие отца моей американской подруги, возложив цветы у мемориальной доски на маленькой, но большой улице имени не просто героя Михаила Гебелева. Каждое 9 мая мы с мужем приходим сюда с цветами...»

Не придёт больше сюда с цветами моя любимая подружка... Теперь уже я буду передавать приветы от неё моему отцу — её герою. Я приеду в Минск, чтобы навестить её, мою Галю.

Я приду на мою заветную улицу, чтобы вновь встретиться с папой. Как обычно со мной рядом будет Михаил Гебелев — мой двоюродный брат. После войны мамина средняя сестра Фрума осталась вдовой с семилетним сынишкой Мариком на руках. Старший брат моего отца Григорий Гебелев вернулся с фронта живым и невредимым с боевыми наградами на груди. Войну он закончил в Будапеште. И как поётся в песне, и на груди его светила медаль за город Будапешт. Но ждало фронтовика большое горе. Его жена умерла в эвакуации. Долго он был безутешен... Но время шло. Двое его детей от первого брака Леонид и Раиса были уже взрослыми, обзавелись семьями... Погоревал он и женился на моей тётушке Фруме.

Своего сына они назвали Михаилом в честь нашего папы. Марика дядя Гриша усыновил. Марик стал ведущим специалистом в области электроники. Миша Гебелев — дизайнер, а ещё проявились в нём гены его отца — знаменитого столяра-инкрустатора. Дядя Гриша являлся как бы вершиной мастерства и таланта своих прадеда, деда, отца Лейбы, прославив свою фамилию своим искусством... Он был известным, не побоюсь сказать, на весь мир художником по дереву. Из различных пород дерева он создавал настоящие произведения искусства — портреты государственных и общественных деятелей, картины, шкатулки, сувениры... Его работы экспонировались не только в Беларуси, Москве, но и за рубежом. Его имя занесено в Белорусскую энциклопедию, как и его брата-героя. Мой отец, Михаил Гебелев удостоился этой чести намного позже...

Дядя Гриша — единственный из братьев Гебелевых остался в живых после войны, а из сестер — тётя Ева, по мужу Сагалович. Мой брат Абрам Сагалович — её сын. Муж тёти Евы — Яков Сагалович на фронте был военврач. Он взял сынишку в госпиталь. Мальчишка был санитаром, помогал ухаживать за ранеными. А после войны, окончив школу, затем мединститут, стал врачом. Мой двоюродный брат — один из бойцов Батальона белорусских орлят, племянник прославленного подпольщика, продолжает свою военно-патриотическую работу и находясь вдали от родных мест, возглавляя Чикагскую Ассоциацию ветеранов ВОВ. Восстановление незаслуженно забытых имён, открытие неизвестных доселе подвигов героев минувшей войны, издание 4-ёх томов книги воспоминаний ветеранов «Война и судьбы» — это то, что осуществляют Абрам Сагалович и члены правления ассоциации. Мы видим результаты работы ассоциаций ветеранов, узников гетто и концлагерей за рубежом и актива Союза белорусских общественных объединений и общин, поддержанных руководством Республики Беларусь. Восстановлены имена бесстрашных подпольщиков Михаила Гебелева, Маши Брускиной, установлена мемориальная доска на здании инфекционной еврейской больницы в Минске. Недаром президент Белорусского землячества восточно-европейских евреев Евгений Геллер из Нью-Йорка в передаче «Контакт», посвящённой Михаилу Гебелеву, уверенно сказал:

«Воистину времена меняются... Что-то хорошее происходит на моей родине».

Когда мы с Мишей приходим на улицу Михаила Гебелева, мы вспоминаем наших близких. Здесь на улице Михаила Гебелева — такой тихой и мирной сегодня, я слышу отзвуки войны, я вижу гетто, в котором никогда не была, но ощущаю себя там, среди обречённых, но не сдающихся фашистам, среди тех, кто этих обречённых защищал и спасал ценой своей жизни... Эти воспоминания приходят к нам вместе с проникновенными строками поэта и журналиста Александра Шапиро.

А. Шапиро.

Борцам гетто

Памяти Михаила Гебелева — Героя Минского гетто

Называлось
просто это —
гетто...
Ад земной,
где жизнь невыносима,
ужасом пронизан каждый миг.

Смерть для всех
была неотвратима.
Каждый узник видел её зримо.
Слышал убиенных дикий крик,
плач ночной и утренние стоны,-
обрывалась с этим миром нить...

Избавленье — в яме похоронной,
Наказанье —
продолженье жить...
Называлось
просто это —
гетто...

Только не смирился Иудей —
разрывая лживые наветы,
Маккавеев следовал заветам:
шла борьба, спасение детей,
многих выводили в партизаны...

Гибли не на плахе,
а в бою,
те борцы,
кто жизнь свою так рано,
отдал за мою и за твою!

Александр Шапиро, журналист, Баффало, США

- ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ -

Пока еще память жива

Казалось бы, что скажешь после этих волнующих стихотворных строк...

Однако мне ещё раз вспомнилось письмо, которое я получила от Временного поверенного в делах Беларуси в США Олега Ивановича Кравченко:

«Память о подвиге Михаила Гебелева и других героев, не пощадивших своей жизни ради победы над врагом и освобождения родной Беларуси, должна жить в сердцах людей и укореняться в знаниях молодёжи. Но память о героях и их подвигах не передаётся сама по себе следующим поколениям. Для этого нужны постоянные настойчивые усилия людей, убеждённых в святости этого дела, не жалеющих ни сил, ни времени для того, чтобы следующие поколения знали, кому обязаны жизнью, свободой и безграничными возможностями».

Такие люди, прежде всего, работают в музее истории и культуры евреев Беларуси. Я не устаю восхищаться его директором, кандидатом исторических наук Инной Герасимовой, которая посвятила этому святому делу свою жизнь. Тому есть предпосылки. Инна родом из Бобруйска, где во время войны в гетто «Каменки» были уничтожены более 15 тысяч евреев. Там же погибли и её бабушка с младшим сыном — мальчиком 14 лет. Изучением истории евреев её родного города она занимается уже много лет. У неё несколько дипломов о высшем образовании, а иудаике она изучала в иерусалимском университете...

Музей, который она создала — не государственный. Сложно добывать гранты, бороться за поиски средств для оформления экспозиций. Было сначала: всё сама да сама. Её детище даже называли «Музей одного работника». Но Инну всегда окружали люди. Появились помощники. Давно уже сложился актив. А всё равно главная нагрузка на ней. Я уже показала частично её работу в предыдущих главах... Но не рассказала об издательской де-

ятельности. Не знаю, когда успевает писать. Вместе с двумя коллегами выпустила шесть научных сборников «Евреи Беларуси. История и культура». Более 100 научных статей, опубликованных в научных сборниках Беларуси и в других странах, создали ей репутацию серьёзного исследователя по истории евреев Беларуси.

Особое место занимает книга «Встали мы плечом к плечу» о евреях в партизанском движении Беларуси. Ценность её в том, что в ней названы поимённо восемь с половиной тысяч евреев-партизан, воевавших против гитлеровцев. Чтобы выявить эти имена, пришлось делать выборку почти 300 тысяч имён, указанных в различных списках белорусского партизанского движения. Поразительно!

В музее регулярно проходят интересные выставки, которые посещают многие жители Минска разных национальностей. Создан большой архив, где находится свыше 15000 различных материалов и документов. Совместно с Национальным архивом Беларуси выпущено несколько книг, где опубликованы редкие документы, связанные с Холокостом в Беларуси.

Самая большая награда для сотрудников музея, его актива — это отзывы посетителей. Взять хотя бы этот:

«Здравствуйте! Мы пишем это письмо, потому что чувствуем, что не успели сказать всего при личной встрече. 9 марта 2009 года мы, группа из 6 человек, без предупреждения, ориентируясь по случайно обнаруженной в справочнике информации, посетили ваш музей. И едва экскурсия закончилась, как в спешке мы были вынуждены ретироваться, так как некоторым из нас срочно было нужно на обратный поезд в Москву. И очень жаль, потому что ваш музей явился одной из самых главных находок в предпринятой нами поездке.

Поехать на несколько дней в Белоруссию мы решили не только из-за любви к путешествиям, но и потому, что у половины из нас — еврейские дедушки из Витебска. Поездка в Витебск дала возможность разыскать места, в которых стояли их дома. А посещение вашего музея дало возможность ярче представить их жизнь и те ужасные события, в результате которых их потомки оказались вдалеке от Белоруссии.

Ваша скромная по размерам и специализированная по тематике экспозиция представилась нам интересной, информативной

и более научной, чем некоторые большие государственные исторические музеи. Было бы ожидаемо — и достаточно — если бы в материалах, посвящённых войне, вы уделите бы внимание только страданиям еврейского народа. Но трогает и вызывает уважение тот факт, что вы помните и собираете информацию о благородных поступках представителей других народов, всех, кто сохранил человеческий облик в то страшное время. Этим самым вы делаете для дружбы между народами больше, чем любые государственные комиссии.

Пока жива ещё память об ужасах войны, в головах у большинства людей присутствует иммунитет от духовной заразы вроде фашизма. Но надолго ли это? По мере того, как уходят люди, помнящие войну, посещение музеев, подобных вашему, должно играть для молодых людей роль духовной вакцины. К сожалению, на территории бывшего СССР не все подобную вакцину получают. Кому-то уже и поздно, судя по тем мерам безопасности, которые вы вынуждены принимать на входе в ваш дом. Тем значительнее то, что вы делаете. Остаётся только пожелать, чтобы как можно больше заинтересованных минчан и гостей Минска всех национальностей смогли бы ознакомиться с результатами вашей работы.

От всей души благодарим вас за гостеприимство и увлекательный рассказ и желаем успехов в вашем трудном благородном деле. Спасибо!

*С уважением,
Артём Белевич, Иван Пономарёв, Николай Поташиников»*

На мой взгляд, этот отзыв ценнее всякой награды. Этим можно гордиться и радоваться. Но обратите внимание на слова «скромная по размерам экспозиция». Сто раз правы Артём, Иван и Николай. Я не раз бывала в музее Инны Герасимовой и удивлялась, как в очень небольшом помещении музея Инна и её помощники ухитряются размещать всё новые экспозиции. Тесно. Неудобно. По тому авторитету, той популярности, которой пользуется музей в разных республиках бывшего Союза и зарубежных стран, он заслужил удобства и простор.

Недавно на интернете нашла фоторепортаж «Пять новостроек, которые изменят облик Минска». Среди них — Музей истории Великой Отечественной войны. Изумительно красивое, ог-

ромное здание. Но меня удивило то, что сказал автор проекта архитектор Виктор Крамаренко:

«Мы поставили себе непростую задачу. Это здание должно языком архитектуры говорить о величии подвига, который совершили наши бойцы».

Удивительно: только бойцы? А где же партизаны, подпольщики? Разве они не принесли Победу? Я ожидала прочитать, что в этом великолепном здании под одной крышей расположатся и музей истории и культуры евреев Беларуси, музей Холокоста. Но ошиблась. Это ведь тоже составные части подвига советского народа. Мы говорим о памяти. Но Память — это не просто так. Я думаю о том, что делать, как создавать условия, чтобы эта память сохранилась. Потому и ставлю эти вопросы в своей книге, надеясь, что на них найдутся ответы.

- ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ -

Сын Вася

Сын Вася преподнёс мне сюрприз. Он положил передо мной авиабилет в Минск и обратно в Баффало:

«Мама, я думаю, что 9 мая ты должна быть там, со своим отцом-героем, с ветеранами-подпольщиками и партизанами. Это ведь такая дата — 65 лет Великой Победы — она не повторится. Вот увидишь, ты получишь приглашение из Минска» — сказал он.

Я была тронута и взволнована Васиным подарком. Насчёт приглашения сын, как в воду глядел. Оно прибыло буквально через неделю-полторы после нашего разговора. Приглашение было от председателя общественного объединения «Республиканского фонда «Холокост», директора музея истории и культуры евреев Беларуси Инны Герасимовой, а также от республиканского Союза ветеранов-евреев войны и Союза бывших узников гетто и концлагерей.

Не стану лукавить: я очень хотела в эти торжественные, памятные дни быть в Минске. И вот он снова передо мной — родной город в праздничном убранстве. Опять радостные встречи с тётушкой, двоюродными братьями, сестрой, племянниками. Воспоминания о прошлом, новости дня сегодняшнего. Они связаны с 9 мая — предстоящим военным парадом, митингом в мемориальном комплексе «Яма».

Обычно я приезжаю в Минск глубокой осенью. А сейчас в город пришла весна. Она дарит минчанам нежную листву деревьев, красоту и аромат цветов. Памятник в мемориальном комплексе «Яма» на месте гибели 5 тысяч евреев утопает в розах, тюльпанах, нарциссах. Светла печаль участников митинга, потому что выступающие говорят о Великой Победе, положившей конец страшной войне, принёсшей мир и свободу, радость жизни народу Беларуси. Председатель Союза белорусских еврейских общественных объединений и общин Леонид Левин назвал комплекс «Яма» символом, а День Победы — праздником объединяющим всех.

Среди тех, кто принёс эту Победу на фронтах, председатель совета ветеранов-евреев войны Лев Шейнкман, сержант-связист. Он воевал на 3-ем Белорусском фронте. Он ведущий этого митинга. Среди выступающих — малолетний узник гетто, а затем подпольщик и партизан Савелий Каплинский. Он — посланец Нью-Йорка — прилетел в Минск немного раньше меня. С радостью обнимаю бывшую малолетнюю узницу гетто Майю Крапину, еврейскую девочку, спасённую белорусской женщиной Анастасией Хурс из деревни Поречье Пуховичского района. Деревня эта находится близ Узлян, где родился мой отец Михаил Гебелев.

В Узлянах погибли все — и взрослые и дети. Жители деревни Поречье спасли сорок еврейских детей из Минского гетто. Её называют деревней праведников. В честь них здесь открыт памятник. А Майя Крапина написала книгу о праведниках Поречья. Среди тех, кто пришёл на митинг, Зина Никодимова-Пруслина. Она дочь известной подпольщицы Хаси Пруслиной. Зина недавно издала воспоминания своей мамы о деятельности Минского подполья и подполья гетто, о том, как она искала свою дочь после войны.

А вот я вижу к своей большой радости белоруску Галину Брауэр, обрётённую недавно подружку юности. Она обещала, что обязательно будет на митинге. И пришла не одна, а со взрослой внучкой Валечкой и маленькой Катюшей. Эти люди боль еврейского народа воспринимают как свою.

Кстати сказать, Галин муж Александр Брауэр — из семьи поволжских немцев. Эти люди хлебнули немало горя. Саша и его брат остались сиротами и оказались в детском доме. Только дружба народов большой страны помогла одолеть лютого врага, а братьям Брауэр и детям разных национальностей выжить и продолжить жизнь.

...Меня просили передать поздравления минчанам с юбилейной датой Победы наши земляки: вице-президент Чикагской ассоциации ветеранов ВОВ Абрам Сагалович и президент русскоязычной ассоциации ветеранов войны города Миннеаполиса Михаил Гейхман. Их общественные организации много делают для восстановления имён евреев-героев. Я смогла выполнить и ещё один их наказ — выступить на митинге и вместе с его участниками почтить память 317 подпольщиков Минского гетто, которыми руководил мой отец Михаил Гебелев.

Горжусь тем, что в родной республике возвращаются имена героев-евреев. Накануне отъезда в Минск я узнала, что городские власти приняли решение об установке мемориальной доски на здании бывшей инфекционной больницы на территории гетто, где действовала группа подпольщиков-медиков во главе с главврачом Львом Куликом. Здесь был штаб подпольной организации гетто и Минского городского подполья.

Вижу рядом со мной счастливого Рому Кулика, сияющую Инну Герасимову... Как долго они ждали этого дня и приближали его... У Романа в руках чудесные гвоздики, тюльпаны. Он предлагает: «Пойдём после митинга, отнесём цветы медикам»

«Обязательно, Рома», — отвечает Герасимова.

К нам примкнули Иннин муж Марк, полковник, её бессменный помощник в работе музея, Савелий Каплинский, художник Матвей Басов, Майя Крапина, мой двоюродный брат Миша Гебелев, Фрида Аслёзова (Кисель)... По дороге Савелий рассказывал нам, как они, мальчишки, чудом выжили в этом погроме в «Яме»... А вот перед нами бывшее здание инфекционной больницы с выходами сразу на три улицы, что было удобно в случае облавы. Сюда приходили на совещания Исай Казинец, Яков Киркаешта, Михаил Гебелев, Гирш Смоляр, Лев Кулик и члены его подпольной группы обеспечивали их безопасность. Это, увы, не спасло жизни подпольщиков.

От здания инфекционной больницы рукой подать до улицы Михаила Гебелева. Мы несём ему цветы. Я, конечно же, успела побывать у отца в день приезда в Минск, передать ему привет от родных из Баффало и Чикаго, Минска и Санкт-Петербурга, земляков из Нью-Йорка и Миннеаполиса, Израиля и Германии. Вспомнила 15 октября 2005 г. — день открытия улицы. Сколько людей подходило ко мне и моему мужу, как горячо поздравляли! Среди них был симпатичный светловолосый мужчина, ещё молодой на вид.

«Владимир Рубежин, — назвался он — в детстве и юности звали Вилик. Встречался с Михаилом Гебелевым. Он давал мне задания».

«Вилик, Рубежин! — воскликнула я, — юный подпольщик, партизан. Читала о вас в книге Смоляра «Мстители гетто».

Да, Вилик был героем моего детства, как Гаврош с французских баррикад. Только баррикады Вилика были куда постраш-

нее — Минское гетто, кишашие гитлеровцами улицы Минска. И среди них бесстрашный маленький герой.

Должна признаться, тогда в октябре 2005-го, когда мы с мужем были вовлечены в круговорот событий, связанных с открытием улицы отца, мне не удалось встретиться ещё раз с Рубежиным. Но я о нём вспоминала. И вот на этот раз мы вновь встретились в Минске. Он поделился со мной воспоминаниями.

24 июня 1941 года отец привёз 12-летнего Вилика из пионерского лагеря. Мать с его младшим братишкой успели выбраться из города раньше. В панике, суматохе Вилик с отцом не только не смогли уйти из Минска. Они потеряли друг друга. Мальчик вернулся в дом, где они жили. Дом оказался за пределами гетто, в русском районе. У Рубежиных была хорошая двухкомнатная квартира, на которую позарилась соседка-нееврейка. Как только было образовано гетто, соседка пригрозила, что донесёт в управу, если мальчишка не уйдёт в гетто добровольно. И хотя Вилик светловолосый, голубоглазый и совсем не был похож на еврея, ему пришлось подчиниться.

Однако одинокий, неприкаянный мальчишка всё равно больше находился за пределами гетто. Искал себе друзей, пропитание. Так продолжалось, пока его не приютила Сарра Голанд, активная подпольщица Минского гетто. Видя, что Вилика дома всё равно не удержать, она поняла, что он может быть хорошим помощником для подпольщиков. Как-то к Сарре пришли двое мужчин. Стоял промозглый зимний день. Мужчины были одеты в старенькие в заплатках телогрейки. Такие не могли привлечь внимания. Мальчик уже знал, что это Михаил Гебелев и Гирш Смоляр. Они сказали Вилику, что знают какой он смелый мальчик, как свободно ориентируется в городе. Спросили, хочет ли, может ли иногда помогать подпольщикам. Это не просто, это опасно. Пусть Вилик хорошо подумает. Мальчик согласился сразу. Он стал выполнять поручения подпольщиков: передавал шрифты для подпольной типографии, медикаменты для партизан, выводил людей из гетто в партизанские отряды.

Рубежин рассказал мне:

«Знаете, нередко я приносил шрифты и медикаменты на явочные квартиры, например, на улицу Берсона, где была конспиративная квартира Ясинской, а также на квартиру в районе фаб-

рики-кухни. Несколько раз встречал там Михаила Гебелева. Он относился ко мне по-дружески.. на равных. Я чувствовал себя бодрее, увереннее после общения с ним...»

Затаив дыхание, я слушала Рубежина. Он говорил мне, что очень горевал, когда узнал о гибели своего старшего друга. Гебелев мог бы спастись, если бы ушёл в партизаны... Сам Вилик в партизаны ушёл в январе 1943 г. Он был бойцом партизанского отряда имени Дзержинского бригады имени Фрунзе, участвовал в боевых операциях. У него много наград. В мае 1944 г. его отправили самолётом в тыл. А через месяц Вилик улетел в Чкалов, где встретился сродителями и братом Марком. Рубежины нашли друг друга и вернулись в родной Минск.

Однако не кончились испытания для семьи. Старший Рубежин был объявлен врагом народа и сослан в ГУЛАГ в 1952 г., когда Вилик учился в Батайском лётном военном училище. Конечно, он был тут же отчислен. К счастью, подошли к концу времена культа личности Сталина. Отец вернулся домой. Он был реабилитирован. Но в училище старший его сын уже не вернулся. Он окончил институт в Минске, работал на руководящих должностях. Жену зовут Галина. Познакомились и полюбили друг друга в институтские годы на целине. У них дочь Рита и сын Дмитрий, трое внуков. Внучка Даша учится в Академии художеств в Праге.

Мне пришлось задать Рубежину ещё один важный вопрос:

« Скажите, как же вас зовут по-настоящему: Владимир или Вилик?»

Рубежин рассмеялся:

« Моё официальное имя Владимир. Но с детства стали звать Виля, Вилик. Даже в моих наградных военных документах записано: Вилик Рубежин. Конечно, в связи с эти были проблемы, но всё наладилось. А вообще мне очень приятно, когда меня называют Виликом. Это имя переносит меня в грозные незабываемые годы . Я вижу себя среди подпольщиков, партизан, которые совершали героические подвиги , не щадя своей жизни. Идя на очередное задание, я видел их мужественные лица и среди них Михаила Гебелева. Я горжусь тем, что знал его и выполнял его боевые задания, Эта память навсегда останется со мной».

Эта память живёт в музее истории и культуры евреев Беларуси. Инна Герасимова знакомила меня с экспозициями и одновре-

менно компоновала материалы для очередной выставки в честь 65-летия Великой Победы в Еврейском общинном доме. У Инны в музее много новшеств. Появился фонд писателя Валентина Скобло, автора книги « На уцелевшем челне». Она создаёт именные семейные фонды. В эти праздничные дни она была на работе с утра до ночи. Вот только отлучилась на несколько часов на возложение цветов к местам массовых захоронений евреев. Примечательно , что в них участвовали как ветераны, так и молодёжь. «Важно, чтобы они своими глазами увидели это», — сказала мне Инна. Мы проехали от памятника военнопленным концлагеря на улице Широкой до Тучинки, где погибли 12 тысяч евреев. От новых памятников убитых гитлеровцами немецких евреев на улице Сухой в районе бывшего еврейского кладбища и улицы Михаила Гебелева до Тростенца, где по данным белорусских активистов было уничтожено от 250 до 500 тысяч жителей Беларуси разных национальностей. Мы возложили цветы к памятнику белорусских партизан на проспекте Партизанском в районе автозавода. Этот великолепный памятник я видела впервые. Он меня поразила. Мы проехали в этот день Минск из одного конца в другой. Я с восхищением любовалась необыкновенно красивым родным городом. Последний раз я была в Минске полтора года назад. Но и за этот короткий срок он ещё более похорошел. Выросли новые кварталы очень интересной архитектуры.

Расставаясь, Леонид Менделевич Левин, Инна Герасимова, Роман Кулик, Майя Крапина, Фрида Кисель, Зина Пруслина, Фрида Рейзман просили меня: « Света, не уезжай, оставайся с нами, с Минском». Как меня тронули эти слова... Спасибо вам, дорогие друзья. Несмотря на то, что мы — я, Савелий Каплинский, Давид Мельцер, Евгений Геллер, Абрам Сагалович, Михаил Гейхман и другие, живём далеко от родных мест, мыслями сердцем мы с вами, мы делаем одно важное дело, не давая остыть Памяти.

А что касается Минска, я в город родной непременно вернусь.

Послесловие

Им посвящается эта книга

«А ваш отец — Герой Советского Союза?», — спросила меня женщина, проживающая в этом доме.

«Нет, мой отец — просто герой».

Женщина, как бы извиняясь, приложила руку к сердцу. А наутро, несмотря на дождливую погоду, пришла с цветами на открытие улицы.

Из разговора у дома номер 1 по улице Михаила Гебелева...

Итак, эта книга о просто герое, который положил свою жизнь на алтарь Отечества, во имя спасения тысяч людей. Эта книга о моём отце Михаиле Гебелеве, «Бесстрашном Германе», как называли его в Минском подполье.

Я посвящаю её двум дорогим для меня женщинам. Моей маме Хасе Беньяминовне Гебелевой, беззаветно любившей отца и преданной его памяти до конца её жизни. Это она приобщила меня к подвигу отца. Мама не верила, что он погиб.

Всю свою жизнь она посвятила тому, чтобы собрать о нём что-то новое. А я ей в этом помогала. Мы часто бывали с мамой в семьях подпольщиков и партизан, сослуживцев и односельчан отца. Эти люди помогли мне восстановить его светлый образ, полюбить как живого.

Вторая женщина — Анна Павловна Купреева, старший научный сотрудник Института истории Академии наук БССР, отдавшая 15 лет своей жизни изучению «неудобной» темы: истории Минского гетто и его подпольной организации, которую возглавлял Михаил Гебелев. Она оставила мне завещание — продолжить её дело, восстановить имя отца и других подпольщиков. Я выполнила её завет. И продолжаю следовать ему.

Светлана Гебелева

Письмо из посольства Республики Беларусь

Дорогая Светлана Михайловна!

С огромным интересом прочитал Вашу книгу «Долгий путь к заветной улице». Считаю очень важным продолжение Ваших усилий по распространению знаний о подвиге Вашего отца в годы Великой Отечественной войны. Память о подвиге Михаила Гебелева и других героев, не щадивших своей жизни ради Победы над врагом и освобождения родной Беларуси, должна жить в сердцах людей и укореняться в знаниях молодёжи.

Полностью согласен с Вами в том, что память о героях и их подвиге не передаётся следующим поколениям сама по себе. Для этого нужны постоянные настойчивые усилия людей, убеждённых в святости этого дела и не жалеющих ни сил, ни времени для того, чтобы следующие поколения знали, кому обязаны жизнью, свободой и безграничными возможностями. Этому служит Ваша книга.

Хочу заверить Вас в том, что народ Беларуси никогда не забудет героев, освободивших нашу страну от немецко-фашистских захватчиков, имевших целью поработить нашу страну и уничтожить наш народ. Вечно будет жить в умах и сердцах белорусского народа память о Вашем отце Михаиле Гебелеве, принесшем на алтарь Победы и Освобождения самое дорогое — свою жизнь.

*Временный поверенный в делах Беларуси в США
О.И. Кравченко*

Память живущая в наших сердцах

Тема подвига и героизма — вечна. Как сама жизнь во всех её проявлениях. Из поколения в поколение мы славим героев, восхищаемся ими. Их имена сохраняет нам память, историческая и народная. С самого детства проходим мы мимо памятников, которые напоминают о событиях прошлого. Далёкого или близкого, но всегда связанного с именами людей. Это о них нам рассказывали родители: «Они отдали жизни за Родину».

Ещё не совсем понятное, слово это пробуждало чувство уважения к обелискам, за которыми вставали реальные события и увековеченные такой памятью наши предшественники. И мы тянули за руки наших мам и пап, останавливали их на улицах и площадях, спрашивая: «За что?», «Почему?», «Как это было?».

Задавала эти вопросы своей маме и старшим сёстрам девочка, которая впервые увидела своего отца... на фотографии. Много было таких детей после Великой Отечественной, все они были лишены радости отцовства... Но однажды мама сказала ей: «Твой папа погиб, защищая наше Отечество. Я ещё многого не знаю, но люди называют его героем. Помни об этом».

Так был перекинут мост от отца к Отечеству, по которому Светлана Гебелева идёт все годы своей жизни, начиная с детства. Ещё тогда она слушала воспоминания и рассказы бывших узников Минского гетто, подпольщиков и партизан о своём отце — Михаиле Гебелеве, в домах, куда водила её мать. Позже, став журналистом, сознательно стала собирать документальные факты и другие материалы о подпольном движении, его борьбе с фашизмом, одним из руководителей которого был смелый и мужественный «Бесстрашный Герман», её папа.

В бывшем Советском Союзе долгое время тема эта была закрыта, а об уничтожении евреев в немецких концлагерях и вовсе говорили шёпотом... Сколько их, любящих свою страну людей, отдавших в борьбе за неё свои жизни, лишили самого святого — права называться защитником Родины... Сколько безымянных героев вершили свой ежедневный подвиг за колючей проволокой, подвергаясь постоянным унижениям и издевательствам. Под угрозой ежеминутной смерти, голыми руками выступавших против хорошо вооружённого врага...

О них и о своём отце писала и пишет свои статьи и очерки С. Гебелева, об этом вы прочтаете и в книге.

С огромным трудом, но благодаря именно народной памяти и подвижнической деятельности дочери героя, удалось добиться появления в столице Беларуси, городе Минске, улицы Михаила Гебелева.

Говорят, что каждое время рождает своих героев. Так называют людей, совершающих подвиги. С чего начинается подвиг? С любви. К своим родителям, детям, к родной земле... С желания защитить, уберечь их от беды... Они заслуживают той памяти, которая живёт в наших сердцах, поддерживая радость жизни. И очень хочется, чтобы наши потомки вошли в будущее без новых надгробий и мемориальных плит...

*Александр Шапиро,
журналист, Баффало, США*

Жизнь мою наполнила особым смыслом...

Как-то я получила бандероль. В ней была книга. На красочной обложке надпись: Светлана Гебелева «На Землю Святую я снова вернусь». Этот подарок Светланы был для меня сюрпризом.

Я открыла книгу с тёплой дарственной надписью и принялась за чтение. Небольшая повесть Светланы всколыхнула во мне большие воспоминания. Война, партизаны, победа, возвращение к мирной жизни. В партизанском отряде мы воевали под командованием Ивана Егорова. Он стал моим мужем. Мы построили семью, растили детей. Жили в Минске. Молоденькой учительницей английского я пришла в 12-ую среднюю школу. Кроме преподавания мне дали для руководства класс.

Многие дети в это послевоенное время были сиротами. У кого погибли отец, у кого мать, у кого-то оба родителя. У них было трудное, голодное детство. Школа чем могла помогала таким семьям. В том числе и семье Светы Гебелевой, в которой было трое детей. У Светы погиб папа. Её мама добрая, милая, скромная женщина рассказывала о том, что муж её был подпольщиком, героически погиб в Минске.

Тогда мы ещё не знали правды ни о Минском гетто, ни о Минском подполье. Это стало известно много лет спустя. Мама Светы верила, что когда-нибудь правда восторжествует, и памяти её мужа Михаила Гебелева воздадут должное. Но тогда я не представляла, что это будет возможно. И совсем уж не могла представить, что это произойдёт благодаря тихой, спокойной, маленькой хрупкой девочке Свете — младшей дочке Гебелевых, моей ученице.

Помню, как Света любила мой предмет, а ещё больше русскую литературу и историю, какие яркие сочинения писала. Неудивительно, что она стала журналисткой. После выпускного вечера, когда разлетелись по свету мои воспитанники, мы встречались на традиционных вечерах. Но постепенно на эти вечера стали приходиться всё меньше моих любимых выпускников...

Время отмеряло годы, расстояния... В 90-е годы я с семьёй дочери и сыном оказалась в Нью-Йорке. Я не могла привыкнуть к спокойной размеренной жизни пенсионерки. И тогда я включилась в работу Ассоциации бывших узников гетто и концлагерей,

которой руководил Савелий Каплинский, в прошлом малолетний узник Минского гетто, подпольщик и партизан. Помню октябрь 1998 года. Многочисленный митинг в центре «Шорфронт», посвященный трагической дате — 55-летию гибели Минского гетто. На сцену для зажжения свечей в память уничтоженных гитлеровцами, сгоревших в пламени Холокоста шести миллионах евреев приглашают известных, заслуженных людей. В том числе меня и... Светлану Гебелеву. Волнение переполняет душу. Моя ученица. Она проходит мимо меня, даже не останавливаясь.

Окликаю:

«Светочка!»

Она смотрит на меня, но не узнаёт. Понятно, прошло тридцать лет со дня нашей последней встречи.

«Света, помнишь школу? Я твоя классная руководительница».

Света воскликнула:

«Зинаида Юрьевна, это вы?!»

Мы обнялись, и с тех пор, хотя и живём на расстоянии, не расстаёмся...

Здесь, в США, живёт немало моих бывших выпускников. Я их видела. Общались, договаривались о встречах. Но... на этом всё и кончалось. Светочка же стала моей второй доченькой. А у моей дочери Люды и сына Саши появилась старшая сестра, с которой они тоже общаются. Когда Света приезжает в Нью-Йорк, мы обязательно встречаемся, она пишет и звонит мне. Муж её — Юрис, который был открытым, весёлым, приветливым человеком, всегда приглашал нас с сыном в гости... Увы, мы так и не смогли собраться, пока он был жив. Света часто пишет мне, а звоним мы друг другу ещё чаще. Она наполнила особым смыслом мою духовную жизнь. Я знаю, как прокладывался путь к улице Михаила Гебелева, сколько новых друзей в разных странах и городах она приобрела благодаря этому. У меня есть специальная папка, куда я складываю все материалы Светы, опубликованные в русскоязычных изданиях разных стран. А теперь на моём столе лежит её книга, которую мы с сыном Сашей читаем и перечитываем вновь с неослабевающим интересом. И с нетерпением ждём её новую книгу.

*Зинаида Егорова
г. Нью-Йорк*

О книге Светланы Гебелевой «Долгий путь к заветной улице»

История Минского гетто и его подполья давно уже стала магистральной темой журналистского творчества Светланы Гебелевой.

В этой теме для неё тесно переплелись мотивы личные и общественные. Личные связаны с тем, что руководителем подполья в гетто был ее отец — легендарный Михаил Гебелев или, как звали его между собой подпольщики, «Бесстрашный Герман». Общественные побудительные мотивы выкристаллизовались как бы сами собой, как только автор начала длительную поисковую операцию, чтобы вернуть из забвения память о героях подполья, их имена и подвиги. Мощные официальные запреты, стойкие антисемитские предрассудки противостояли молодой журналистке, выпускнице журфака БГУ, в начале её исследования. Но сразу же она узнала и силу беззаветной поддержки множества людей — как белорусов, так и евреев — братьев по смертельной войне на территории республики с фашистскими извергами рода человеческого.

В повести о Минском гетто много действующих лиц. Автор приводит множество имен участников партизанского движения, подпольщиков, свидетелей событий военных лет в Беларуси. Именно это обстоятельство делает рассказ автора живым и, что очень важно, предельно достоверным. Вне всякого сомнения, добытые автором изустные сведения существенно дополняют, а порой и заново восполняют страницы подпольной и партизанской истории республики.

С маленького ручейка началась полноводная река общественного движения за возрождение подлинной истории Минского подполья — неотъемлемой составной части партизанского движения Беларуси. В это движение постепенно вовлекались ветеранские организации и Беларуси, и Америки (где теперь живет и работает Светлана Гебелева), и Израиля. Во многих акциях этих организаций принимала участие и сама автор повести об отце-герое.

Дело, начатое Светланой Гебелевой, принимало такой оборот, что не замечать его, игнорировать, как это делалось прежде,

стало невозможным. Имя Михаила Гебелева после ряда публикаций в печати стало широко известным и в Беларуси, и среди ветеранских организаций США. Среди этих публикаций были и статьи в русскоязычном журнале «Зеркало», издаваемом в Миннесоте, США. Эти статьи получили у читателей большое внимание и поддержку. Редакция горда тем, что выступила первым изданием, в котором прозвучали правдивые слова о подлинных героях Минского подполья.

В результате Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко обратил внимание на инициативу американских ветеранских организаций и поддержал их. В День памяти 100 тысяч жертв Минского подполья, состоявшемся в 2008 году в Минске, произошла и встреча Светланы Гебелевой с Президентом А. Г. Лукашенко. Президент высоко оценил подвиг Михаила Гебелева, о котором народ узнал благодаря кропотливой поисковой работе автора.

Блистательным финалом целеустремленной работы автора стало переименование одной из улиц бывшего гетто в улицу Михаила Гебелева. Долгий путь Светланы Гебелевой к заветной улице нашел достойное завершение. Всеобъемлющим итогом этого долгого пути явилась теперь и законченная повесть «Долгий путь к заветной улице». Уверен, что книгу с благодарностью встретят не только ветераны войны, но и их дети и внуки.

Книга эта — подлинный литературный памятник героям минувшей войны.

*Евгений Блажнов,
главный редактор журнала «Зеркало»,
Миннесота, США*

Всё мне близко и понятно.

Прочитал книгу Светланы Гебелевой «Долгий путь к заветной улице». Всё мне в ней близко и понятно. Есть в наших судьбах общее. Мы со Светой — дети подпольщиков.

Наши отцы вели за собой людей. Они всегда были впереди, выполняя самые опасные задания.

Имена наших отцов несправедливо были забыты. Мы очень переживали. С юных лет мы мечтали, чтобы несправедливость была исправлена, и всё делали для этого. Мы шли параллельными путями. Но в определённое время эти пути пересеклись. Я помню открытие улицы Михаила Гебелева. Это был праздник не только для Светы и её семьи, но и для еврейской общности всей Европы, США, Израиля, Германии. На долгом пути к заветной улице Света обрела много друзей, единомышленников. Они стали близкими людьми и для меня.

Света показала мне пример борьбы за достижение поставленной цели во имя Справедливости. На том пути и я нашёл немало друзей и сподвижников. Я думаю, что книга Светланы тронет сердца не только бывших ветеранов-бойцов, подпольщиков и партизан, но и их детей и внуков. Эта книга поможет нам Помнить. Чувствовать. Жить!

Роман Кулик, сын Льва Кулика — главврача, руководителя группы подпольщиков-медиков инфекционной больницы в Минском гетто.

Выражаю чувства глубокой благодарности и признательности:

- Временному поверенному в делах Республики Беларусь в США Олегу Кравченко
- Доктору Семёну Лупьяну, Бруклин, Нью-Йорк (США)
- Доктору Яну Лупьяну, Бруклин, Нью-Йорк (США)
- Доктору Феликсу Дрону, Бруклин, Нью-Йорк (США)
- Бизнесмену Гилелу Осташиному, Бруклин, Нью-Йорк (США)
- Писателю Леониду Зубореву, Нью-Йорк (США)
- Главному редактору журнала «Зеркало» Евгению Блажнову, штат Миннесота. (США)
- Поэту и журналисту Александру Шапиро, Баффало, штат Нью-Йорк (США)
- Вице-президенту Ассоциации ветеранов ВОВ Абраму Сагаловичу, Чикаго (США)
- Президенту русскоязычной ветеранской организации города Миннеаполиса (США) Михаилу Гейхману.
- Профессору Давиду Мельцеру, Бруклин, Нью-Йорк (США)
- Директору Музея истории и культуры евреев Беларуси д-ру Инне Герасимовой, Минск (Беларусь)
- Сестре маленького подпольщика Минского гетто Гриши Каплана — по прозвищу «Сорванец» — Фире Лупьян, Детройт (США)
- Заместителю председателя Совета директоров Американской ассоциации евреев из бывшего СССР Савелию Каплинскому, Бруклин, Нью-Йорк (США)
- Сердечно благодарю за поддержку мою старшую сестру Раису Кугель, её мужа Матвея и их сына Михаила, а также семью моей сестры Зины Каждан.
- Особая благодарность моему сыну Василию Томсу за создание этой книги.

Отзыв о книге из Израиля.

Дорогая Светлана! С большим волнением и душевным трепетом, не отрываясь, прочёл созданную Вами книгу. Вы с достоинством и честью выполнили свой долг. Эта книга станет памятником Вашему отцу Михаилу Гебелеву — герою сопротивления в Минском гетто. Однако, написанная Вами повесть, является в тоже время, коллективным памятником героям-подпольщикам и всем узникам, погибшим в Катастрофе.

Я благодарю Вас и поздравляю с несомненным журналистским и творческим успехом.

*Давид Таубкин, заместитель Председателя
Совета Всеизраильской Ассоциации
«Уцелевшие в концлагерях и гетто».*

Документы свидетельствуют.

Михаил Гебелев.

(из воспоминаний участника подполья г. Минска)

Предложенный Смоляром (Скромным) метод уличного построения подпольных партийных организаций в г. Минске: как-то пятерок, десяток, сотен, кустов, т.е. вне форм рабочих коллективов, не получил поддержку большинства членов минского подпольного горкома.

Но при активной поддержке этого метода членами подпольного горкома тт. Казинцом и Григорьевым, он был распространен только в гетто и на двух - трех улицах Октябрьского района г. Минска.

Кем была выдвинута кандидатура т. Гебелева на руководство кустом в гетто, сейчас не помню, но должен сказать, что рекомендованный секретарем минского подпольного горкома т. Ковалевым и утвержденный в мае месяце 1942 г. на горкоме в должности секретаря подпольного райкома гетто т. Гебелев в этой должности себя оправдал.

Я познакомился с т. Гебелевым в марте месяце 1942 г. через члена горкома Рогова, на Грушевском поселке при отправке людей во вновь создаваемый партизанский отряд (отряд Фомина), где т. Гебелевым было приведено около 10 человек коммунистов из гетто, отправляемых в числе других в партизаны.

В мае месяце 1942 г. на заседании подпольного горкома, которое проходило в одном из домов на Торговой улице, секретарь Минского подпольного горкома т. Ковалев сказал, что он давно присматривается к т. Гебелеву и пришел к выводу, что он не пойдет на личное обогащение, т.е. продажу паспортов за золото второстепенным лицам и что ему можно доверить паспорта на предмет вывода из гетто коммунистов и других лиц, способных в партизанских отрядах наносить удары по врагу.

И когда при активном содействии т. Галко, работающего в городской управе, была добыта первая партия - более сотни паспортов, и членом подпольного горкома т. Никифоровым были

принесены мне, а я, по заданию секретаря горкома т. Ковалева, эти паспорта принес коммунисту т. Дементьеву, который жил в то время на улице, примыкающей к гетто. О моем приходе тт. Дементьев и Гебелев были заранее предупреждены т. Ковалевым. Когда я принес паспорта к Дементьеву, у него Гебелева ещё не было. Когда я спросил, как долго его придется ждать, то Дементьев ответил, что он скоро будет и, если я желаю понаблюдать его приход, то надо смотреть в прорезь занавески. Когда я стал смотреть в прорезь занавески, то увидел через некоторое время т. Гебелева, который смело шел к колючей проволоке, которой был опоясан район гетто, я увидел, как он достал из кармана кусачки и ими вырезал в проволоке проход и, осмотревшись по сторонам, пришел в дом. Коротко переговорив с ним, я в присутствии т. Дементьева пересчитал и вручил ему более сотни паспортов.

Через некоторое время я снова встретился у т. Дементьева с т. Гебелевым и в этот раз я снова, в присутствии Дементьева, пересчитал и вручил ему ещё более сотни паспортов.

Гебелев произвел на меня большое впечатление своей смелостью.

*Воспоминания взяты у Котикова Алексея Лаврентьевича
сотрудником института истории АН БССР
А. П. Купреевой 18.01.1980 г.*

Архив Ядвашема. М41/4, л. 5-6.

16-летний Михаил Гебелев.

Наш дед Лейба Гебелев.

Семейная фотография 1937 года.

Слева: стоит - Михаил Гебелев, сидит Хася Гебелева.

*Михаил Гебелев.
Фото из Штаба партизанского движения.*

*Михаил Гебелев.
Фотография из личного дела отца.*

Мама и папа в день бракосочетания.

Сестра отца Сарра.

Мама с семьёй Зины.

Дочери Михаила Гебелева. Слева направо: Раиса, Светлана и Зинаида.

Дочери Михаила Гебелева и их мужья.

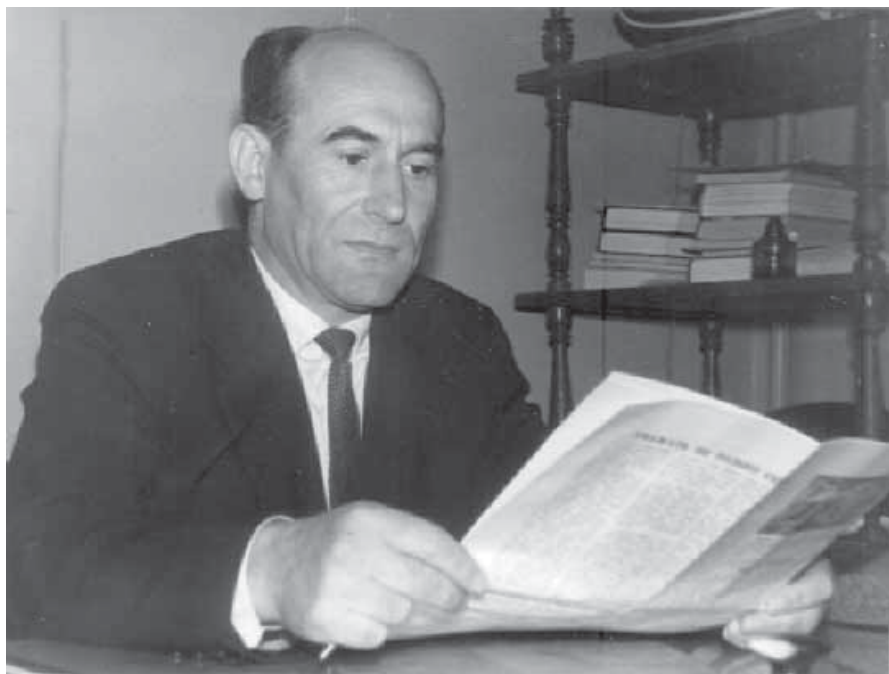
Миша Кугель – внук Михаила Гебелева.

Я, Юрис, Вася.

Абрам Сагалович - племянник папы с женой Лилией.

Иосиф Кацнельсон - младший брат мамы, сподвижник нашего отца.

Подпольщик Давид Кисель.

Светлана Гебелева с родными и друзьями в день открытия улицы М. Гебелева.

Светлана Гебелева в день открытия улицы М. Гебелева.

Циля Ботвинник-Лупьян, узница Минского гетто, подпольщица и партизанка.

Отважная подпольщица Минского гетто Эмма Родова

На встрече детей подпольщиков в музее истории и культуры евреев Беларуси.

Татьяна Бойко (на первом плане) - связная в подполье гетто, партизанка.

Гилел Остаинский, Семён Лутьян и Светлана Гебелева.

*Айзик Мурох,
юный подпольщик и партизан
(дядя Гриши и Фиры Каплан).*

*Маленький подпольщик Гриша
Каплан - «Сорванец», «Гаврош».*

После митинга "Марш живых" в Нью-Йорке.

Анна Курреева.

Фира Лутьян (Каплан) и Наум Лаер.

Нью-Йорк 2009г.

Светлана Гебелева, Зинаида Егорова и Циля Ботвинник-Лутьян.

Мои друзья Галя Григорович и её муж Валера Перзашкевич.

Справа налево: Евгений Блажнов, Михаил Гейхман и его жена Елена Карчевская.

Художник Матвей Басов.

Президент РБ А.Г.Лукашенко беседует с Светланой Гебелевой.

Светлана Гебелева с послом РБ в США
М.М. Хвостовым.

Директор Музея истории и культуры
евреев Беларуси Инна Герасимова.

Блюма Маршак - младшая сестра мамы и её внучка Елена.

Давид Таубкин (слева) у памятника Маше Брускиной в Тель-Авиве.

Михаил Гебелев (справа) - двоюродный брат Светланы Гебелевой.

Литературно-художественное издание

Гебелева Светлана Михайловна
Долгий путь к заветной улице

Ответственная за выпуск И.П. Герасимова
Корректор М.А. Мовзон

Подписано в печать 01.06.2010. Формат. 60x84 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10.83 Уч.-изд. л. 6.43
Тираж 300 экз. Заказ 1706.

Издатель И.П. Логвинов
ЛИ №02330/0494468 от 08.04.2009.
Пр-т Независимости, 19-5, 220050, г. Минск.

Отпечатано ОДО «НоваПринт».
ЛП 02330/0150476 от 25.02.2009.
ул. Купревича, 2, 220141, г. Минск.